

Джой Адамсон

ЖИВУЩАЯ СВОБОДНОЙ

Annotation

Книга известной писательницы и биолога-натуралиста Джой Адамсон основана на дневниках, которые автор вела в Кении, наблюдая за своей воспитанницей львицей Эльсой и ее детенышами. Это вторая книга трилогии.

- [Джой Адамсон.](#)
 - [От автора](#)
 - [Глава первая. ЭЛЬСА НАХОДИТ СЕБЕ СУПРУГА](#)
 - [Глава вторая. РОЖДЕНИЕ ЛЬВЯТ](#)
 - [Глава третья. МЫ ЗНАКОМИМСЯ СО ЛЬВЯТАМИ](#)
 - [Глава четвертая. ЛЬВЯТА ВСТРЕЧАЮТ НАШИХ ДРУЗЕЙ](#)
 - [Глава пятая. ЛЬВЯТА В ЛАГЕРЕ](#)
 - [Глава шестая. РАЗНЫЕ ХАРАКТЕРЫ](#)
 - [Глава седьмая. ЭЛЬСА ВСТРЕЧАЕТ СВОЕГО ИЗДАТЕЛЯ](#)
 - [Глава восьмая. ПОЖАР В ЛАГЕРЕ](#)
 - [Глава девятая. ЭЛЬСА СРАЖАЕТСЯ](#)
 - [Глава десятая. ОПАСНОСТИ БУША](#)
 - [Глава одиннадцатая. ЛЬВЯТА И СЪЕМКИ](#)
 - [Глава двенадцатая. СТЫЧКА С БРАКОНЬЕРАМИ](#)
 - [Глава тринадцатая. ТАМ-ТАМ](#)
 - [Глава четырнадцатая. НАЧИНАЕТСЯ НОВЫЙ ГОД](#)
 - [notes](#)
 - [1](#)
 - [2](#)
-

**Джой Адамсон.
Живущая свободной**

От автора

С тех пор как у Эльсы появились детеныши, я начала вести дневник. В нем я записывала все, что мы наблюдали, когда приезжали в лагерь. «Живущая свободной» основана на этих записях. Отсюда и форма книги.

Во всем, что описано здесь, участвовал мой муж Джордж, без него не было бы и самой книги. Я хочу поблагодарить всех официальных и частных лиц, содействие которых позволило нам столько времени проводить в лагере Эльсы. Хочется также сказать спасибо тем, кто помог мне издать «Рожденную свободной», а теперь еще и «Живущую свободной».

Глава первая. ЭЛЬСА НАХОДИТ СЕБЕ СУПРУГА

По наблюдениям Джорджа, брачный период Эльсы продолжался с 29 августа по 4 сентября 1959 года. Он быстро подсчитал: беременность длится сто восемь дней, значит, детеныши появятся между 15 и 21 декабря.

Когда он вернулся в Исиоло и рассказал о том, что видел, я готова была тотчас же отправиться одна в лагерь Эльсы. Как бы она не ушла за своим супругом и не перестала нас признавать!

Но когда мы наконец выбрались и приехали в лагерь, Эльса сидела, поджидая нас, у подножия горы, недалеко от дороги. Она была очень ласкова и очень голодна.

Пока мы ставили палатки, лев начал звать Эльсу. Всю ночь он ходил вокруг лагеря, а она оставалась в палатке у Джорджа, с аппетитом ела и не обращала никакого внимания на призывы супруга. На рассвете мы все еще слышали его голос, но уже издалека.

Эльса провела в лагере два дня и ела так жадно, что первую половину дня ее все время клонило ко сну, и только под вечер она уходила с Джорджем на рыбную ловлю.

В третью ночь она съела столько, что мы даже испугались за нее, но утром Эльса затрусилась с нами в буш, хотя ее живот чуть не волочился по земле. В буше она выследила двух шакалов, потом стаю цесарок. Конечно, всякий раз, как Эльса приближалась, птицы улетали. Тогда она садилась и облизывала лапы.

Я шла впереди, но, заметив вдруг медоеда^[1], остановилась. Это довольно редкое животное. Он стоял

спиной ко мне и был так поглощен поисками съедобного в гнилом стволе поваленного дерева, что не заметил Эльсу. Зато она сразу увидела его и стала осторожно подкрадываться, пока не очутилась совсем рядом.

Казалось, еще секунда, и они столкнутся лбами, но тут медоед спохватился. Шипя и царапаясь, он тотчас пошел в атаку, да так яростно, так храбро, что львица попятилась.

Прикрываясь за кочками, медоед отходил, но не просто отходил, а делал все новые и новые выпады. Так он и ушел невредимый.

Эльса вернулась к нам обескураженная и озадаченная. На сытый желудок она охотилась только потехи ради, а что за удовольствие играть с таким злокой. Но этот случай подтвердил, что мы были правы, предположив однажды, — давно еще, когда Эльса вернулась с прогулки покусанная и поцарапанная, — что на нее напал медоед. Нет среди мелких зверей другого такого отважного храбреца.

На пути домой Эльса ластилась к нам и отчаянно озорничала, даже сбила меня с ног и прокатила по песку, когда я зазевалась.

Ночью она спала перед моей палаткой, но под утро ее снова принялся звать супруг, и она ушла.

Их голоса было легко различить. У Эльсы — низкий, горловой. После первого, вступительного рыканья — короткое ворчание: два-три отрывистых звука. У него не такой басистый голос, зато его ворчание состоит из десяти — двенадцати звуков.

Пока Эльса отсутствовала, мы свернули лагерь и уехали в Исиоло, надеясь, что она вернулась к своему супругу.

В эти дни Джорджа попросили взять на попечение слоненка, который свалился в колодец. Разумеется, он привез слоненка домой. Мы назвали малыша Пампо. Это

было обаятельное создание, с лихвой вознаграждавшее нас за все хлопоты о нем, ведь одного молока ему требовалось в день около десяти литров.

Редко удается вырастить слоненка, оставшегося без матери. Очень уж трудно найти замену слоновьему молоку, такой у него своеобразный состав. Мы давали Пампо и рыбий жир, и глюкозу, но все же я беспокоилась и почти не спускала с него глаз. Обслуживать двух зверей, живущих в двухстах сорока километрах друг от друга, было далеко не просто. Совсем забросить Эльсу нельзя, а не следить за Пампо тоже нельзя — умрет. К счастью, моя подруга Джоан Джагл, которая очень любит животных и умеет с ними обращаться, вызвалась быть слоновьей няней. Так что 10 октября мы снова поехали в лагерь Эльсы.

Прошло три недели со времени предыдущей встречи. Через час после нашего прибытия Эльса приплыла с того берега. До сих пор она всегда оказывала нам восторженный прием, теперь же подошла ко мне не торопясь. Она не была голодна и вела себя на редкость степенно.

Я погладила ее и заметила, что у Эльсы какой-то особенно шелковистый мех, а четыре из пяти сосков сильно набухли. Все ясно: она беременна. Судя по всему, зачатие произошло с месяц тому назад.

Считается, что беременной львице, пока ей трудно охотиться, помогают одна или две другие львицы — так сказать, «тетушки». Они же участвуют в уходе за новорожденными. От супруга мало толку, да его подчас первые недели вообще не подпускают к малышам.

У бедной Эльсы «тетушек» не было, и пришлось нам с Джорджем взять на себя эту роль. Мы обсудили, как ее кормить, чтобы она не подвергалась никаким опасностям во время беременности.

Я должна была остаться в лагере и прожить там подольше. На ближайшем кордоне, километрах в сорока

от лагеря, мы решили завести стадо коз. Время от времени я буду забирать оттуда несколько штук на своем грузовике. Нуру будет помогать мне, Македде — охранять нас, Ибрахим — водить машину, а Тото — исполнять обязанности слуги. Джордж обещал наведываться, как только позволят дела.

Эльса, словно она поняла все, о чем мы говорили, вскочила на мою раскладушку, едва я ее поставила. Она явно считала, что это единственное подходящее место в ее состоянии, и прочно завладела моей кроватью.

Мне нездоровилось. Утром я попросила отнести раскладушку в мой «кабинет». Тотчас туда явилась Эльса и легла рядом со мной. Мне было неудобно. Немного погодя я сбросила ее на землю. Она обиделась и ушла в камыши.

Но вот настал час вечерней прогулки. Я позвала Эльсу. Она пристально поглядела на меня, решительно подошла к кровати, вскочила на нее, присела, подняла хвост и сделала нечто такое, чего прежде никогда себе не позволяла. Затем с довольным видом прыгнула и зашагала впереди меня в буш.

Все ясно: она отомстила. Но теперь раздоры забыты, можно опять дружить.

Я заметила, что она ступает медленнее обычного. Даже шум слонов поблизости не соблазнил ее пробежаться, она только насторожила уши. Ночь Эльса проспала в палатке Джорджа, совершенно равнодушная к зову льва, который бродил по соседству с лагерем.

Утром призывы продолжались. Мы повели Эльсу в ту сторону, откуда доносился голос льва, и нашли отпечатки лап не одного, а двух львов! Эльса заинтересовалась следами. Мы оставили ее и пошли домой. Вечером она не вернулась, но, к нашему удивлению, ночью опять совсем близко от лагеря ворчал лев. Утром мы определили по следам, что он был

всего метрах в десяти от палаток. Эльса не появлялась. Чтобы расположить к ней чужих львов, Джордж застрелил антилопу и оставил им в подарок. После этого мы возвратились в Исиоло.

Приятно было убедиться, что Пампо чувствует себя хорошо, хотя его постиг удел всех знаменитостей: слоненка осаждали гости. Меня это беспокоило, потому что звереныши обычно нервничают при виде чужих. Я подметила, что наплыв почитателей утомляет и раздражает слоненка. Когда мы оставались одни, он доверчиво прижимался ко мне своим неуклюжим тельцем и засыпал. Со мной он чувствовал себя в безопасности.

Через две недели мы снова собрались проведать Эльсу. Джоан Джагл еще раз вызвалась присмотреть за Пампо, и тот встретил ее восторженным визгом.

Уже стемнело, когда мы доехали до лагеря. Эльса появилась через несколько минут. Она сильно отощала, изголодалась, шея у нее была изранена и искусана, а спина исполосована львиными когтями.

Пока Эльса ела мясо, которое мы привезли, я промыла и смазала ее раны. Она признательно лизнула меня и потерлась головой о мою голову.

Ночью мы слышали, как она потащила мясо к реке, перебралась с ним на другой берег, потом вернулась. Вскоре подали голос бабуины, им отозвался из-за реки лев. Эльса ответила ему нежным мяуканьем. Рано утром она попыталась пролезть сквозь плетеную калитку в колючей изгороди вокруг моей палатки. Просунула туда голову и застряла. Дернулась несколько раз, сорвала калитку и явилась ко мне с этим ожерельем. Я немедленно освободила ее, но Эльса заметно нервничала и все сосала мой большой палец. Несмотря на голод, она не пошла охранять свою «добычу», только внимательно прислушивалась к звукам, которые доносились оттуда, где лежала туша. Ее поведение

озадачило нас, и Джордж решил проверить, что же произошло. Он нашел то место, где Эльса перетаскивала тушу через реку. По следам на другом берегу он определил, что какая-то другая львица уволокла потом мясо метров на четыреста, часть съела, остальное унесла на скалы неподалеку. Видимо, у нее там были детеныши, и Джордж не стал больше искать. Кроме следов львицы, он увидел отпечатки лап самца, причем это не был супруг Эльсы. Судя по всему, лев не трогал мяса, только сопровождал львицу, не подходя к ней близко.

Можно ли из этого заключить, что, хотя львы не очень-то пекутся о львицах, когда беременность и кормление львят мешают тем охотиться, но все-таки способны на жертву супруге? И действительно ли Эльса, голодная, израненная, сама нуждающаяся в «тетушке», решила помочь «кормящей матери»? Об этом можно было только гадать.

Эльсе становилось все тяжелее двигаться. Она часто ложилась на стол в моем «кабинете», и я не могла понять почему. Конечно, на столе было прохладнее, но ведь он куда жестче кровати или, скажем, песка.

Последующие дни Эльса делила время между своим супругом и мной. Ночью, накануне нашего отъезда, она наелась до отвала козлятины и пошла, чуть не волоча живот по земле, ко льву, который звал ее уже несколько часов. Мы воспользовались ее отсутствием, чтобы вернуться в Исиоло.

Меня потряс вид Пампо. Он страшно исхудал, кожа сморщилась, особенно вокруг глаз, на ногах выпирали суставы. Джоан рассказала, что слоненок вдруг стал пить гораздо меньше молока, всего литр-два в день вместо десяти. Он терся деснами обо все, что попало, и она подумала, что у него болят зубы. Один раз Пампо выпил всю воду из своего купального корыта и хотел повторить этот номер на другой день, но Джоан убрала

корыто, потому что у слоненка началось расстройство желудка. Тогда он решил напиться из грязной лужи и после этого совсем расхворался. Джоан пригласила ветеринара. Тот посоветовал давать Пампо только глюкозу и чистую воду, прописал сульфатуанидин.

Пампо слабел с каждым днем. Несмотря на все наши усилия спасти его, слоненок все-таки умер. Умер очень тихо, приклонив ко мне голову. Он прожил у нас ровно месяц. Я расстроилась, очень уж мил был этот малыш. Вскрытие показало воспаление легких, да и кишечник был поражен. Мы просто не смогли бы спасти слоненка.

Было самое жаркое время года. В такую сильную засуху местные жители обычно обходят район, который мы облюбовали для Эльсы, так как там водится разновидность мухи цеце, очень опасной для скота. Теперь они стали добиваться разрешения пригнать свои стада в заповедник. И пока шли переговоры, участились случаи браконьерства и отравы.

В десятых числах ноября мы снова отправились к Эльсе. По дороге, километрах в пятнадцати от лагеря, мы заметили на деревьях множество грифов. Естественно, нам захотелось проверить в чем дело, и мы обнаружили убитого слоненка чуть постарше Пампо.

Он погиб, израненный копьями. Мы подозревали боранов. По их обычаю, парни, чтобы завоевать расположение девушек, должны «смочить копье кровью». Иначе говоря, доказать свою доблесть, убив опасного зверя. К сожалению, для этой цели годится даже кровь новорожденного беззащитного детеныша.

Вблизи логова Эльсы нам попало множество следов коз и овец, а в нашем лагере была истоптана вся земля. Я с ужасом подумала о том, что может случиться с Эльсой, если она убьет хоть одну из коз, которые вторглись в ее угодья. Еще больше мы встревожились, когда нашли возле реки крокодила, заколотого совсем недавно копьями охотников.

Джордж послал объездчиков ловить браконьеров, а сам отправился вместе со мной искать Эльсу. Несколько часов бродили мы по бушу, звали ее, стреляли в воздух — никакого ответа. Стемнело. Где-то около гряды, которую мы называли Большими скалами, подал голос лев, но Эльсы не было слышно.

Ракет у нас не оставалось, и мы могли пустить в ход только одно средство — сирену. Кстати, мы и раньше не раз вызывали таким способом Эльсу к лагерю.

На наш сигнал отозвался лев. Посигналили снова — опять его голос. Необычная переключка продолжалась до тех пор, пока вдруг не появилась Эльса. На радостях она сбила нас с ног. По ее мокрой шкуре мы поняли, что она была за рекой, а вовсе не там, где рычал лев.

Выглядела Эльса здоровой и сытой. На рассвете она ушла, но во второй половине дня, когда мы собрались на прогулку, явилась снова.

Мы поднялись на Большие скалы и посидели там, любуясь закатом. Огненный шар солнца скрылся за синими холмами. Эльса совсем сливалась с рыжеватыми камнями, но, когда начало темнеть и взошла луна, ее силуэт отчетливо вырисовался на фоне неба. Мы сидели словно на огромном корабле, который бросил якорь среди пурпурно-серого моря буша с разбросанными кое-где гранитными островками.

Величие, беспредельный покой. Время будто остановилось, и я чувствовала себя как на волшебном корабле, который из мира реального скользил в мир, где ценности, созданные человеком, — крупинка, ничто. Невольно я протянула руку к сидящей рядом Эльсе. Это был ее мир, только она могла приоткрыть нам окошко в навсегда потерянный нами рай. Я представила себе, как Эльса на этой самой скале будет играть со своими малышами. Отец — дикий лев — наверное, лежит сейчас где-нибудь неподалеку. Эльса повернулась на спину и крепко обняла меня. Я бережно положила

ладонь пониже ее ребер — проверить, шевелится ли там что-нибудь живое, но Эльса отодвинула мою руку, точно я проявила нескромность. У нее были очень грузные соски.

Пора было возвращаться в лагерь под защиту колючей изгороди, ламп и ружей. Мы вынуждены остерегаться темноты, а для Эльсы в это время суток только начинается подлинная жизнь. И мы расстались. Каждый ушел в свой мир.

В лагере мы увидели браконьеров, которых поймали наши объездчики. Едва ли не первый долг старшего инспектора пресекать браконьерство, так как оно представляет серьезную угрозу для животных в заповедниках.

Всю ночь и весь следующий день Эльса не появлялась. Мы не на шутку встревожились. Кругом пастухи со своими стадами... Под вечер мы пошли проведать ее. Подойдя к Большим скалам, я покричала, чтобы предупредить Эльсу, но ответа не последовало. Мы поднялись на седло, где отдыхали накануне вечером, и только тут вдруг услышали сердитое рычание, потом внизу в расщелине затрещали кусты. Мы быстро взобрались на ближайший выступ. Совсем рядом послышался голос Эльсы, затем мы увидели ее супруга — он уходил в буш.

Эльса поглядела на нас, постояла в нерешительности и бросилась догонять льва. Они направились как раз туда, где несколько боранов пасли свое стадо.

Мы прождали почти до темноты, потом стали звать Эльсу. К нашему удивлению, она прибежала на зов и пошла с нами. Ночь она провела в лагере, но рано утром опять ушла.

Оставив в лагере объездчиков, Джордж повез нарушителей в Исиоло.

Среди буша бродили отбившиеся от стада козы и овцы, жалобно блеяли новорожденные ягнята. Объездчики помогали мне находить малышей и доставлять их матерям.

Вечером разразилась сильная гроза — верный признак приближения дождливой поры. Никогда еще я не встречала первый ливень с таким облегчением. Теперь бораны уведут скот назад, на свои пастбища, и Эльса будет избавлена от соблазнов и опасностей.

К счастью, скопление незнакомых людей в лагере пришлось Эльсе не по вкусу, и все эти последние беспокойные дни она провела за рекой, где не было никаких стад.

Теперь дожди ежедневно поливали пересохшую землю. Кто не наблюдал сам, как меняется природа здесь с началом дождей, тот не может себе этого представить. Несколько дней назад нас окружали серые, сухие кусты, и только длинные белые колючки вносили некоторое разнообразие в их окраску. Теперь всюду была пышная тропическая зелень и несчетное множество чудесных цветов, которые напоили воздух своим благоуханием.

Как обычно, птицы-ткачи спешили использовать высокую, почти в рост человека, траву. Они сооружали из нее гнезда на двух деревьях, под которыми стояли наши палатки. Птицы чувствовали себя здесь в полной безопасности, и каждое утро меня будили около шестисот пернатых строителей. Большинство птичек желтые с черной головкой, они ткут свои гнезда из травы. Но было также несколько пар красноголовых ткачей. Эти делают гнезда из веточек. Обычно красноголовые держатся особняком, и я удивилась, увидев их в этой шумной компании.

Одна красноголовая чета устроила себе гнездо как раз над входом в мою палатку.

Черноголовые подвешивали сначала к ветке кольцо из травы, а потом клювами прикрепляли к нему травинки, переплетали их, завязывая сложные замысловатые узлы. При этом им приходилось висеть на ветке вниз головой и непрерывно взмахивать крыльями, чтобы удержать равновесие. Трудолюбивые птицы неутомимо летали за строительным материалом. Но бывали случаи, когда ткач, вернувшись с длинной травинкой в клюве, заставал в своем гнезде какого-нибудь лентяя. И на деревьях все время стоял такой гвалт, такое чириканье, что я удивлялась, как они успевают что-либо сделать. Однако дня через два или три строительство было закончено, а некоторое время спустя сотни яичных скорлупок усеяли землю, возвещая, что на свет появились птенцы.

Особенно прилежно родители трудились по утрам и вечерам, но нередко мы слышали их щебетанье и после того, как зажигались наши лампы. В общем, соседи ничего. Одно только плохо: хотя бои каждый день чистили палатки, они все равно постоянно были покрыты пометом.

Как-то утром я нашла на земле птенца, который жалобным голоском звал маму. Я осторожно положила его в валявшееся на земле гнездо и подвесила на ветку, надеясь, что мамаша позаботится о своем крикливом отпрыске. Потом несчастные случаи стали повторяться все чаще, и я развесила на ограде несколько гнезд, в которые вселяла сирот. В каждой квартире было по одному, по два птенца. Стоило мне к ним подойти, как тотчас открывались треугольные желтые клювы и раздавался требовательный крик.

На мое счастье, наш лагерь подвергся нашествию муравьев, которые прячут свои жирные личинки в темных местах. Теперь не надо было ломать себе голову, как прокормить воспитанников. Я совала личинок пинцетом в пасть птенцам, тут только

поспевай! Малыши так нетерпеливо тянулись за добавкой, что едва не вываливались из гнезд. Те из них, которые немного научились пользоваться крыльями, спускались на землю. Иногда приходилось брать птенца в руки и долго успокаивать его, прежде чем он начинал есть. Большинство удалось выкормить, но к некоторым я никак не могла найти подхода, и, к моему великому огорчению, они погибли.

В лагере я особенно люблю вечера. Ровно стрекочут цикады, басят слоны, гудит буш, слышится резкий крик ночного животного...

Вот над высокой травой появились широкие, до трех метров, полосы зеленого света. Это вспыхивают и гаснут тысячи светлячков. Поневоле спрашиваешь себя: как они сообщаются между собой, если умеют так точно согласовать свои вспышки, словно всех их включает и выключает одно реле?

Я часто проводила в лагере пору дождей, но никогда не видела такой великолепной иллюминации, как в этот раз.

Вернулся Джордж и привез Эльсе зебру. Для нее это было настоящее лакомство. Львица сразу прибежала на шум мотора, учуяла свою добычу и попыталась сама вытащить ее из лендровера. Но зебра оказалась чересчур тяжелой. Тогда Эльса подошла к боям и движением головы дала им понять, что нужно подсобить ей. Весело смеясь, они оттащили тяжелую тушу в сторонку и стали ждать, когда Эльса примется за угощение. К нашему удивлению, она не стала есть, хотя больше всего на свете любила мясо зебры. Вместо этого Эльса спустилась к реке и принялась громко рычать. Видимо, она приглашала на пир супруга. У львов так уж водится: хотя главные охотники в прайде — львицы, но они, добыв мяса, обязаны ждать, пока не насытится лев.

На следующее утро (это было 22 ноября) Эльса пришла с того берега, подошла к зебре и стала рычать, повернувшись к скалистой гряде. Я заметила у нее на передней лапе глубокую рану, хотела продезинфицировать ее, но Эльса не далась. Наевшись до отвала, она пошла к скалам.

Ночью восемь часов подряд шел дождь. Река превратилась в бушующий поток. Как ни хорошо плавала Эльса, переправляться ей было бы опасно. Я обрадовалась, когда увидела утром, что она идет к лагерю со стороны Больших скал. Раненая лапа у нее сильно распухла, и на этот раз Эльса позволила мне заняться лечением.

Заметив, что Эльсе почему-то трудно отправлять естественные надобности, я исследовала ее прямую кишку и нашла... кусок зебровой шкуры размером с суповую тарелку и толщиной около сантиметра. Волос на ней не осталось, но шкуру львица не смогла переварить. Дикие животные обладают поразительной способностью без вреда для кишечника избавляться от неудобоваримых предметов.

Несколько дней Эльса делила свое время между нами и супругом.

Из очередного объезда Джордж привез для Эльсы козла. Обычно она волокла добычу в его палатку, видимо, для того, чтобы не сторожить ее. На этот раз Эльса оставила тушу рядом с лендрровером, так что ее не было видно из палаток. Ночью пришел супруг и как следует закусил. Может быть, она на это и рассчитывала?

На следующий день мы положили для него мясо подальше от лагеря. А то еще явится прямо к нам. Вскоре после наступления темноты мы слышали, как лев уволакивает тушу. Утром Эльса отправилась к нему.

Мы оказались в затруднительном положении. Нам хотелось помогать Эльсе, постоянно подкармливать ее.

Ведь беременность все больше мешала ей охотиться. Но оставаться слишком долго в лагере значило внести разлад в ее отношения с супругом. Он был вправе возмущаться. А впрочем, так ли уж он настроен против нас? Нам почему-то казалось, что нет. Думаю, мы не ошибались. За эти полгода мы, хотя и не видели его, часто слышали знакомый голос, отпечатки лап подтверждали, что он не бросает Эльсу.

Лев избегал попадаться нам на глаза. Правда, со временем он становился все смелее, но соблюдал условия негласного перемирия. Он знал наш распорядок дня так же хорошо, как мы — его. Лев разрешал Эльсе навещать нас. Мы считали, что за это его можно иногда и угостить.

Итак, мы заглушили голос совести и остались в лагере.

Как-то во время вечерней прогулки в буше мы подошли с Эльсой к огромному камню с трещиной. Эльса потянула воздух, сделала гримасу и остановилась, отказываясь идти дальше. Из трещины донеслось шипение. Змея? Джордж приготовил ружье... Но тут высунулась широкая голова варана. А вот он и весь вылез наружу, да какой здоровенный — около полутора метров. Еще и надулся для устрашения. Длинный, раздвоенный на конце язык нервно извивался, а хвост так неистово колотил о камень, что Эльса отступила.

Наблюдая за ними с безопасного расстояния, я восхищалась мужеством рептилии. Ее единственным оружием была устрашающая внешность да хвост, которым она била, словно крокодил, и, однако, варан предпочел выйти и встретить опасность лицом к лицу, чем оказаться в ловушке.

По пути домой мы поднялись на любимую скалу Эльсы и сфотографировали ее. Она отлично позировала, пока не услышала снизу голос супруга. Прямо по скале

она спустилась в крутую расщелину. Я удивлялась, как Эльса, в ее положении, не сорвется с почти отвесной стенки.

Потом, в течение нескольких дней, мы редко виделись с Эльсой, зато часто слышали рычание ее супруга и находили отпечатки его лап, так что можно было не волноваться.

Под вечер 1 декабря Эльса пришла в лагерь. Дойдя с нами до лужи дождевой воды, она легла у ее края, а я села рядом и стала бить мух цеце. На закате они здорово жалят. Свежие следы вокруг лужи были моей «Лесной газетой».

Вдруг Джордж тихонько свистнул. Я подняла голову и увидела два десятка буйволов, направляющихся на водопой. С ними шли телята. Эльса устремила пристальный взгляд на стадо, вся подобралась, положила голову на передние лапы и ринулась на буйволиц. Земля загудела от топота, затрещали кусты — стадо обратилось в бегство.

Мы побежали следом и настигли Эльсу. Она тяжело дышала, а из зарослей доносилось сердитое фырканье. Буйволицы опомнились от испуга и приготовились дать отпор. Миг — и несколько разъяренных мамаш перешли в контратаку. Эльса сообразила, что этот поединок ей не под силу, и отошла к нам. Потом она все время делала короткие выпады, но тотчас же возвращалась.

Подпустив стадо метров на пятнадцать, Джордж и Македде принялись кричать и махать руками. Буйволицы были немало озадачены этим странным спектаклем. Они нерешительно потоптались на месте, наконец повернули и ушли.

Выждав немного, ушли и мы, внимательно следя, не ждет ли нас засада. С буйволами шутки плохи...

На следующее утро Джорджу надо было уезжать. Я оставалась в лагере. Эльса три дня провела со мною, хотя супруг все время звал ее.

Как-то вечером она вдруг насторожилась, посмотрела в сторону реки, на миг оцепенела и бросилась в кусты. Бабуины подняли страшный гвалт, пока рычание Эльсы не заставило их смолкнуть. А затем послышалось рыканье ее супруга. Он был в каких-нибудь пятидесяти метрах от нас. Казалось, земля гудит от его могучего голоса. С другой стороны ему ответила Эльса. Сидя между ними, я уже стала побаиваться, как бы возлюбленная пара не явилась в мою палатку — мне нечем было угостить их. Ну, кажется, накричались до хрипоты... Ворчание стихло, теперь только жужжание насекомых доносилось из буша.

Я очень обрадовалась, когда на следующий день Джордж привез Эльсе козу.

В пору дождей воздух бывает очень влажный, и мясо быстро портится, даже двух дней не лежит. Чтобы подольше сохранить Эльсин паек, мы придумали своего рода «холодильник»: обертывали мясо листьями, чтобы мухи не могли откладывать на нем яички, и подвешивали под тенистым деревом в полуметре от земли.

Дерево это стояло недалеко от обители варана, где, кроме взрослого хозяина, жил еще совсем юный варанчик, который только что сменил кожу. Утром, направляясь в «кабинет», я увидела старшего, он жадно глядел на недосыгаемый кусок мяса. Приметив меня, он поспешно отступил, но потом послышался шелест и появился младший варан. Я не двигалась, и вскоре варанчик очутился в каком-нибудь метре от меня. Убедившись, что я безобидное существо, он вернулся домой. Тогда старик, который явно посылал молодого на разведку, снова приблизился к заманчивому дереву. Он долго сидел под мясом, примеряясь, и вдруг подпрыгнул. Промах! Прыгнул еще раз, затем еще и еще, наконец вцепился в мясо челюстями и подтянулся.

Я дала ему закусить как следует, потом хлопнула в ладоши. Варан шлепнулся на землю. Вид у него был потешный, из пасти с обеих сторон торчали куски мяса. Но он не обратился в бегство, а уставился на меня, точно решил загипнотизировать. Я стояла неподвижно, и старик успокоился. Не сводя с меня глаз, он торопливо проглотил добытые куски и только после этого побрел восвояси.

Глава вторая. РОЖДЕНИЕ ЛЬВЯТ

Близилась середина декабря, и мы со дня на день ждали появления у Эльсы детенышей.

Она так отяжелела, что, казалось, малейшее движение требует от нее больших усилий. Живи Эльса нормальной жизнью, она, несомненно, делала бы разминку, поэтому я всячески старалась вытащить ее на прогулку. Однако она предпочитала держаться поближе к палаткам. Мы все пытались угадать, какое место Эльса облюбует для родов. Уж не родятся ли львята в нашей палатке, которую она привыкла считать самым безопасным логовом?

Мы приготовили бутылочку с соской, запасли сгущенного молока, глюкозы. Я без конца читала книги и брошюры о родах и осложнениях у животных.

Мне никогда не приходилось быть повитухой, поэтому я сильно волновалась и, естественно, советовалась с ветеринаром. Чтобы установить, хотя бы примерно, срок беременности, я осторожно прикладывала руку к животу Эльсы. Но движения никакого не чувствовалось, и я уж думала, что мы ошиблись.

Река сильно разлилась, и мы с Джорджем решили посмотреть на водопады. В эту пору они великолепны. Эльса с крыши лендровера проводила нас сонным взглядом. Пробираясь через густой буш, я жалела, что она не захотела пойти с нами: некому будет предупредить нас о приближении буйволов и слонов. Судя по помету, эти великаны могли встретиться нам в любой момент.

Водопады производили внушительное впечатление. Пенные струи с ревом мчались через камни, в мрачной теснине кружились бурные водовороты.

На обратном пути, как только стих гул воды, я услышала знакомое «хнк-хнк». Эльса трусила нам навстречу со всей скоростью, на какую она теперь была способна. Ее облепили мухи цеце, но она сначала нежно поприветствовала нас и только после этого стала кататься по земле, чтобы избавиться от своих мучительниц.

Как ни трудно ей было ходить, она все же отыскала нас. А ведь супруг всю ночь, до девяти утра, звал ее, но она не пошла к нему. Меня это очень тронуло. Ее привязанность радовала меня, но, с другой стороны, надо было считаться с тем, что льву может надоест такое соперничество. Мы слишком долго искали ей супруга, и нельзя допускать, чтобы он бросил ее из-за нас. Львята должны вырасти дикими, значит, им нужен отец.

И мы решили уехать дня на три. Конечно, это было рискованно: вдруг начнутся роды и Эльсе понадобится наша помощь. Но ведь еще хуже, если лев уйдет.

16 декабря мы вернулись. Эльса ждала нас и была очень голодна. Два последующих дня она провела в лагере. Шли грозовые дожди, и, возможно, поэтому ей не хотелось оставлять убежище. Правда, Эльса зачем-то несколько раз ходила к Большим скалам, но тотчас возвращалась обратно. Ела она невероятно много. Видимо, отъедалась впрок.

Вечером 18 декабря Эльса уже затемно пробралась сквозь колючую изгородь и всю ночь провела в моей палатке, на полу возле кровати. Это было не совсем обычно, и я решила, что подходит ее срок.

На следующий день она вместе со мной и Джорджем пошла на прогулку. По всему было видно, что ей тяжело. Она то и дело присаживалась, чтобы

отдышаться. Тогда мы повернули обратно и направились домой, стараясь идти помедленнее. Вдруг Эльса свернула в буш и двинулась к Большим скалам.

Ночью львица не вернулась, а утром мы услышали, как она тихонько зовет нас. Может быть, уже родила? Мы пошли по ее следу, но в высокой траве у самой гряды потеряли его. Долго мы искали Эльсу, однако гряда достаточно велика — около полутора километров в длину — и нам не удалось ее найти. Позднее мы снова вышли из лагеря и на этот раз разглядели Эльсу в бинокль. Она стояла на Больших скалах, и по всему было видно, что еще не разродилась.

Мы поднялись на гряду. Эльса лежала у огромного камня, который прикрывает глубокую расщелину в скале. Маленькая зеленая лужайка, невысокое деревце... Место уютное, Эльса давно его облюбовала. Что ж, тут будет отличная «детская»: ведь расщелина образует надежно защищенное, сухое убежище.

Мы не стали навязывать Эльсе свое общество, но она сама подошла к нам. Было видно, что передвигается она с большим трудом и страдает от боли. Эльса нежно приветствовала нас, хотя, судя по капелькам крови, у нее уже начались схватки. Потом она прошла к Македде и Тото, которые стояли поодаль, потерлась головой об их ноги и села.

Я хотела подойти к ней, но она встала, отступила к краю скалы и остановилась там, глядя в другую сторону. Словно нарочно выбрала это опасное место, чтобы никто не пошел за нею. Несколько раз она возвращалась ко мне, терлась головой о мою голову и наконец решительно направилась к тому месту, где мы застали ее в самом начале. Все ясно. Она просит оставить ее в покое.

Мы ушли и около получаса наблюдали за нею в бинокли. Эльса каталась по земле, облизывала себя,

мяукала. А затем осторожно спустилась по скале и исчезла в кустах.

Мы ничем не могли ей помочь, поэтому решили возвратиться в лагерь. Когда стемнело, до нас донесся голос ее супруга, но ему никто не ответил.

Я почти всю ночь не спала, думала об Эльсе. А тут еще под утро полил дождь. Хоть бы скорее рассвело!

С раннего утра мы с Джорджем отправились в путь. Шли сначала по следу льва. Он приходил к самому лагерю, уволок козу, которой Эльса не касалась уже три дня, и съел ее в буше. А после этого направился к гряде, примерно туда, где мы накануне видели Эльсу.

Как нам поступить? Излишнее любопытство могло бы оказаться роковым для львят: львицы в неволе иногда пожирают своих детенышей, если их потревожат сразу после родов. И ведь не исключено, что отец ходит где-то поблизости. Мы решили прекратить поиски. Джордж отправился на охоту и подстрелил для Эльсы и ее супруга крупного водяного козла. А я тем временем поднялась на Большие скалы и просидела там около часа, ловя звуки, которые позволили бы угадать, где Эльса. Но ничего не было слышно. Наконец я не выдержала и стала звать ее. Никакого ответа. Уж не погибла ли она?..

Может быть, следы льва приведут нас к Эльсе. Мы возобновили поиски. Отпечатки лап вели к сухому руслу по соседству с грядой. Здесь мы оставили антилопу, рассчитывая, что лев придет за нею и тем самым поможет нам выследить Эльсу.

Ночью его рычание доносилось издалека, поэтому мы очень удивились, найдя утром его следы у самого лагеря. Лежавшую здесь козлятину лев не тронул, зато отыскал антилопу, которую мы оставили для него у гряды, и протащил ее почти с километр через овраги, острые камни, густой кустарник. Мы не стали мешать ему и снова отправились искать следы Эльсы. Все было

напрасно. Тогда мы вернулись в лагерь, чтобы позавтракать, и вскоре рассмотрели в бинокль стаю грифов на деревьях в том месте, где, как мы думали, лев закусывал антилопой.

Предполагая, что он уже насытился, мы пошли туда. Грифы сидели на каждом дереве, каждом кусте, не сводя глаз с туши, лежавшей посреди сухого русла. Вниз они не спускались. Видимо, лев был неподалеку и караулил свою добычу. Странно, антилопа как будто не тронута. Может быть, Эльса где-нибудь здесь поблизости и учтивый супруг тащил этот тяжелый груз для нее? Продолжать поиски было бы неразумно, и мы вернулись в лагерь. А после ленча Джордж, Македде, Тото и я опять направились к руслу.

Грифы по-прежнему сидели на деревьях. Мы сделали крюк и стали медленно приближаться против ветра. Только миновали куст, свесивший свои густые ветви над широкой ложбиной, как мной вдруг овладело какое-то странное беспокойство. Обернувшись, я увидела, что Тото, который шел последним, пристально смотрит на куст. Раз далось грозное рычание, зашумели ветки, и все стихло. Лев ушел... Мы проходили всего в двух метрах от него. Наверное, мне оттого и было не по себе, что лев наблюдал за нами. Когда Тото остановился, чтобы проверить, кто там притаился, лев не выдержал и отступил. Тото встретился с ним взглядом, а потом увидел, как его могучее тело исчезает в расщелине. Похоже, нам повезло... Мы разложили мясо в трех разных местах и поспешили домой, чтобы нас не застигла ночь.

Как только рассвело, мы совершили обход. Гиены сожрали все, что предназначалось львам.

У реки нам попались отпечатки лап супруга Эльсы, но ее следов нигде не было. Все лужи давно высохли, утолить жажду она могла только в реке, поэтому отсутствие следов нас встревожило. В конце концов мы

все-таки отыскивали какие-то отпечатки рядом с тем местом, где видели Эльсу в последний раз. Однако полной уверенности, что это ее следы, не было. Мы тщательно обследовали подножие Больших скал, но все впустую. Грифы уже улетели, и теперь не на что было ориентироваться.

Мы снова разложили мясо возле гряды и неподалеку от лагеря. На следующее утро мы обнаружили, что супруг Эльсы уволок часть мяса в «кабинет» и съел его там. Остальное досталось гиенам.

Прошло четыре дня, с тех пор как мы потеряли Эльсу, а не ела она уже седьмой день, если только лев не поделился с ней антилопой.

Мы предполагали, что она родила в ночь на 20 декабря. Не случайно лев, который не показывался много дней, вернулся как раз в ту ночь и с тех пор держался поблизости от гряды, что было для него необычно.

В Сочельник Джордж отправился за козлом, а я продолжала бесплодные поиски, звала Эльсу и не получала ответа.

С тяжелым сердцем принялась я украшать нашу елочку. В прежние годы мне приходилось изощряться. Иногда вместо елки я украшала небольшую эвфорбию, увешивая ее симметричные ветки мишурой и втыкая в мясистые стебли свечи. Иногда елку заменял цветущий алоэ или же молоденький баланитес — очень нарядное растение, на шипах которого удобно развешивать украшения. А когда под рукой ничего не было, я просто насыпала в миску песок и втыкала в него свечи и зелень, какую только удавалось найти в нашей полупустыне.

Но этот раз у меня была самая настоящая елочка с полным набором блестящих украшений и свечей. Я поставила ее на столе перед палатками, которые украсила цветами и листвой, затем достала подарки,

купленные для Джорджа, Македде, Нуру, Ибрахима, Тото и повара, а для боев приготовила конверты с деньгами, нарисовав на них еловые веточки. На угощение я принесла им финики, сгущенное молоко и пачки сигарет.

К тому времени, как я надела платье, стемнело и можно было зажигать свечи. Я позвала мужчин. Они принарядились по случаю праздника и смущенно улыбались. Большинство из них никогда не видели настоящей рождественской елки.

Да я и сама растрогалась, глядя на маленькое деревце, сверкающее во тьме посреди ночного буша. Чтобы гости освоились, я рассказала им о европейском обычае отмечать Рождество елкой. Все получили свои подарки, потом мы прокричали здравицу в честь Эльсы. У меня сжалось горло: жива ли она? Я попросила повара принести пудинг, который мы привезли из Исиоло, полить его бренди и поджечь. Увы, голубых огоньков не получилось. Повар все перепутал и утопил пудинг в любимом соусе Джорджа.

Впрочем, рождественский обед не удался не только у нас. На случай появления Эльсы мы запасли козу, которую подвесили на дереве повыше от наглых разбойников. А когда легли спать, то услышали, как супруг Эльсы ворчит, кряхтит и выделяет всевозможные трюки. Он долго пытался достать мясо, да так и ушел несолоно хлебавши.

Рождественским утром мы отправились на розыски Эльсы. По следам льва пересекли реку, потом прочесали буш вокруг того места, куда он уволок водяного козла. После нескольких часов бесплодных поисков мы вернулись в лагерь завтракать. Недалеко от палаток Джордж застрелил свирепую кобру.

Днем мы еще раз сходили к гряде. Что-то нам подсказывало, что, если Эльса еще жива, она должна быть там. Мы продирались сквозь кустарник, и я не

пропускала ни одной расщелины. В душе я побаивалась, что вот сейчас увижу мертвую Эльсу, скрытую в чаще от грифов...

Мы вконец измотались и сели в тени под утесом, раздумывая, что бы такое могло приключиться с нею. Нуру и Македде тоже пригорюнились.

Чтобы подбодрить самих себя, мы вспоминали, что собаки первые пять-шесть дней не отходят от щенят, согревают их, кормят, растирают им животы, чтобы наладить пищеварение. Наверное, и у Эльсы немало забот. Да, но ведь какие-то следы должны же быть? Те же собаки даже в самую ответственную пору находят время проведать своих хозяев. До родов Эльса была так сильно привязана к нам. Сильнее, чем к своему супругу. Сомнительно, чтобы появление детенышей заставило ее совсем одичать. И мне все казалось, что случилась беда.

Близился час праздничного обеда. Мы вернулись в лагерь и сели за стол. Настроение у всех было мрачное.

Вдруг что-то быстро мелькнуло у нас перед глазами, и не успела я сообразить, что происходит, как невесть откуда взявшаяся Эльса смахнула все со стола и принялась валить нас на землю, садиться на каждого по очереди, всячески выражая свою радость и любовь.

Так же бурно приветствовала она и боев.

Живот Эльсы опал, она выглядела веселой и здоровой. Вот только соски очень маленькие, на вид пустые. Вокруг каждого — темно-красное кольцо диаметром около пяти сантиметров. Я осторожно сдавила один сосок — молока не было.

Эльса получила немного мяса и тотчас съела его, а мы пытались решить множество вопросов. Почему Эльса прибежала в самую жаркую пору дня? Обычно в эти часы ее с места не сдвинешь. Может быть, она намеренно выбрала такое время, когда хищники не охотятся и можно без риска оставить детенышей одних? Или услышала выстрел, когда Джордж убил

змею, и приняла его за сигнал? Чем объяснить, что у нее такие маленькие пустые соски? Тем, что она только что кормила львят? Но это не объясняет, почему молочные железы Эльсы, которые во время беременности так сильно набухли, теперь стали нормальными. Может быть, львята погибли? И что бы там ни было, почему Эльса целых пять дней не приходила за едой?

Насытившись и напившись воды, Эльса нежно потерлась головой о наши колени и отправилась к реке. Выбрав себе место на берегу, метрах в тридцати ниже по течению, она легла спать. Мы оставили ее одну, чтобы не мешать. Когда я попозже пришла туда, Эльсы уже не было.

Мы отправились по ее следу. Он привел нас к гряде, но потом мы потеряли его и вернулись в лагерь, так и не узнав ничего о львятах. Но теперь все-таки у нас было спокойнее на душе.

Ночью за рекой рычал ее супруг, но Эльса не отозвалась.

А мы все больше тревожились за малышей. Если они живы, чем же она кормит их, ведь у нее пустые соски! Ладно, будем надеяться, что красное кольцо — признак того, что львята очень энергично сосали. Все же тревога не покидала нас. В зоопарках нам не раз говорили, что у прирученных львиц часто рождаются нежизнеспособные детеныши. Погибла же одна из сестер Эльсы. Нет, во что бы то ни стало нужно выяснить, что со львятами, может быть, их надо спасать. С наступлением утра мы принялись за розыски, искали пять часов, но не нашли никаких признаков «детской».

После ленча поиски продолжались. И снова впустую. Пробираясь сквозь заросли, Джордж едва не наступил на очень крупную африканскую гадюку, однако ему удалось убить ее прежде, чем она его укусила.

А через полчаса из лагеря донесся сигнальный выстрел. Ибрахим давал знать, что пришла Эльса. Очевидно, она услышала выстрел, когда Джордж расправлялся со змеей.

Эльса встретила нас очень радостно. Мы же опять встревожились, увидев, что соски у нее по-прежнему маленькие и пустые. Правда, Ибрахим заверил нас, что, когда она пришла, они были полны и болтались почти до земли.

Он рассказал также, что Эльса очень странно вела себя. Она сердито набросилась на него, когда он пошел на кухню за ружьем. Видимо, решила, что он собирается идти к львятам. А когда Ибрахим спустился в «кабинет» за мясом, которое было там подвешено в тени, Эльса не подпустила его. В конце концов она забралась на крышу лендровера. Тут-то Ибрахим и заметил, что ее соски опали. По его словам, она «втянула» их, как верблюдицы или коровы, которые тоже сберегают молоко этим способом. Если владельцу понадобится молоко, он привязывает верблюдицу к дереву и накладывает на вымя жгуты, которые вызывают прилив крови к мышцам, они расслабляются, и тогда можно доить.

Может быть, и впрямь львица способна втягивать соски — скажем, во время охоты. И не только потому, что набухшие соски ей мешают, но их еще можно и повредить о колючки.

Пока мы пытались разобраться во всем этом, Эльса, основательно подзакусив, преспокойно легла отдыхать, точно и не собиралась возвращаться к своим детенышам.

Как же так? Уже темнеет, в это время особенно опасно оставлять львят одних!

Чтобы заставить ее вернуться, мы прошли немного вдоль тропы, по которой она прибежала. Эльса неохотно затрусила следом, стараясь по звукам

определить, что происходит у гряды, но вскоре повернула обратно в лагерь. Может быть, она боится выдать нам, где спрятаны детеныши?

А Эльса принялась за припасенное для нее мясо и, только уничтожив все до последнего кусочка, исчезла во мраке. Похоже, она нарочно дожидалась темноты, опасаясь, как бы мы не пошли за нею.

Теперь мы уже не сомневались, что она заботится о своих малышах. Все же, памятуя слова зоологов, хотелось бы увидеть их своими глазами и убедиться, что они здоровы.

Перед отъездом в Исиоло мы еще раз все основательно обыскали, но так и не нашли логова. В Исиоло мы провели три последних дня декабря, затем снова вернулись в лагерь. По дороге чуть не столкнулись с двумя носорогами, а потом встретили небольшое стадо слонов. Мы попытались проскочить мимо них, надеясь, что они не обратят на нас внимания, но вожак рассердился и долго гонялся за машиной. Слонов я всегда боялась, и мне было не по себе во время этой гонки.

Недалеко от лагеря мы посигналили, чтобы предупредить Эльсу, и, когда подъехали к Большим скалам, она уже сидела на большом камне у дороги и ждала нас. Эльса быстро вскочила в кузов, а потом перебралась на прицеп, где лежала коза для нее. Давно я не видела ее такой голодной!

И опять ее соски были маленькие, пустые. Я тщетно пыталась выдавить из них хоть каплю молока. Что-то не так... А Эльса как ни в чем не бывало ела, вскакивала на лендровер, с лендровера прыгала на землю. Вот уже восьмой час пошел, как она с нами в лагере. Мы забеспокоились: может, львята уже погибли и ей не за кем больше присматривать? Ушла она только в два часа ночи.

С утра пораньше мы отправились по ее следу к Большим скалам. У самой гряды было местечко, которое могло служить идеальным убежищем для львицы со львятами. Огромные камни и почти непроходимые заросли надежно укрывали этот клочок. Мы вскарабкались на самый высокий камень и попытались с него осмотреть как следует логово. Отпечатков лап не было, но другие признаки позволяли предположить, что какой-то зверь пользовался этим убежищем.

Поблизости мы увидели старые пятна крови. Может быть, именно тут происходили роды, ведь это совсем близко от того места, где мы видели Эльсу во время схваток? Но мы уже проходили тут недавно, разыскивая ее. Не верится, чтобы Эльса, прячась здесь со львятами, никак не выдала себя.

Мы с полчаса звали ее, и вдруг, словно для того, чтобы опровергнуть все наши догадки, Эльса вышла из кустов всего в двадцати метрах от нас. Вид у нее был очень недовольный. Не сходя с места, она пристально смотрела на нас, точно давая понять, что ближе подходить не надо.

Видимо, мы очутились так близко от «детской», что Эльса предпочла выйти и остановить нас. Наконец она подошла, приласкалась ко мне, к Джорджу, Македде и Тото, но делала все это молча, не издавая ни звука. К своей радости, я увидела, что соски у нее вдвое длиннее обычного, а шерсть вокруг влажная.

Она не спеша вернулась к кусту и минут пять простояла спиной к нам, внимательно слушая, что происходит в чаще. Потом села, по-прежнему спиной к нам. Точно хотела сказать: «Отсюда начинается мой мир, в него вам хода нет».

Это было красноречивее любых слов и сделано с большим достоинством.

Стараясь не шуметь, мы отступили, сделали круг, поднялись на Большие скалы и посмотрели оттуда вниз.

Эльса сидела все на том же месте. Видно, она учуяла нас, разгадала нашу затею и твердо решила не выдавать своего логова.

Да, как ни близки мы с Эльсой, нам еще не все известно о повадках диких зверей. И мне стало смешно при мысли о том, как мы готовились на тот случай, если Эльса будет рожать в палатке, как обольщались мыслью, что с нами она чувствует себя в наибольшей безопасности.

Хотя все следы, которые мы видели за эти дни, вели к подножию гряды, вполне возможно, что львята появились на свет не здесь, а метрах в тридцати отсюда, в логове под камнем, а уже потом мать перенесла их в теперешнее убежище. Если это так, переселение, скорее всего, состоялось после окончания ливней, ведь новое пристанище не защищало от дождя. А вообще-то и здесь была отличная «детская».

Мы решили, что к чувствам Эльсы нужно отнестись с почтением и не разыскивать больше малышей, пока она сама их не приведет. А она их, конечно, приведет. Я поживу в лагере, позабочусь о ее питании, чтобы Эльсе не надо было ходить на охоту и надолго оставлять детенышей без присмотра. Мы будем доставлять ей мясо поближе к логову.

В тот же день мы подъехали на машине к самому ее убежищу. Ведь Эльса привыкла связывать гул мотора с нами и едой. Еще на ходу мы принялись кричать:

— Маджи, чакула, ньяма!

На языке суахили это означает «вода», «пища», «мясо». Знакомые Эльсе слова.

Она явилась тотчас, ласково встретила нас и с жадностью стала есть. Мы врыли в землю таз, налили воды и, пока она пила, уехали. Заслышав шум мотора, Эльса подняла голову, но не пошла за нами.

На следующее утро мы опять отвезли ей еду, но Эльса к нам не вышла. Не появилась она и позже, когда

мы приехали еще раз. А ночью совсем близко к нашему лагерю подходил чужой лев и забрал остатки мяса.

После завтрака мы по отпечаткам его лап дошли до Больших скал. По следам можно было определить, что здесь к нему присоединился еще один лев. Мы надеялись, что Эльса разделяла их обществу, может быть, даже они помогли ей по хозяйству.

Мы отправились к реке, чтобы проверить, не побывала ли она там. На берегу следов не было, однако вскоре Джордж, отправившись за другой козой, встретил Эльсу недалеко от ее логова. Она явно хотела пить, но алюминиевый таз куда-то исчез. Уж не львы ли утащили его? Вернувшись с мясом, Джордж накормил Эльсу. Судя по ее аппетиту, вряд ли чужаки делились с нею.

Под вечер Джордж уехал в Исиоло. Эльса погостила у меня в лагере, а потом я увидела, как она проскользнула в буш, и пошла за нею. Но это Эльсу не устраивало. Учувя меня, она для вида стала точить когти о ствол дерева. А когда я повернулась к ней спиной, она подбежала и повалила меня на землю: «Вот тебе, не подглядывай!» Теперь я сделала вид, будто всего-навсего хотела принести ей мяса. Она приняла мои извинения, вернулась со мной в лагерь и поела еще. После этого Эльса уже не пошла к львятам, а стала ждать темноты. Только уверившись, что я не последую за нею, она покинула лагерь.

В последующие дни я продолжала класть мясо поблизости от того места, где, как мы предполагали, находились львята. Если я при этом встречала Эльсу, она делала все, чтобы я не проведала о логове. Стараясь сбить меня с толку, она часто возвращалась по собственному следу.

Раз, проходя под вечер мимо Больших скал, я увидела там какое-то необычное животное. Уже было довольно темно, и зверь показался мне чем-то средним

между гиеной и небольшим львом. Приметив меня, он по-кошачьи скрылся. Наверное, пронюхал, где убежище львят, подумала я с тревогой.

Немного погодя я доставила мясо на обычное место. Эльса тотчас же прибежала на мой зов. Она держалась очень настороженно и Тото встретила неприветливо. Когда я уходила, она еще ела на крыше грузовика, куда мы помещали вечером ее обед, чтобы другие животные не добрались до него. Даже те, кому это под силу, вряд ли решатся вскочить на этот незнакомый предмет.

Я была в нерешительности. Если класть мясо поблизости от логова Эльсы, есть риск приманить туда других животных. А если кормить Эльсу в лагере, львят могут убить, пока она у нас. Ни то ни другое мне не нравилось, но я все же решила возить мясо к логову. Когда вечером следующего дня я пришла туда, то услышала по соседству рычание нескольких львов. Эльса заметно нервничала и изнывала от жажды.

Тогда я решила, несмотря на возмущение Эльсы, выяснить, сколько же у нее львят и как они себя чувствуют. Вдруг придется срочно выручать их.

Однако я допустила непростительный промах. 11 января, оставив объездчика с ружьем на дороге, я вместе с Тото, которого Эльса отлично знала, поднялась на скалу. При этом я все время окликала Эльсу, чтобы она знала, что это мы. Львица не отвечала. Я попросила Тото снять сандалии и идти бесшумно.

Мы подошли к самому краю скалы и стали в бинокль просматривать кусты внизу. То место, где Эльса выходила из кустов и просила нас уйти, оказалось как раз под нами. Эльсы теперь там не было, но по всему видно, что это «детская».

Хотя все мое внимание было направлено туда, я вдруг почувствовала неладное, опустила бинокль, повернулась и увидела, что к Тото сзади подкрадывается Эльса. Не успела я крикнуть ему, чтобы

он остерегся, как она сбила его с ног. Эльса подкралась бесшумно, и если Тото не полетел с обрыва, то лишь благодаря тому, что был босиком и сумел зацепиться за камень ногами.

Эльса повалила и меня. Без всякой злобы, но все же было очевидно, что она недовольна нашим вторжением.

Потом она медленно двинулась вдоль гребня, поминутно оглядываясь, чтобы проверить, идем ли мы за нею, молча отвела нас в дальний конец гряды и спустилась в буш. Здесь Эльса прибавила ходу, но продолжала следить за тем, чтобы мы не отстали.

Наконец она вывела нас к дороге, стараясь идти окольным путем, подальше от львят. За все это время она не издала ни звука — то ли не хотела пугать детенышей, то ли боялась, что они выйдут на ее голос.

Обычно, когда мы гуляем вместе, я иногда похлопываю Эльсу, и ей это нравится. Но на этот раз она не позволяла мне прикасаться к ней и недвусмысленно показывала, что я провинилась. Даже в лагере, сидя на крыше лендровера и поедая мясо, она отворачивалась, если я подходила близко.

К львьятам Эльса ушла только после наступления темноты. Джордж вернулся из Исиоло и сменил меня. Эльса ясно дала мне понять, что я больше не смогу выслеживать ее. Но с Джорджем у нее пока не было никаких недоразумений, поэтому он чувствовал себя свободнее. Я сгорала от любопытства. Мне хотелось, чтобы и Джордж поступил «нетактично». Для меня это было бы выгодно.

Глава третья. МЫ ЗНАКОМИМСЯ СО ЛЬВЯТАМИ

И вот как-то раз — я была в это время в Исиоло, в полутораста километрах от лагеря Эльсы, — Джордж осторожно, стараясь не шуметь, поднялся на Большие скалы и выглянул из-за гребня.

Внизу он увидел Эльсу и с нею двух малышей, которых она кормила. Ее голова была скрыта за выступом скалы, поэтому Джордж был уверен, что она не заметила его.

Мы привезли в лагерь большой запас коз, чтобы Эльсе не надо было ходить на охоту, оставляя львят без присмотра.

Джордж вернулся в лагерь, забрал там козью тушу, поместил ее поблизости от логова и стал ждать, что будет дальше. Эльса не шла. Он был обескуражен: до сих пор она поедала все, что ей приносили. А сегодня не выходит к мясу. Неужели все-таки почуяла, что Джордж шпионил за нею? На следующий день Эльса не пришла в лагерь, и он уже чувствовал себя виноватым. Но вечером, когда стемнело, она появилась, причем была до того голодна, что снизошла до мяса антилопы дик-дик, которое обычно презирала. Ему просто не удалось раздобыть ничего другого, а я приехала из Исиоло лишь через несколько дней, захватив по пути новый запас коз.

Конечно, хорошие новости обрадовали меня. На следующий день Джордж поехал в Исиоло, и я взяла на себя заботу об Эльсе. А ела она в эту пору кормления львят очень много.

Эльса по-прежнему очень нежно относилась ко мне и Джорджу, ела у меня из рук, но к другим была

недоверчива. Даже ее старым друзьям Нуру и Македде теперь не разрешалось фамильярничать.

Раз она меня напугала. Пришла в лагерь вскоре после ленча, поела и улеглась с таким видом, будто не помышляла о возвращении к малышам. Вот уже и стемнело... Тогда я попыталась заманить ее к Большим скалам. Мы отправились туда вместе с Тото.

Эльса пошла следом. Потом свернула в буш, окольным путем вышла на тропу впереди и уселась спиной к нам, не пуская нас дальше.

Сдвинуть ее с места было невозможно, и мы, поняв намек, возвратились. Уж теперь-то она отправится к детям!

На следующий день Эльса еще раз показала, что не хочет выдавать нам убежище львят. После обеда Тото и я отправились на прогулку. Миновали Большие скалы и двинулись дальше, ступая очень тихо. Внезапно появилась Эльса. Она потерлась головой о мои колени и безмолвно повела нас прочь от Больших скал, где были укрыты детеныши, к маленькой гряде, которую мы называли Зум.

Она забиралась в расщелины, протискивалась в самые узкие проходы, нарочно заставляя нас одолевать сложнейшие препятствия. Если мы отставали, она ждала да еще мотала головой, словно поторапливала нас. В конце концов я села отдохнуть: пусть видит, что мы раскусили ее хитрость.

Тогда Эльса спустилась с гряды и повела нас сквозь колючие заросли и камни все дальше от логова.

Иногда она останавливалась в каком-нибудь местечке и долго принюхивалась с многозначительным видом, точно обещая привести нас к львям. Наконец мы оказались около того места, где она любила устраивать засаду, но я устала и совсем не хотела, чтобы меня сбивали с ног, а поэтому решила идти в обход. Эльса вышла из засады. Хотя она и старалась

сохранить степенный вид, я видела, как ей обидно, что ее затея не удалась.

Джордж только мельком видел двух львят и не мог судить, нормально ли они развиваются. И конечно, он не мог сказать, есть ли еще львята, кроме этих двух. 14 января, пока Эльса была со мной в лагере, Джордж потихоньку ушел к гряде Зум. В последние два дня она часто навевалась туда. Видимо, нашла себе там новое логово.

Джордж взобрался на среднюю скалу и увидел внизу, в расщелине, трех львят. Двое спали, третий жевал листок занзеверии. Львенок поглядел вверх, но глаза у него были еще мутные, с голубоватым отливом, так что, по мнению Джорджа, он вряд ли мог разглядеть его.

Джордж сделал четыре снимка, не очень надеясь на хороший результат, так как в расщелине было темно. Пока он фотографировал, спящие проснулись и стали ползать. Похоже было, что львята совершенно здоровы.

Придя в лагерь, Джордж поделился со мной доброй вестью. Эльса ничего не заподозрила.

Вечером мы отвезли ее к гряде Зум и тактично удалились. Убедившись по нашим голосам, что мы ушли, она соскочила с крыши лендровера и, видимо, направилась к детенышам.

Джордж снова уехал в Исиоло. На следующее утро я услышала за рекой голос супруга Эльсы, но она ему не ответила. Зато позднее она принялась рычать у лагеря и не унималась до тех пор, пока я не подошла к ней. После восторженной встречи Эльса проводила меня в лагерь, но ела мало и ушла, как только стемнело.

Два дня она не показывалась. По ночам супруг то и дело звал ее. На третий день, сидя за завтраком, я услышала неистовое рычание на реке. Побежала туда и увидела Эльсу. Она стояла в воде и буквально надрывала глотку.

Вид у нее был усталый. Заметив меня, она повернулась и юркнула в буш на другом берегу. Странное поведение! Под вечер Эльса пришла в лагерь, быстро поела и опять исчезла. На следующий день она вовсе не показывалась, а ночью я проснулась от шума. Какой-то крупный зверь атаковал мой грузовик. Машина стояла у самой изгороди, и на ночь мы помещали в ее кузов коз, чтобы их не сожрало зверье. Теперь до них добирался лев. Эльса? Вряд ли. Ее я узнала бы по характерному мяуканью. Скорее всего, ее супруг.

Я внимательно слушала, стараясь сидеть тихо, чтобы не привлекать внимания дикого льва. Наконец шум достиг такой силы, что я испугалась за машину. Зажгла фонарь. Грохот только усилился.

Вдруг из-за реки донесся призывный голос супруга Эльсы. Значит, это все-таки она прорывается в кузов грузовика! Что-то привело ее в ярость. Выйти и посмотреть? Но кругом такая темень, и мне не хотелось звать боев, чтобы они открыли ход в изгороди. А кроме того, на шум мог явиться ее лев... Что было делать? Не очень-то надеясь на успех, я крикнула:

— Эльса! Эльса! Нельзя!

К моему удивлению, она тотчас угомонилась и ушла.

Во второй половине следующего дня (это было 2 февраля) я работала в своем «кабинете». Неожиданно прибежал Тото и сказал, что Эльса зовет каким-то странным голосом с другого берега. Я пошла на звук вверх по реке и через прибрежные заросли пробилась возле лагеря на берег. Здесь в засушливое время года обнажается песчаная коса, а по ту сторону в реку впадает сухое русло.

Вдруг я остановилась, не веря своим глазам.

В нескольких метрах от меня на песке стояла Эльса и рядом с нею львенок! Второй львенок только что вышел из воды и отряхивался, а третий, жалобно скуля, метался взад и вперед на противоположном берегу.

Эльса внимательно смотрела на меня с выражением гордости и смущения.

Я не двигалась. Она что-то тихонько мяукнула малышам, нечто вроде «м-хм, м-хм», подошла к львенку, который только что пересек реку, ласково лизнула его, затем вошла в воду, направляясь за отставшим третьим. Оба первых тотчас последовали за нею и смело переплыли глубокий поток. Теперь семья была в полном сборе.

По соседству росло фиговое дерево, серые корни которого прочно оплели камни. Эльса прилегла отдохнуть в тени, ее золотистый мех светился на фоне темной зелени и серебристых камней. Малыши сперва спрятались, но любопытство взяло верх, они стали разглядывать меня из-за кустов, а потом вышли на берег.

Эльса сказала «м-хм, м-хм», детеныши успокоились, принялись карабкаться на нее и ловить ее хвост. Они кувыркались через маму, обнюхивали камни, протискивались под корнями, расплющивая свои круглые животики. И в конце концов совсем забыли обо мне.

Немного погодя Эльса встала и опять спустилась к воде. Один из львят пошел за нею, тоже собираясь пересечь реку. Но как раз в эту секунду появился Тото, которого я просила принести мясо для Эльсы. Она тотчас остановилась и прижала уши к голове. Лишь после того как Тото ушел, Эльса быстро переплыла реку. Львенок, хотя и жался к маме, плыл довольно бесстрашно. А когда она принялась есть, маленький храбрец решил один вернуться на тот берег.

Но как только Эльса увидела, что он зашел на глубокое место, она ринулась следом, догнала его, захватила пастью голову малыша и несколько раз окунула, так что мне даже стало страшно. Проучив ослушника, она отнесла его на наш берег.

Тем временем второй львенок набрался смелости и поплыл к нам. Его маленькая головенка едва выдавалась над журчащей водой. И только третий все еще побаивался реки.

Эльса подошла ко мне, легла и покаталась на спине. Она всячески ластилась, словно хотела втолковать львятам, что я член их семьи и на меня можно положиться.

Львята подползали все ближе, не сводя с меня больших выразительных глаз. Вот уже всего какой-нибудь метр разделяет нас. Трудно было удержаться и не потрогать их, но я помнила, что мне говорил один зоолог: «Не трогайте звереныша, пока он сам не проявит инициативы!» Метровая зона оказалась пределом, ближе они не хотели подходить.

Третий малыш прежалобно мяукал с того берега.

Несколько минут Эльса глядела на него, затем вместе с двумя храбрецами спустилась к реке в самом узком месте и стала звать трусишку. Но тот продолжал беспокойно ходить взад и вперед, не решаясь войти в воду.

Наконец Эльса отправилась к нему. Два маленьких пловца явно вошли во вкус и не отставали от нее. Форсировав реку, они снова принялись играть — взберутся вверх по крутому откосу лагги и катятся вниз друг на друга или балансируют на упавшем стволе.

Эльса нежно облизывала малышей, ласково разговаривала с ними, ни на минуту не спуская с них глаз. Если кто-нибудь из троих уходил, как ей казалось, слишком далеко, она догоняла путешественника и возвращала его.

Я наблюдала за ними около часа. Потом окликнула Эльсу. Она отозвалась своим обычным голосом, совсем не похожим на тот, которым разговаривала с детенышами. Спустившись к воде, она дождалась,

когда подойдут львята, и вошла в реку. На этот раз все трое последовали за нею.

После переправы Эльса тщательно облизала каждого львенка. Обычно, выходя из воды, она миглом бросалась ко мне, но на этот раз подошла не спеша и ласково потерлась, потом покаталась по песку, облизала мне лицо и обняла меня. Она всячески старалась показать львятам, что мы хорошие друзья, я была очень тронута. А они держались в сторонке, глядя на меня с интересом и опаской.

Затем все семейство прошло к козьей туше. Эльса принялась есть, а львята лизали шкуру, дергали ее зубами, кувыркались через нее, все больше входя в раж. Они явно впервые видели «добычу».

Им было полтора месяца, и все трое отлично выглядели. Голубоватая пленка еще не сошла с глаз, но видели они превосходно. Шерсть у них была не такая пятнистая, как у Эльсы и ее сестер в этом же возрасте, и не такая густая, но зато более блестящая и тонкая. Я не могла определить их пол, однако сразу заметила, что самый светлый живее и любопытнее двух остальных и особенно привязан к маме. Он все время льнул к ней, стараясь обнять лапками ее морду. А Эльса проявляла чудеса терпения, разрешала им сколько угодно карабкаться по ней, жевать ее уши и хвост.

Мало-помалу она подходила все ближе ко мне, точно приглашая меня участвовать в игре. Положив ладонь на песок, я пошевелила пальцами. Малыши тотчас отпрянули, подняв свои хитрые круглые мордочки.

Начало смеркаться. Эльса внимательно прислушалась к чему-то и увела малышей в кусты, чтобы покормить их.

Я вернулась в лагерь и, к своей радости, увидела метрах в десяти от палатки Эльсу с малышами!

Я погладила ее, она лизнула мне руку. Вместе с Тото мы сходили к реке и принесли остатки туши. Эльса глядела на нас с таким видом, точно благодарила за избавление от необходимости возиться с тяжелой ношей. Подпустив нас к себе метров на двадцать, она вдруг прижала уши к голове и метнулась к нам. Я сказала Тото, чтобы он опустил тушу и не двигался, а сама потащила ее к львьятам. Эльса успокоилась и, как только я отошла, принялась есть. Чуть погодя я направилась к своей палатке. К моему удивлению, Эльса пошла следом. В палатке она легла и позвала львят, но они, мяукая, остановились у входа. Тогда она вышла, и я присоединилась к ним.

Мы уселись все вместе на траве, Эльса прислонилась ко мне, а малыши стали сосать.

Вдруг двое львят затеяли потасовку из-за соска, Эльса легла, чтобы им было удобнее, и прижалась теснее ко мне, обняв меня одной лапой. Я тоже была членом семьи.

Был тихий вечер, медленно всходила луна, в ее серебристом свете четко вырисовались силуэты пальм дум. Только один звук нарушал безмолвие — чмоканье львят.

Сколько мне пришлось выслушать предостережений, что, когда появятся на свет детеныши, Эльса одичает, станет опасной, как все матери, оберегающие свое потомство. И что же: вот она, такая ласковая и доверчивая, как всегда, и ей очень хочется, чтобы я поделила с нею ее счастье.

Глава четвертая. ЛЬВЯТА ВСТРЕЧАЮТ НАШИХ ДРУЗЕЙ

Когда утром я проснулась, Эльсы и львят не было. А ночью дождь смыл их следы.

Но во второй половине дня она пришла без львят, очень голодная. Пока я кормила ее мясом. Тото по моей просьбе пошел по ее следам выяснить, где укрыты детеныши.

Когда он вернулся, Эльса вскочила на мою машину. Оттуда она видела, как мы вместе уходим в буш.

Я нарочно двинулась по ее следу, чтобы заставить Эльсу возвратиться к львьятам. Она сразу спрыгнула на землю и затрусилась впереди нас. Когда мы отставали, она останавливалась и ждала. Неужели решила наконец отвести нас в свое логово? Поравнявшись с грядой Ворчун (эту гряду мы называли так потому, что здесь нас однажды напугали своим ворчанием Эльса и ее супруг), она замерла на месте и прислушалась. Потом быстро побежала вверх по склону, на полпути немного помедлила, чтобы я могла догнать ее, и выскочила на седло, за которым вниз спадает широкая расщелина. Я подошла к Эльсе, хотела погладить ее, но она вдруг прижала уши, сердито рявкнула и дала мне тумака. Ясно, что мое присутствие здесь нежелательно. Пришлось отступить. На склоне я обернулась и увидела, что Эльса играет с одним львенком, а второй как раз показался из-за гребня.

Откуда такая резкая перемена в настроении Эльсы? Но я считалась с ее желаниями и не стала им мешать. Тото ждал меня внизу. Отсюда, из буша, мы направили на седло бинокли. Убедившись, что мы стоим

достаточно далеко, Эльса совсем успокоилась и всецело отдалась игре с малышами.

Я снова заметила, что один львенок особенно привязан к матери. Он то и дело садился у нее между передними лапами и терся головой о ее подбородок.

4 февраля вернулся Джордж. Мои новости обрадовали его, и мы вместе пошли на грядку Ворчун, надеясь, что ему тоже удастся увидеть львят.

По пути мы услышали сердитое тьяканье бабуинов. Решив, что это Эльса их взбудоражила, мы вышли к берегу реки и позвали ее. Она тотчас прибежала, дружелюбно приветствовала нас, но явно нервничала. Металась от кустов к берегу и обратно, стараясь не подпускать нас к воде.

Видно, там малыши. Но почему она не хочет показать их Джорджу? Кончилось тем, что Эльса отвела нас окольным путем в лагерь.

Через два дня мы встретились с нею у гряды Ворчун. По дороге мы громко разговаривали, чтобы предупредить ее. Она вынырнула из густого кустарника у входа в расщелину и остановилась. Нас разделяло около двухсот метров. Эльса села и пристально посмотрела на нас, давая понять, что ближе подходить нельзя. Несколько раз она оборачивалась, слушая, что делается в «детской».

Мы поняли, что, с ее точки зрения, одно дело, когда она приводит детей к нам, и совсем другое — когда мы напрашиваемся к ней в гости.

Только через две недели привела она львят в лагерь знакомиться с Джорджем. Правда, в течение этого времени мы уезжали на несколько дней в Исиоло, и в наше отсутствие она однажды приходила с детенышами, но застала только боев.

Македде рассказывал, что он подошел к ней, и Эльса потерлась головой о его ноги. Самый храбрый из львят отважился приблизиться к нему, но, когда

Македде присел, чтобы погладить его, звереныш зарычал и отступил к остальным, которые прятались в кустах.

Под вечер Эльса пришла еще раз, чтобы поесть, но мясо уже испортилось, и как только стемнело, она ушла, явно недовольная.

Я приехала в лагерь через час после ее ухода. Македде восхищался смелым малышом. Он не сомневался, что это самец, и даже окрестил львенка именем, которое, по его словам, было очень популярно в племени меру. Для меня оно звучало как Джеспэ.

Вскоре мы выяснили, что у Эльсы два «мальчика» и одна «девочка». Второго «мальчика», отличавшегося робким нравом, назвали Гупа («застенчивый» на языке суахили), его сестру Эльсой-маленькой.

На следующий день Эльса пришла после полудня. Увидев меня, она очень обрадовалась и потом как следует поела. Немного погодя я отправилась на прогулку, рассчитывая, что в мое отсутствие Эльса уйдет к малышам. Когда я вернулась в лагерь, ее и в самом деле там не было.

На следующий день с утра начал моросить дождь. Проснувшись, я услышала за рекой голос Эльсы, причем именно такой, каким она разговаривала со своими детьми. Я быстро встала и подроспела как раз в ту минуту, когда семейство переплывало реку. Джеспэ плыл рядом с мамой, его брат и сестра чуть отстали.

Эльса не торопясь подошла ко мне, облизала меня и села рядом. Затем позвала львят. Джеспэ отважился подойти довольно близко, остальные соблюдали почтительное расстояние. Я сходила за мясом. Эльса сразу же уволокла его в кусты, и почти два часа семейство завтракало, а я сидела на песке и наблюдала.

Эльса все время разговаривала с детьми, тихонько мяукая. Они то сосали молоко, то принимались жевать

мясо. Она им ничего не отрыгивала, хотя, судя по тому, сколько Эльса съедала в последнее время в лагере, можно было думать, что, вернувшись в логово, она делилась с ними. Но это только догадка, которую мы не можем подтвердить наблюдениями.

Детенышам уже исполнилось девять недель, и я впервые убедилась, что Македде правильно определил пол Джеспэ. Как раз в этот день мы и окрестили львят.

Я вернулась в лагерь, позавтракала и вскоре увидела, как Эльса повела детенышей через буш к автомобильной дороге. Я медленно пошла следом, рассчитывая их сфотографировать, но Эльса вдруг круто повернулась и прижала уши. Получив выговор, я зашагала назад. Напоследок оглянулась и увидела, что малыши трусят за мамой по направлению к Большим скалам. Они ступали твердо, уверенно, толкались и обгоняли друг друга, стараясь не отстать от Эльсы. Несмотря на живой нрав, они были очень послушны, тотчас являлись на зов матери, тропу не пачкали, отправляя естественные надобности в сторонке.

В последующие дни Эльса часто навещала нас, но каждый раз приходила одна. Она оставалась такой же ласковой, как прежде, однако кое в чем ее нрав изменился. Теперь Эльса редко играла в засаду и вообще стала гораздо степеннее.

Я часто спрашивала себя, как Эльса устраивается с детенышами, когда идет к нам. Приказывает им никуда не двигаться, пока она не вернется? Прячет их в каком-нибудь надежном месте?

19 февраля в лагере меня сменил Джордж, а я поехала в Исиоло, чтобы встретить Уильяма Перси и его жену, которые хотели повидать Эльсу и львят. Обычно мы не поощряли гостей, но для старых друзей сделали исключение. Они знали Эльсу еще совсем маленькой и всегда интересовались ее судьбой.

И вот мы все вместе снова в лагере. Джордж сообщил, что утром видел детей Эльсы. Он проснулся еще затемно и услышал, как кто-то лакает воду из Эльсиной миски. Выглянул из палатки: все трое были здесь. Вскоре они ушли.

Когда донесся гул нашего мотора, Эльса как раз собиралась переправиться через реку на нашу сторону с малышами, но звук насторожил ее, и она отступила в буш.

Вскоре она появилась снова, но была явно взволнована и переплывать реку не собиралась. Чтобы привлечь львицу на наш берег, я стала звать ее и притащила к реке козью тушу. Но Эльса дождалась, когда я вернусь к нашим гостям, и лишь после этого быстро пересекла реку, схватила тушу и поспешила обратно к львятам. Пока все они пировали на лужайке, мы смотрели на них в бинокли.

Когда стемнело, мы вдруг услышали грозное рычание. Посветив фонариком, мы увидели, как Эльса защищает свою добычу от крокодила. Свет фонаря испугал его, и он тотчас нырнул в воду. На следующий день мы по следам установили, что крокодилу в конце концов удалось-таки украсть мясо.

Эльса проявляла большое благоразумие по отношению к этим рептилиям. Она не боялась их, хотя в нашей реке попадались экземпляры длиной до трех с половиной метров, но старалась переправляться всегда в одних и тех же местах, избегая глубоких заводей. Нет сомнения, что она каким-то чутьем угадывала, когда поблизости появлялся крокодил.

У нас был свой способ проверить это. Мы знали, что крокодилы неизменно отзываются на звук, который приблизительно можно передать как «имн-имн-имн», и часто пользовались этим. Если в пределах четырехсот метров действительно был хоть один «крок», он плыл на этот звук к берегу, будто притянутый магнитом. Его

уродливые ноздри торчали над водой, как перископы. Перейдешь на другое место и снова поманишь — крокодил послушно последует за тобой.

Этому приему Джорджа научил один африканец с озера Барингу, в котором тьма крокодилов. Прежде чем войти в воду, рыбак поручает двоим товарищам, стоящим чуть поодаль, приманивать крокодилов и расправляться с ними. Охраняемый с обеих сторон, он может спокойно заниматься ловом.

Интересно, что означает это «имн-имн-имн» на крокодиьем языке? Связано ли это с брачными играми или напоминает голос детенышей? И как они слышат зов? Ведь крокодилы лежат под водой, только ноздри высунуты наружу. Каким же образом звук доходит до их ушей?

Итак, мы знали, что на крокодилов действует определенный звук, но нам было неизвестно, передают ли они сами какие-нибудь импульсы, по которым Эльса их находит. Очень похоже, что это так, но никаких доказательств у нас нет.

На следующий день Эльса пришла, когда мы пили чай в «кабинете». Она была одна, ластилась к нам и к нашим друзьям, даже позволила мне сделать два-три снимка.

Эльсе никогда не нравилось сниматься, а став матерью, она и вовсе возненавидела фотоаппарат.

Потом жена Уильяма стала рисовать ее. Обычно Эльса и с этим не очень-то мирилась, однако сегодня как будто не возражала. На всякий случай я держалась поблизости: вдруг ей взбредет что-нибудь в голову. Но как будто все в порядке... В конце концов я успокоилась и решила уйти. Только я повернулась спиной, как Эльса молнией бросилась на художницу и обняла ее. Львица весила почти сто пятьдесят килограммов. Хладнокровие, с каким наша гостья восприняла эту

демонстрацию, восхитило меня. Все-таки мы решили, что от рисования лучше воздержаться.

В сумерках Эльса ушла. Почти сразу же послышался кашель леопарда, потом Эльса и ее супруг затеяли беседу на всю ночь.

На следующий день мы увидели Эльсу с детенышами на том берегу реки. Приметив нас, Эльса прошла с детьми вдоль реки и переправилась на нашу сторону. Мы тотчас принесли мяса, она забрала его и уволокла в кусты, где прятались львята.

Но вот все семейство вышло на водопой. Я очень обрадовалась, что нашим гостям представился случай увидеть детенышей Эльсы, когда они пили, стоя рядышком и вытянув голову вперед между согнутыми лапами. Львята полакали немного, потом прыгнули в воду и затеяли возню.

Говорят, кошки боятся воды, но к львятам Эльсы это никак не относилось. Они облюбовали камень, торчащий из воды, на котором можно было отлично играть в «короля на троне». Глядя на их возню, я невольно вспоминала, как Эльсе и ее сестрам в этой игре приходилось довольствоваться мешком с картофелем на террасе в Исиоло.

Этим львятам посчастливилось — они росли в чудесных условиях. Скалистая гряда, на которой они родились, продолжается за рекой, изгибаясь многокилометровой дугой. В расщелинах и пещерах обитают даманы и другие мелкие животные, кругом во все стороны простирается буш, полный волнующих запахов и следов диких зверей. А река! Ее камни, песчаные отмели, на которых лежат, греясь в лучах утреннего солнца, черепахи...

Конечно, тут есть и коварные крокодилы, но они обычно отсиживаются в глубоких заводях, в которых пальмы дум омывают свои ветви. Пятнистые серо-зеленые рептилии сливаются с гниющей

растительностью, их почти не различишь. В других местах на берегу растут акации, инжир, финиковые пальмы, переплетенные лианами, которые вместе с подлеском создают надежные укрытия для многих животных.

Здесь живут ловкие мартышки, потешные бабуины, бирюзовые агамы и другие ящерицы — одни с оранжевой головой, другие с ярко-голубым хвостом, и, конечно, наш друг варан. Сюда на водопой приходят лесные антилопы, малый куду, водяные козлы, и, судя по вытопанной земле, это излюбленные места носорогов и буйволов.

Из всех обитателей буша нас, пожалуй, больше всего восхищают птицы: иволги, пестрые зимородки, медоуказчики, орланы, очень крупные черно-белые пальмовые грифы^[2], птицы-носороги, чьи ритмичные крики то стихают, то нарастают вновь.

Трудно представить себе что-либо более красивое, чем переливающийся красками медоуказчик, порхающий среди глянцевиных зеленых листьев и огромных, с блюдце, благоухающих белых цветков гардении.

Я особенно любила смотреть на чету водяных курочек, которые при появлении человека во всю прыть улепетывали по песку, мелко перебирая своими короткими красными ножками. Эти птицы очень редки.

Когда гости легли спать, мы с Джорджем вернулись к Эльсе. Она стояла на берегу, глядя на крокодила, который высунул голову из воды в каком-нибудь метре от нее. Нам не хотелось пугать львят выстрелами, поэтому я подманила к себе Эльсу ее любимым лакомством. Это была смесь мозгов, костного мозга, извести и рыбьего жира. Я начала подкармливать этим блюдом Эльсу во время ее беременности, и оно необычайно понравилось ей.

Эльса потянулась за миской, и мне удалось увести ее в лагерь. Здесь она села вместе с малышами у палаток, причем свет лампы как будто ничуть не смущал львят. Может быть, они решили, что это какая-то новая луна?

Когда я легла, Джордж погасил «луну» и посидел в темноте. Львята уселись почти рядом с ним. Напоследок все семейство напилось воды и затрусило к Большим скалам. В эту секунду оттуда донесся зов Эльсиного супруга.

Когда Джордж пошел за остатками козлятины, оказалось, что крокодил уже уволок все в воду. Джордж выстрелил в него и спас мясо.

Как-то утром Эльса наведалась в лагерь еще до того, как мы встали. Я поднялась и пошла за нею. Она уже вошла в воду, когда я окликнула ее. Эльса вернулась, уселась рядом со мной на песок и принялась мяуканьем подзывать детенышей. Львята приблизились метра на три, но было ясно, что они не позволят себя трогать. Мне совсем не хотелось, чтобы они стали ручными, поэтому такое поведение меня только радовало.

Зато Эльсу как будто удивляло, что львята все еще опасаются меня. В конце концов она все же отказалась от попыток примирить нас и увела детей за реку.

В десять часов Эльса вернулась одна, порыскала в прибрежных зарослях и, принюхиваясь, затрусила по дороге. Когда она пропала из виду, я услышала сердитое рычание. Но вот она появилась снова, все еще принюхиваясь, порычала во весь голос, обратившись к гряде, потом прыгнула в воду и уплыла на тот берег. Мы никак не могли понять ее странного поведения. Уж не потеряла ли она львенка?

Позднее Ибрахим привел трех местных жителей, которые уверяли, что ищут пропавшую козу. Но они были вооружены луками с отравленными стрелами,

поэтому мы не сомневались, что это они напугали львят, и те убежали.

Два дня Эльса не приводила детей в лагерь. На третий день мы с утра отправились с друзьями к реке Тана — полюбоваться водопадами. Туда нелегко проникнуть, и мало кто из европейцев видел эти места. Мы долго смотрели на бегемотов, которые плескались на мелководье, ласково играя друг с другом. Мне кажется, что мы несправедливы к этим неуклюжим великанам. Только потому, что они кажутся нам уродливыми, мы удивляемся их способности проявлять чувства, которые у грациозных животных считаем естественными. И, кроме того, у бегемотов приятный голос, напоминающий звучание басовых струн виолончели.

А когда вечером мы вернулись в лагерь, Эльса с львятами ждала нас там. Все сели обедать, и Эльсино семейство тоже принялось за еду. Мы молчали, зная, что львят пугает человеческая речь. Разговоры боев, доносившиеся с кухни, их ничуть не смущали, но стоило нам, даже совсем тихо, произнести слово, как они убежали. А щелчок фотоаппарата просто повергал их в ужас.

Малышам было два с половиной месяца, и Эльса старалась поменьше подпускать их к соскам. Покормит, сколько считает нужным, потом сядет так, чтобы им нельзя было достать сосков, или вскочит на крышу лендровера. Поневоле львятам приходилось есть мясо. Они выдергивали изо рта у матери кишки животных и втягивали их, как макароны, между сжатыми зубами, выдавливая содержимое, совсем как она когда-то в детстве.

В тот вечер один из детенышей все время лез к матери, упорно добираясь до соска. В конце концов Эльса не на шутку рассердилась, вздула его и прыгнула на машину.

Львята переполошились. Они жалобно мяукали, стоя на задних лапах и опираясь передними о машину, а мать сидела и облизывала свои лапы, не обращая на них никакого внимания.

В конце концов они смирились и, весело прыгая, отправились рыскать по кустам. Эльса всегда волновалась, если малыши не приходили на ее зов. И теперь, видя, что они запропали, она спрыгнула на землю и привела их в лагерь.

Два последующих вечера Эльса приходила без львят. Она усиленно старалась доказать нам свою любовь и смахивала всю посуду со стола. Теперь наши гости уразумели, почему мы в лагере предпочитаем небьющуюся посуду. На третий день она пришла с детьми, но вела себя так же непринужденно. Как ни странно, малыши ничуть не испугались, когда наш ужин с грохотом посыпался на землю.

Львята уже совсем привыкли к нам, и мы недоумевали, почему это Эльса два вечера подряд оставляла их у солонца метрах в ста от лагеря. Интересно, как ей удавалось их там удерживать, в то время как она сама на их глазах с наслаждением поедала мясо.

Ночь выдалась дождливая. В таких случаях Эльса всегда укрывалась в палатке Джорджа. Прибежала она и на этот раз, велев детям следовать за собой. Однако они остались снаружи. Дождь им явно пришелся по душе. Бедняжка Эльса, решив, что материнский долг повелевает ей быть рядом с детьми, вышла из палатки, и они все вместе затеяли возню. Вскоре до нас донеслись приглушенные голоса, но дождь очень сильно барабанил по палатке, и мы не сразу сообразили, что это кричат наши друзья. Оказывается, свалилась их палатка, и они теперь выкарабкивались из-под мокрого брезента.

Мы бросились им на помощь, надеясь, что Эльса с детьми не вздумает присоединиться к нам. К счастью, им это не пришло в голову. Пока мы при свете фонариков забивали колья, Эльса стояла в сторонке и успокаивала львят, ласково им что-то мяукая. На рассвете дождь прекратился, и она увела детей к скалам, а мы принялись сушить одежду наших гостей.

Под вечер я поехала с ними в Исиоло. Джордж оставался в лагере. Начинался сезон дождей, суля размытые дороги, и нам нужно было подготовиться к этому заранее.

Глава пятая. ЛЬВЯТА В ЛАГЕРЕ

Когда я через два дня приехала в лагерь сменить Джорджа, то еще раз убедилась, как ревниво относится Эльса к своим малышам. Если кто-нибудь из боев, даже Македде, пробовал подойти к львятам, Эльса сразу прижимала уши и грозно глядела на него из-под полуприкрытых век. Ко мне же она относилась с полным доверием, даже иногда оставляла детенышей на мое попечение, уходя на водопой.

Несколько ночей подряд бушевала гроза. Молния и гром непрерывно следовали друг за другом, так что становилось страшно. Дождь лил как из ведра.

Палатка Джорджа пустовала, и Эльса вполне могла бы полазить там вместе со львятами, но врожденный страх перед человеком был слишком силен, малыши предпочитали мокнуть под открытым небом. Все-таки дикие звери! И мы твердо намеревались поощрять в них эту черту, как ни старалась Эльса подружить нас со львятами. Часто, затеявая с ними игру в «пятнашки», она пробовала как бы невзначай заманить их в мою палатку. Покружит, попетляет, незаметно приближаясь к входу, и, наконец, вбежит в палатку, спрячется у меня за спиной и, выглядывая из-за плеча, зовет львят. Но ничего не могло заставить их перейти границу, которую они сами установили.

Хотя их мать выросла как домашнее животное, это ничуть не подавило в них присущего всем диким зверям инстинкта, который заставляет остерегаться неведомого. И ведь Эльса сама первые пять-шесть недель прятала от нас львят. Значит, инстинкт защиты потомства у нее не пропал.

Эльсу явно огорчало, что ей никак не удастся сплотить нас в одну семью. И львята боялись людей, и

мы не хотели ей помочь. Наша бессердечность ее удивляла, но она не сдавалась. Однажды вечером Эльса вошла в мою палатку, улеглась позади меня и ласково позвала львят, рассчитывая, что они подойдут к соскам. Ей хотелось не просто заманить их в палатку, но и вынудить пройти мимо меня. Вероятно, львята были бы смелее, если бы я хоть чуточку отодвинулась. И, конечно, Эльса считала, что я могла бы как-то ободрить их. Но я молчала и не двигалась с места. Пересесть — значило бы расстроить все ее замыслы, а ласково заговорить с львятами было бы нарушением нашего уговора не приручать их. Я очень огорчилась, мне ведь так хотелось помочь львятам. А тут еще Эльса укоризненно глядела на меня... наконец она встала и вышла. Несомненно, мое поведение ей было непонятно, она считала меня бесчувственной. А я подавляла свои чувства для ее же блага.

Львятам тоже не нравились мои отношения с Эльсой, но совсем по противоположным причинам. Они очень волновались, когда их мать ложилась у моих ног, чтобы я помогла ей избавиться от назойливых цеце. Я нещадно била мух, шлепая при этом Эльсу, и львята просто выходили из себя. Особенно негодовал Джеспэ, он подходил ко мне поближе и приседал, готовясь к прыжку, чтобы заступиться за мать, им было невдомек, что она только благодарна мне за шлепки.

Как-то Эльса, Джеспэ и Эльса-маленькая пили воду из тазика возле палатки. Гупа стоял поодаль, он явно трусил. Эльса решительно подошла к нему и шлепнула его раз-другой. Только после этого он отважился присоединиться к остальным.

Джеспэ вел себя совсем иначе, его, скорее, можно было назвать чересчур смелым. Мне запомнился один случай. Вечером, когда семейство наелось до отвала, Эльса направилась домой, к скалам. Двое львят послушно последовали за нею, а Джеспэ продолжал

объедаться. Она дважды позвала его, но он лишь на минутку приподнял голову и снова принялся за мясо. В конце концов Эльса вернулась и решительно подошла к нему. Джеспэ смекнул, чем это пахнет, и покорился. С набитым ртом, на ходу проглатывая мясо, он затрусил вслед за матерью.

В это время мне понадобилось на несколько дней съездить в Исиоло, и Джордж сменил меня в лагере.

Малыши нас только радовали, обещая вырасти настоящими дикими львами, зато отец огорчал. Отчасти мы сами были виноваты. Как-никак вмешались в его семейные дела. Но ведь этот папаша совсем не заботился о пропитании своих детей, напротив, он не раз воровал у них мясо. И вообще причинял нам кучу хлопот. Как-то вечером он атаковал мой грузовик, пытаясь добраться до запертой в нем козы. А в другой раз, когда Эльса с малышами обедала возле нашей палатки, она вдруг почуяла его запах, встревожилась и, бросив мясо, ушла с детьми в буш. Джордж решил проверить, в чем дело. Не прошел он и трех метров, как услышал грозное рычание. Прямо перед ним в кустах стоял отец львят. Джордж поспешно ретировался. К счастью, так же поступил и лев.

А на следующий день новое приключение. В том месте, где Эльса обычно переправлялась через реку, Македде увидел огромного спящего крокодила. Джордж отправился туда с ружьем. Зверь и впрямь оказался на редкость крупным. Прикончив крокодила, Джордж измерил его. В нем оказалось три метра семьдесят сантиметров — рекорд для этой реки. Эльса вряд ли смогла бы отбиться от такого исполина.

Надо сказать, что и мне в Исиоло не приходилось скучать. Как-то вечером я сидела на крыльце веранды, любуясь закатом и ожидая, не придет ли какой-нибудь шакал или другой зверь напиться из поилки, которую мы поставили для птиц. Поилка была устроена очень

просто: разрезанная пополам автопокрышка, врытая в землю. Днем из нее пили крупные птицы, белки, мангусты, по ночам наведывались водяные козлы, импалы, зебры, леопарды. Раз я даже видела, как к ней подошел слон и одним глотком опорожнил ее.

Еще накануне я по следам установила, что к нам на водопой приходил дикобраз, и теперь, чтобы приманить его снова, я положила рядом с поилкой банан. Был тихий чудесный вечер, спать не хотелось, но в конце концов я все же легла. Кроме меня, в доме никого не было, только на задней веранде спал сторож.

Среди ночи меня разбудили тяжелые шаги. Кто-то ходил в гостиной... А потом в спальне Джорджа. У меня под подушкой лежал пистолет, и все же мне стало страшно. Позвать сторожа? Но вор успеет уйти. Я встала — сердце у меня сжималось от страха — и тихонько вошла в комнату Джорджа. Никого, все тихо. Очень осторожно пробралась к ванной. За дверью что-то громко зашуршало... Меня охватил ужас, главным образом оттого, что я никак не могла понять, в чем там дело. И вдруг из ванной выскочил взъерошенный дикобраз, угрожающе шурша своими иглами. Я едва успела отскочить в сторону и тут же рассмеялась. Мой смех разбудил сторожа. Я увидела в дверях его встревоженное лицо и была очень довольна, что странный звук напугал его не меньше, чем меня.

Наконец наш колючий гость удалился. Я была ему очень благодарна за это, потому что не представляла, как от него избавиться, не напоровшись на иглы. Интересно, как это дикобраз ухитрился подняться по крутым ступенькам?

Благодаря моей первой книге Эльса сразу стала знаменитой, у нее появились тысячи друзей. Это было очень приятно, но мы опасались, как бы ее не постигла участь других знаменитостей, которым не дают покоя почитатели. Со всех концов света к нам шли письма. Их

авторы непременно хотели приехать и посмотреть нашу львицу. Но мы положили слишком много труда для того, чтобы она и львята оставались дикими зверями, и не могли превращать теперь семейство Эльсы в туристский аттракцион. Как быть? Можно не нарушать ее покоя, но юридически у нас нет никакого права прогонять людей. Мы очень боялись, как бы кто не явился в лагерь без нас и случайно не натворил бед.

Из-за дождей мне пришлось долго пробиваться в лагерь. То вода почти по колени, то густая грязь... Машина часто застревала, а со мной ехали только Нуру и Ибрахим, так что мы по нескольку часов откапывали ее.

Последняя река (четвертая на нашем пути) настолько разлилась, что мы не отважились вступить с нею в поединок. Лучше уж дожждаться, когда спадет вода. К тому же начало темнеть, и мои спутники, правоверные мусульмане, упали ничком, головой к Мекке, и начали читать свои молитвы.

Нуру только что вернулся, его не было полгода, он ездил домой и лечился там от какой-то болезни. Причем уверял, что заболел из-за Эльсы. Меня это очень удивило. Ведь Нуру отлично ладил с нею. Правда, его болезнь началась как раз тогда, когда мы поручили ему присматривать за Эльсой и ее сестрами. И он вбил себе в голову, что Эльса «сглазила» его!

Вот я и взяла его с собой в лагерь, чтобы победить суеверие. Ожидая, пока прекратится дождь, я рассказала ему про львят. Он слушал очень внимательно.

За ночь вода в реке спала, и утром мы уже были в лагере. Эльса прибежала на звук мотора и приветствовала нас так бурно, что мы, измученные трудной дорогой, не рады были такому приему.

Мне хотелось, чтобы Нуру поскорее увидел львят, и во второй половине дня мы отправились к логову. Вдруг

мы услышали, как Эльса разговаривает с детенышами в кустах прямо перед нами. Вскоре она выскочила на тропу, поздоровалась со всеми, но особое внимание оказала Нуру. Она так бурно радовалась встрече со старым другом, что он растрогался, стал ее гладить и даже позабыл, что нужно опасаться ее дурного глаза. Потом он привязался к ней еще сильнее, чем до болезни. Правда, на этот раз Эльса не показала ему львят, она привела их в лагерь, лишь когда стемнело.

В отличие от матери львята не получили от нас никаких игрушек. Да им и так было весело. Они затевали возню в ярком свете лампы, и всегда находились палки, из-за которых стоило подраться. Нередко они играли в прятки, устраивали засады. Эльса тоже участвовала. Несмотря на свой вес, она прыгала, как котенок.

Мы поставили для них две поилки: алюминиевый таз и старый шлем на деревянной подставке. Из этого шлема в детстве пила Эльса, и львятам он тоже был больше по душе. Часто они опрокидывали его и сами пугались грохота. Потом набирались мужества и, насторожив ушки, украдкой разглядывали блестящий предмет, трогали его лапой. Мы старались сфотографировать их за игрой.

Днем было трудно сделать хороший снимок — в это время львята вели себя более степенно. Самые интересные снимки можно было получить под вечер, когда они отправлялись на свое любимое место для игр на берегу реки, возле упавшей пальмы, метрах в двухстах от лагеря. Отсюда открывался хороший вид, и по соседству росли густые кусты, где можно спрятаться от опасности, рядом солонец, а захочется утолить жажду — близко река. Да к тому же я обычно доставляла сюда для них мясо.

Спрятавшись в кустах, мы с Джорджем снимали на киноленту львят, когда они лазали по стволу и

поддразнивали мать, которая всегда присматривала за ними.

Конечно, они знали, что мы тут, но это им не мешало. Если же появлялись чужие, игра тотчас прекращалась, львята бежали в кусты, а Эльса прижимала уши и принимала грозный вид.

2 апреля, проводив Джорджа в Исиоло, я опять осталась одна в лагере с нашими боями.

В эти дни я заметила, что львята даже ко мне стали относиться более настороженно. Положишь им мяса, а они ползут в обход через траву, только бы не пройти мимо меня.

Чтобы непрошеные гости не крали мяса, я вечером перетаскивала его с берега поближе к палатке и привязывала цепью. Ноша была нелегкой, и Эльса явно радовалась, что я взяла на себя труд охранять ее добычу. Зато Джеспэ мое вмешательство не нравилось. Сперва он пугал меня ложными атаками, но иногда нападал и всерьез — прижмется к земле, весь подберется и вдруг кидается на меня. Эльса немедленно вмешивалась. Она не только преграждала сыну путь, но и выдавала ему чувствительные тумакки. Потом заходила ко мне в палатку и долго сидела со мной, совершенно пренебрегая Джеспэ. А он лежал с растерянным видом, прислонив голову к шлему, и время от времени пил из него воду.

Меня очень трогало заступничество Эльсы, но я понимала и Джеспэ, которого сбивала с толку ее нетерпимость к его проявлениям инстинкта. И я всячески старалась не возбуждать в нем ревности.

Он был еще слишком мал, большой беды человеку причинить не мог, но все-таки нужно было как-то наладить добрые отношения со львятами, пока они зависели от нас и не стали еще опасными. Задача эта была не простой. Нам не хотелось, чтобы они относились к нам враждебно, но и приручать их мы

тоже не хотели. Судя по всему, Эльса понимала наши трудности и по-своему пыталась помочь. Она наказывала Джеспэ, когда он бросался на меня, но и со мной не церемонилась, если я была чересчур фамильярна со львятами. Когда я подходила слишком уж близко к играющим малышам, она, нахмурившись, шла ко мне и хватала за колени. Делалось это без злобы, но строго, чтобы я поняла: лучше отступить, не то будет плохо.

Большую часть времени Эльса проводила на Больших скалах. Как-то, взяв с собой Нуру, который помогал мне нести снаряжение, я отправилась туда, надеясь запечатлеть львов на фоне неба или же снять сцену, которая мне особенно нравилась: Эльса идет вниз по крутой скале и оборачивается, ожидая львят, а они обсуждают, где лучше спускаться. Только мы установили камеру, как на вершине показалась Эльса. Но, увидев нас, она сразу же села и целый час просидела неподвижно, потом исчезла. Перед самым закатом она появилась опять и снова ушла, увидев, что мы еще здесь. Лишь когда стемнело и о съемке не могло быть уже и речи, она пришла к нам со львятами. Перед этим Эльса два дня не показывалась в лагере, хотя, наверное, сильно проголодалась. Может быть, она встречалась со своим супругом?

Глава шестая. РАЗНЫЕ ХАРАКТЕРЫ

Утром меня разбудил шум лендровера, который привез известие о приезде к нам двух английских журналистов, Годфри Уинна и Дональда Уайса. Самолет доставит их на ближайшую посадочную площадку, оттуда Джордж привезет журналистов и летчика в лагерь.

Я была в смятении. Как поведет себя Эльса? В последнее время она даже Нуру не подпускает, если около нее львята. А тут совершенно чужие люди. И я отправила записку Джорджу, прося его подождать с гостями в пятнадцати километрах от лагеря, где я их встречу. На всякий случай после ленча я послала Ибрахима, чтобы он перехватил машину, если увидит ее, и тоже дала ему записку.

Несмотря на все меры предосторожности, они приехали прямо в лагерь. Я старалась выпроводить их, но тут раздалось Эльсино «мхн-мхн». Очевидно, она услышала звук мотора, вот и явилась вместе со львятами! Ладно, будь что будет...

Я пригласила гостей в «кабинет» выпить чаю, а Джордж тем временем привязал к поваленному стволу козью тушу, чтобы все могли видеть, как Эльса и детеныши будут есть. Я объяснила Годфри Уинну, что мы вовсе не стремимся монополизировать Эльсу и львят, а просто хотим, чтобы они могли без помех вести дикий образ жизни. Им нельзя привыкать к посетителям, это грозит осложнениями в будущем. Уинн и Дональд Уайс сочувственно выслушали меня и обещали разъяснить в своих статьях читателям, как

важно оставить Эльсу в покое, чтобы не испортить то, чего мы добились ценой немалых усилий и выдержки.

Мы приятно провели вечер. Обедали на всякий случай в полумраке за палатками, чтобы не мешать Эльсе, которая ела по другую сторону. Когда гости утром уезжали, мне было даже неловко, что поначалу я приняла их так сурово.

На следующий вечер мы привязали тушу поблизости от палатки. Пришла Эльса и стала всячески приманивать львят, она приплясывала, обхаживала их и так и сяк, чтобы подбодрить, но даже Джеспэ не отважился выйти на свет. Потом мы услышали голос отца, и к утру семейство исчезло.

8 апреля Джордж снова уехал в Исиоло, а я осталась в лагере. Однажды вечером Эльса отказалась есть мясо, которое я ей предложила. Я не могла понять, в чем дело, пока бои не рассказали мне, что коза была больна. Видно, Эльса почувствовала это инстинктивно. Львята тоже не прикоснулись к туше. Обычно у них был великолепный аппетит, они ели очень много и всякий раз добивались молока от мамы, хотя давно успели привыкнуть к мясу.

Вечерние часы мы провели вместе. Эльса отдыхала, положив голову мне на плечо, и говорила детям «мхн-мхн». Хотя при этом пасти она не раскрывала, звук был очень выразительный. Но ее зов не подействовал, львята ко мне не подошли.

Меня всегда трогало, что со мной Эльса играет совсем иначе, чем с малышами. С ними она обращалась бесцеремонно, щипала, покусывала, а тому, кто мешал ей есть, прижимала лапой голову к земле. Я представляла себе, как это должно быть больно, но ко мне Эльса относилась бережно. Может быть, потому, что я всегда очень осторожно гладила ее и разговаривала с нею тихим, ровным голосом. Вот и она

вела себя спокойно. Я уверена, что, если бы я была с нею груба, Эльса показала бы мне, кто из нас сильнее.

Только я легла спать, как до лагеря донесся голос Эльсиного супруга. Но она не пошла к нему, а попыталась проникнуть через колючую изгородь в мою бому. Я крикнула: «Нельзя, Эльса, нельзя!» Она тотчас угомонилась и устроилась спать со львятами возле калитки.

На следующий день Эльса пришла в лагерь уже в сумерках, причем с нею было только два львенка. Не хватало Джеспэ. Гупа и Эльса-маленькая принялись есть. Но где же Джеспэ? Идти искать в такую темень бесполезно. Разве что удастся заставить Эльсу отправиться на поиски. И я стала подражать голосу Джеспэ, его характерному «цяннь-цяннь», показывая в то же время рукой на буш. Наконец она ушла. Двое львят как ни в чем не бывало продолжали есть и последовали за нею лишь минут через пять. Вскоре все вернулись, но Джеспэ по-прежнему не было. Я повторила маневр. Эльса снова пошла искать и опять возвратилась ни с чем. Третья попытка также не принесла успеха.

Я заметила в хвосте у Эльсы длинный шип. Должно быть, он причинял ей сильную боль, и, когда я принялась вытаскивать этот шип, она вся напряглась. Все-таки мне удалось извлечь его. Эльса облизала ранку, потом благодарно лизнула мне руку.

Джеспэ отсутствовал уже целый час. Неожиданно Эльса по собственному почину отправилась вместе со львятами в буш, а затем я услышала знакомое «цяннь». И вот все семейство в сборе. Джеспэ поел немного мяса, потом лег отдыхать метрах в полутора от меня. У меня камень с души свалился. Ведь львенок выбрал для прогулок самое опасное время суток, и он был еще настолько мал, что даже с гиеной не справился бы, не говоря уж о льве. Не иначе как ходил к зараженной

козе, от которой отказалась Эльса и которую я велела выбросить подальше от лагеря.

Что бы такое придумать, чтобы Джеспэ мог без всякого вреда давать выход своей энергии? Я повозила по земле рядом с ним старую автомобильную камеру, он тотчас набросился на нее. В игру немедленно включились и брат с сестрой. Они дергали, рвали камеру друг у друга, и скоро от нее остались одни клочья.

Ночью прошел дождь, а утром я, к своему удивлению, увидела в пустовавшей палатке Джорджа отпечатки лап не только Эльсы, но и львенка. Впервые кто-то из малышей отважился вступить в зону, которую они сами объявили запретной.

На следующий день Эльса заметила, что мы не закрыли на ночь колючими ветками вход в бому. Она толкнула калитку, вошла в палатку и улеглась на мою кровать, завернувшись в обрывки противомоскитной сетки. Вид у нее был такой довольный, что я приготовилась провести всю ночь, сидя на стуле.

Следом за Эльсой пришел и Джеспэ. Он встал на задние лапы и принялся исследовать кровать, но, к счастью, не пожелал лечь рядом с матерью. Его брат и сестра оставались снаружи.

Мы всячески пытались выманить Эльсу из палатки. Это была нелегкая задача, так как мы не могли открыть вход, боясь, что львята бросятся к матери. Значит, надо как-то заставить Эльсу пролезть сквозь плетеную калитку. Я принялась ходить вокруг лагеря, произнося «цян-цян» и светя фонариком, чтобы Эльса подумала, что львята убежали и я их ищу. Эта уловка помогла. Эльса и Джеспэ выскочили на волю. Она пробралась сквозь калитку, но как сумел выбраться Джеспэ, я не представляю. Палатка теперь была свободна, однако уснуть мне не удалось, потому что Эльса атаковала грузовик. Правда, и на этот раз достаточно было

крикнуть: «Нельзя, Эльса, нельзя!» Я не могла понять, почему она добирается до коз. Проголодалась? Так ведь у реки еще лежало мясо.

Львятам было уже около четырех месяцев, пора им самим охранять свою добычу. Или Эльса настолько обленилась, что все обязанности возлагает на нас: и добывать им мясо, и стеречь его?

Так, может быть, лучше предоставить ее самой себе, чтобы не разрушать врожденных инстинктов? Время, однако, было для этого не подходящее. Как раз в эти дни мы обнаружили по соседству с лагерем следы чужих людей. Это явно приходили на разведку местные жители. Близился засушливый период, и они, несмотря на запрет, хотели пасти свой скот в заповеднике. Все-таки лучше уж нам снабжать семейство мясом, чем рисковать, что Эльса зарежет отбившуюся от стада козу. Я утешала себя тем, что скоро снова начнутся дожди и пастухи уйдут. А до следующей засухи львята подрастут и будут ходить с матерью на охоту.

Я с интересом наблюдала, как развиваются малыши. Они уже начали упражнять свои когти. Становились на задние лапы и царапали передними шершавый ствол дерева, преимущественно акации. Да так усердно, что обнажалось розовое основание их коготков. После таких упражнений на коре оставались глубокие борозды.

Время от времени я исследовала кал Эльсы и, до того как она стала матерью, находила разных глистов. Иные утверждают, будто ленточный глист львам только полезен (во внутренностях львов, которых Джорджу приходилось убивать, мы всегда их находили). Тем не менее я давала Эльсе глистогонные средства. Но с тех пор как Эльса родила, ни у нее, ни у львят ленточных глистов не было. Они появились у малышей лишь в девять с половиной месяцев.

Прежде бывало, что Эльса мочилась на брезентовый пол палатки, иногда даже на крышу лендровера. Став матерью, она излечилась от этой дурной привычки и строго следила за тем, чтобы дети не пачкали тропу.

Ни у кого из малышей не было характерного для львов признака: полосы вдоль хребта. Длина этой полосы около тридцати сантиметров, ширина пять — восемь сантиметров, волосы на ней растут в противоположную сторону. У Эльсы и Большой очень рано появилась такая полоса, у Люстики она вовсе не образовалась.

Отличать львят друг от друга было нетрудно. Джеспэ заметно светлее двух других, отлично сложен, остроносый, с раскосыми глазами, которые придавали монгольский вид его живой мордочке. Самый смелый, любопытный и своевольный из троих, он был также и самым ласковым. Если он не льнул к маме, то ласкался к брату и сестре. Часто, когда Эльса ела, Джеспэ только вид делал, что участвует в трапезе, а сам терся о маму. Он ходил за нею как тень.

Очень мил был его робкий брат Гупа. На лбу темные пятна, глаза не такие ясные и открытые, как у Джеспэ, а мутноватые и чуть косящие. Гупа был крупнее и плотнее брата, с заметным животиком. Я даже боялась одно время, что у него грыжа. Он был не глуп, но смекал медленно и был совсем лишен предприимчивости Джеспэ. Гупа предпочитал не лезть на рожон, пока не выяснится, что нет никакой опасности.

Эльсе-маленькой очень подходило ее имя: она в точности напоминала свою маму в этом возрасте. То же выражение, та же окраска, то же тонкое сложение. И вела она себя так похоже на маму, что обещала стать не менее обаятельным существом, чем Эльса-большая.

Конечно, Эльса-маленькая знала, что она слабее братьев, но умела возмещать это хитростью.

Все трое были хорошо воспитаны и во всех серьезных делах беспрекословно слушались маму. Но в игре они ее не боялись, и ей приходилось наказывать их тумаками за нахальство.

Вечером, когда вся семья лежала у моей палатки, я стала зажигать лампу. Вдруг она вспыхнула, и я едва успела бросить ее на землю. Пришлось бежать за Ибрахимом. Но когда мы вернулись с тряпками, пламя уже само погасло. Львята все это время лежали на месте, с интересом наблюдая за странным поведением их «луны». А Эльса даже подошла к огню, и мне надо было очень строго крикнуть «нельзя», чтобы она не опалила усы. На ночь все семейство устроилось рядом с палаткой.

Вдруг слышались звуки, которые обычно издают во время любовного свидания носороги. У этих неуклюжих великанов обнаруживается на удивление тоненький голосок. А может быть, это буйволы? Так или иначе, хорошо, что у меня под рукой лежит винтовка...

Ночь, однако, прошла спокойно, зато утром я проснулась от звона брошенной наземь посуды. В следующий миг в палатку ворвался Тото и, задыхаясь, доложил, что, когда нес мне чай, его чуть не сбил с ног буйвол. Тото еле-еле успел добежать до моей бомы и захлопнул калитку перед самым носом у зверя. Я невольно улыбнулась: парня, за которым гнался буйвол, могла успокоить хрупкая калитка! Но, видимо, эта преграда произвела впечатление и на буйвола. Он отступил.

Незадолго перед тем птица-носорог показала нам, как по-настоящему строить «оборонительные сооружения».

Кто читал мою первую книгу, помнит, наверное, случаи, когда Эльса предупредила нас о плюющейся кобре, которая лежала на дереве на уровне наших глаз. После мы установили, что эта змея живет в дупле в

полуметре от земли. Она частенько попадалась нам на глаза. Раз, когда мы искали логово Эльсы, кобра вдруг поднялась над землей всего в полтора метрах от Джорджа. Он выстрелил, но промахнулся. И вот теперь мы обнаружили, что дупло замуровано твердой, как цемент, смесью глины, луба и, видимо, слюны. Осталась лишь узенькая щель.

Сквозь щель было видно, как что-то шевелится внутри. Нам не больно-то хотелось проверять, в чем дело, мы думали, что там вывелись змееныши. Но затем заметили, что на земле у ствола частенько появляется птичий помет, и смекнули: дупло заняла птица-носорог.

Все время насиживания самка носорога сидит замурованная, самец оставляет маленькое отверстие, через которое передает ей пищу. Странно только, что чета выбрала дупло так близко от земли и не постеснялась занять квартиру змеи. Кстати, что думала по этому поводу сама кобра? Или ее постоянная квартира была в другом месте? Метрах в пятнадцати оттуда на другом дереве я увидела кирпичного цвета змееныша. Когда мы приблизились, он мигом юркнул в дупло. Оба дерева относились к роду коммифора. Судя по всему, очковые змеи отлично лазают по деревьям и привязаны к месту своего обитания.

Носороги занимали дупло недель шесть-семь. Потом затычка вдруг исчезла, остались только черепки на земле. Вход открыт.

Когда львьятам исполнилось четыре с половиной месяца, Эльса, видимо, примирилась с тем, что они никогда не будут относиться к нам так же, как она. С каждым днем они становились все более робкими. Есть старались подальше от палаток, куда не доходил свет нашей лампы. Только Джеспэ не отставал от матери и часто забредал с нею в «опасную зону». Эльса теперь, как правило, ложилась между нами и львьятами, как бы оберегая их.

Выглядели они превосходно, и мы решили хотя бы на несколько дней оставить их наедине с Эльсой. Пусть поохотятся. Недавно поблизости от лагеря появлялся их отец, и, поскольку Эльса наведывалась со львятами только для того, чтобы поесть, мы заключили, что большую часть времени она проводит с ним.

Пока сворачивали лагерь, я спустилась в «кабинет» и села под деревом просмотреть письма от читателей книги «Рожденная свободной». Почту привез лендровер, который приехал за нашими вещами. Как бы мне успеть ответить всем...

Вдруг на меня налетела Эльса. Пока я пыталась избавиться от ее ста пятидесяти килограммов, письма разлетелись во все стороны. Наконец я поднялась и стала их собирать, но стоило мне нагнуться, как Эльса прыгала на меня, и мы снова катились в обнимку по земле. Львята пришли в восторг от такой забавы и принялись гоняться за порхающими листками. Почитатели Эльсы, наверное, были бы рады увидеть, каким успехом пользовались их письма. К счастью, мне удалось все собрать. Чтобы отвлечь внимание Эльсы и львят, я послала в лагерь за мясом.

К этому времени все вещи были уложены, и машины ждали нас в стороне от лагеря. Несмотря на гул реки, Эльса тотчас уловила рокот моторов. Она внимательно прислушалась и посмотрела на меня. Зрачки ее расширились настолько, что глаза казались черными. Она поняла, как и всегда понимала, что мы покидаем ее. «Как же ты можешь оставить меня и детей без еды?» — говорили ее глаза.

Она перестала есть, медленно двинулась со львятами вдоль лагги и скрылась из виду.

Глава седьмая. ЭЛЬСА ВСТРЕЧАЕТ СВОЕГО ИЗДАТЕЛЯ

Через пять дней, 28 апреля, мы снова приехали в лагерь, а десять минут спустя пришла Эльса, без львят. Выглядела она отлично и встретила нас очень радушно, но сразу же убежала, прихватив с собой козью тушу, которую мы привезли для нее и даже еще не успели привязать на ночь.

Она пропадала целые сутки, потом наконец явилась, снова одна, наелась до отвала и под утро ушла.

А где же львята? Мы начали беспокоиться, тем более что у Эльсы были грузные соски... Но уже на следующий день облегченно вздохнули, увидев в сухом русле резвящееся семейство. В лагерь мы вернулись все вместе. Вскоре началась гроза, и Эльса спряталась к нам в палатку. Львята сидели под дождем, стряхивая по временам с себя воду. Они озябли и промокли насквозь, но даже в таком виде были очаровательны. Мокрая шерсть плотно прилегала к телу, так что уши и лапы казались вдвое больше обычного. Как только ливень унялся, Эльса вышла к детям и затеяла с ними отчаянную возню. Видимо, хотела, чтобы они согрелись. Потом все принялись за обед. Они так яростно рвали мясо, что было видно, как играют сильные мышцы под высохшей пушистой шерсткой. Тут впервые мы увидели, что львята уже научились зарывать в землю остатки. Они аккуратно засыпали все песком. Должно быть, за те пять дней, что они жили полными дикарями, мать преподала им этот урок. Когда все было убрано, малыши устроились около Эльсы и принялись сосать молоко.

На этот раз мы не собирались долго задерживаться и поэтому торопились поскорее сделать снимки. Но Эльса сорвала наши планы, она почти не приходила в лагерь. А ведь нам еще хотелось получше откормить ее до отъезда. Пришлось отправляться за нею к Большим скалам. Мы позвали ее, и она спустилась к нам вместе с Джеспэ, двое других малышей держались поодаль. Когда мы пошли обратно, семейство последовало за нами. Детеныши поминутно затевали возню, и Эльса останавливалась, поджидая их.

Утро выдалось чудесное. Воздух был свежий и прохладный. Красивые облака, которые даже в самые ясные дни разрисовывают узорами кенийское небо, еще не появились. Радость жизни распирала львят, они носились взад и вперед, сшибая друг друга с ног. Но вот Эльса свернула в буш — должно быть, решила идти в лагерь напрямик. Эльса-маленькая и Гупа ринулись за нею, но Джеспэ задержался на дороге. Он явно считал себя ответственным за безопасность семейства, а ведь мы в него не входили, вот он и проверял, не собираемся ли мы их преследовать. Не обращая внимания на материнский зов, Джеспэ наступал на нас, то прижимаясь к земле, то делая короткую перебежку... Подобравшись к нам вплотную, он остановился и замотал головой, точно не знал, что делать дальше. Тут подоспела Эльса. Она вернулась за своим неслухом и хотела дать ему затрещину, но он ловко увернулся и покорно затрусил вслед за братом и сестрой.

Мы чудесно провели день в «кабинете». Семейство уписывало козлятину. Наевшись до отвала, львята повалились на спину лапами кверху и задремали. Я прислонилась к Эльсе, Джеспэ устроился у нее под мордой. После отдыха львята принялись исследовать ветви деревьев, свисающие над водой до самой середины реки. Их не пугали ни высота, ни быстрое течение внизу, и они легко поворачивались даже на

самых тонких суках. Вдруг Эльса насторожилась, быстро встала, забрала с собой львят и ушла в укрытие. Только теперь я услышала, что приближаются слоны, и тут же заметила четырех исполинов. Они шли по противоположному берегу на водопой. Ветер дул в нашу сторону, и слоны нас не учуяли. Утолив жажду, они не спеша удалились в буш.

Когда начало смеркаться, я оттащила остатки козлятины в лагерь. По пути Джеспэ дважды пытался атаковать меня, но оба раза сердитый взгляд матери его останавливал.

В один из ближайших дней, когда Джордж отправился обследовать свой район, я снова задумала сделать снимки. Тото помогал мне нести снаряжение. Мы застали львиное семейство в Китчен-лагге — так мы называли песчаный участок одного высохшего русла. Эльса и львята были какие-то сонные. Я отправила Тото обратно в лагерь и приготовила аппараты для съемки. Было очень жарко, небо хмурилось и собирался дождь. Эльса стала кататься между штативами, однако не опрокинула их. Львят привлекли блестящие предметы, им не терпелось поближе исследовать футляры и коробки, которые я подвесила повыше, чтобы малыши до них не дотянулись. Начало моросить, но такой дождичек не затягивается надолго, поэтому я не стала убирать камеры, а только накрыла их полиэтиленовыми мешочками.

Вдруг я заметила, что Эльса вся подобралась и, насупившись, смотрит в сторону лагеря. Миг — и она, прижав уши, молнией ринулась в заросли. Послышался испуганный вопль Тото. Я бросилась вслед за нею, крича: «Нельзя, Эльса, нельзя!» К счастью, я подросла вовремя и крикнула Тото, чтобы он шел в лагерь помедленнее, иначе Эльса может погнаться за ним. Когда пошел дождь, Тото решил вернуться и помочь

мне отнести в палатку тяжелое снаряжение. И вот теперь чуть не пострадал за свою доброту.

Когда он наконец ушел, я успокоила Эльсу, поглаживая ее и приговаривая, что это был всего-навсего ее хороший друг Тото, Тото, Тото... Затем я собрала свои камеры и направилась в лагерь. Нести было нелегко. А Эльсу не покидала ее подозрительность, она поминутно выскакивала вперед, проверяя, все ли в порядке, и я оказывалась между нею и львятами. Им это не нравилось, Джеспэ все время бросался на меня. Мне не хотелось, чтобы Эльса раньше меня явилась в лагерь, поэтому я постаралась опередить ее. Но теперь мне пришлось пятиться задом со своей тяжелой ношей, так как я боялась потерять их из виду. Всю дорогу я ласково разговаривала с Эльсой, чтобы настроить ее на более миролюбивый лад.

Подойдя к лагерю, я крикнула боям, чтобы они зарезали козу, и не пускала Эльсу в лагерь до тех пор, пока они все не приготовили. Так что наше возвращение было мирным.

Когда вернулся Джордж, мы снова предприняли с ним фотоэкспедицию и стали искать Эльсу на гряде, где ее видели с утра, звали ее, но она не показывалась. Лишь когда стемнело и снимать уже было нельзя, она вдруг вышла из кустов метрах в десяти от нас. Судя по ее спокойствию, можно было подумать, что Эльса весь день следила за нами из укрытия. Теперь она потерлась головой о наши колени, но голоса не подавала. А это значило, что она не хочет привлекать внимания львят. Немного погодя Эльса так же бесшумно ушла. А потом нам попались отпечатки лап ее супруга. Видимо, семья собралась в полном составе.

На следующий день я в бинокль увидела Эльсу недалеко от того места, где мы расстались накануне. Она стояла на гребне гряды, четко выделяясь на фоне неба, и пристально разглядывала небольшую ложбинку

между скалами. Меня она заметила, но не подала виду. Я наблюдала за нею, пока не стемнело, и за все это время Эльса ни разу не пошевелинулась, точно стояла на часах. Вдруг что-то на дороге привлекло ее внимание. Вероятно, она уловила рокот машины, на которой возвращался с объезда Джордж. Поравнявшись со мной, он остановился, я села в машину и стала рассказывать о последних событиях. В кузове лежали цесарки, которых Джордж настрелял по дороге. Я обрадовалась. Уж очень мне надоели все эти консервы!

Неожиданно примчалась Эльса, вскочила в кузов, и во все стороны полетели перья! Боясь, что мы останемся без обеда, Джордж схватил одну цесарку и бросил подоспевшим львьятам. Эльса прыгнула следом, и мы тотчас нажали на стартер и рванули с места. Но Эльса все-таки успела вскочить на крышу лендровера, требуя, чтобы ее подвезли к лагерю. Мы надеялись, что через несколько метров материнский инстинкт все же заставит ее вернуться к львьятам. Куда там... Лишь когда мы принялись стучать по брезенту, не давая ей улечься, Эльса наконец соскочила и направилась к своим недоумевавшим детям.

Вскоре все семейство пожаловало в лагерь и затеяло игру с убитой цесаркой. Нас особенно позабавила хитрость Эльсы-маленькой. Она позволила братьям ощипать птицу, а затем, улучив миг, уволокла ее и так решительно защищала свою добычу — фыркала, ворчала, царапалась с самым грозным видом, — что братья отстали от нее и занялись другой птицей.

Детеныши порой не на шутку дрались из-за еды, но у них не оставалось друг на друга ни зла, ни обиды. Странно, что цесарки пришлись им больше по вкусу, чем козлятина. Когда Эльса была маленькой, цесарка была для нее скорее несъедобной игрушкой.

Ночь семейство провело около лагеря. Утром мы поняли, что для этого была причина: кругом виднелись львиные следы. Не иначе как отец рассчитывал поужинать вместе. А Эльсу, очевидно, это не устраивало. Она затащила козу в кусты между нашими палатками и рекой, куда ее супруг вряд ли решился бы зайти. Здесь она и обосновалась вместе со львятами на ближайшие сутки. И только когда Джордж вернулся на лендровере из очередного объезда, она вышла из укрытия. Джордж привез еще цесарок, и повторилась вчерашняя потеха.

Вечером я пошла погулять и вдруг увидела отпечатки лап Эльсиного супруга поверх свежих следов от машины Джорджа. Папаша только что был здесь... Вернувшись в лагерь, я заметила, что Эльса настороженно прислушивается. Вскоре она снова потащила козу в надежное убежище, захватив с собой львят. Почти сразу вслед за этим мы услышали совсем неподалеку ворчание льва. Оно прекратилось только на рассвете.

Утром мы должны были уехать на восемь дней в Исиоло. Эльса, разумеется, слышала, как мы свертывали лагерь, но не стала выходить из своего колючего укрытия.

В Исиоло мы узнали, что в последние дни нас трижды вызывали по телефону из Лондона и завтра снова должен быть звонок. Когда живешь в такой глуши, разговор с Лондоном, за шесть с половиной тысяч километров, хоть кому покажется волнующим событием!

И вот мы слышим в трубке голос издателя Билли Коллинза. Он сказал, что принимает наше приглашение и приедет познакомиться с Эльсой. Прилететь он должен был на следующей неделе.

Мы заказали для Коллинза самолет из Найроби до ближайшей к нам посадочной площадки и за два дня до

его приезда выехали из Исиоло, решив заранее отыскать Эльсу и попытаться удержать ее со львятами поблизости от лагеря.

За дорогу нам несколько раз пришлось останавливаться из-за проколов, и в конце концов мы были вынуждены устроиться на ночь под открытым небом в таком месте, где недавно был пожар, трава сгорела, все было черно и в воздухе носился пепел. Воды у нас с собой было очень мало, только для питья, так что мы быстро превратились в трубочистов.

Утром мы добрались до лагеря. Джордж выстрелил в воздух, и вскоре послышалось знакомое «хнк-хнк», однако Эльса не появлялась. Ее голос доносился со стороны «кабинета», я спустилась туда и увидела все семейство на водопое. Эльса глянула на меня, но продолжала пить как ни в чем не бывало, точно и не было недельной разлуки.

Потом она все-таки подошла и лизнула меня. Джеспэ сперва сел в двух шагах от нас, но, когда Эльса вскочила на стол и улеглась там, он встал на задние лапы и потерся носом о мамину морду.

Утром я вместе с Ибрахимом, Македде и поваром поехала встречать Билли Коллинза. Не зная точно, когда он прилетит, мы захватили с собой лагерное снаряжение на случай, если вдруг придется заночевать в буше. Эльса сидела на Больших скалах и провожала нас взглядом.

Километров через восемь нам встретилось стадо слонов. Их было больше трех десятков, и среди них много детенышей. На наше счастье, они уже пересекли дорогу и быстро удалялись.

В эти ранние часы нам вообще попадалось на редкость много животных: лесных антилоп, зебр, водяных козлов, жирафовых антилоп, бородавочников. А выехав на открытую равнину, мы увидели стада газелей Гранта, антилоп импала и канн.

Встреча с каннами нас не удивила. Они подолгу пасутся в одних и тех же местах, и это стадо мы уже давно заметили. Здесь же бродили страусы и множество цесарок гонялись друг за другом, точно камни катились по равнине. Потешные бабуины, будто кегли, высывались из травы, пытаясь получше разглядеть нас.

Вот бы встретить всю эту дичь и на обратном пути — будет что показать нашему гостю! Впрочем, со слонами его лучше не знакомить, пока с нами нет Джорджа...

Наконец мы добрались до сомалийской деревушки, где с минуты на минуту должен был приземлиться самолет. Я попросила местных жителей не пускать к посадочной площадке скот.

Аэродром этот был устроен для самолетов, истребляющих саранчу. Чтобы подготовить площадку к приему гостей, надо было только вырубить немного кустарника. Теперь ею редко пользуются, и здесь постоянно бродит скот. С воздуха ее не сразу различишь, она почти сливается с окружающей местностью.

Послышался рокот мотора, и вскоре мы увидели самолет, который долго кружился над площадкой, прежде чем сесть. Тотчас на аэродром высыпали чуть ли не все жители деревни. Мусульмане в живописных тюрбанах и широких халатах с интересом следили, как Билли Коллинз и летчик выбираются из тесной кабины. Билли всю ночь провел в воздухе. Только три часа назад прибыл он в Найроби, откуда немедленно отправился на четырехместной машине дальше — мимо горы Кения, с ее коварными воздушными ямами, к крохотной площадке среди полупустынь Северной пограничной провинции. Редкие глинобитные лавки с железными крышами не очень-то помогали летчику ориентироваться. Посадочную площадку он отыскал

скорее благодаря окружившим ее верблюдам и ослам, чем разложенным по углам белым камням и обвисшему ветроуказателю. Летчик сказал, что ему надо немедленно лететь обратно, пока над песками и бушем не спустилась ночь. Нам тоже предстоял долгий, трудный путь. Мы выехали почти сразу, только выпили чаю в деревне.

Я слышала, что Билли очень любит животных. Но придется ли ему по вкусу наш неустроенный быт? Узнав, что весь его опыт лагерной жизни сводится к отдыху в уютном домике на полинезийском острове, я слегка встревожилась, но, когда увидела, что отчаянная тряска не помешала Билли Коллинзу искренне восхищаться каждой птицей, каждым животным, каждым растением, какие только нам попадались, я успокоилась. Ехали мы дотемна, потом на берегу одной из четырех рек, через которые нам предстояло переправиться, сделали привал. Полагая, что Билли устал после долгого перелета, и опасаясь встречи со слонами в темноте, я хотела остаться тут на всю ночь, однако Ибрахим и объездчик посоветовали мне ехать дальше.

На кордоне, где мы держали коз, купленных для Эльсы, инспектор передал мне записку, в которой он очень просил Джорджа приехать на следующий день в ближайший административный центр для разбора дела о браконьерстве.

Пропетляв еще часа два по густому бушу, мы наконец добрались до лагеря. Не успел Джордж наполнить рюмки, чтобы подкрепить наши силы, как послышалось знакомое «хнк-хнк» и появилась Эльса с детьми. Она как всегда радостно приветствовала нас, потом осторожно обнюхала Билли и потерлась о него головой. Львята стояли поодаль. Эльса забрала свою козлятину, уволокла в укромный уголок за моей палаткой, и все семейство принялось за еду.

К приезду Билли в лагере рядом с палаткой Джорджа была поставлена еще одна палатка, обнесенная колючей изгородью. После ужина мы отвели туда нашего гостя и пожелали ему спокойной ночи. Вход в ограду был забаррикадирован ветвями.

Эльса устроилась возле моей бомы. Засыпая, я слышала, как она ласково разговаривает со львятами. А на рассвете меня разбудил шум. Он доносился из палатки нашего гостя. Билли и Джордж уговаривали Эльсу слезть с кровати своего издателя. Как только начало светать, она протиснулась сквозь ограду, прыгнула на Билли и, придавив беднягу своими килограммами, принялась облизывать его через противомоскитную сетку. Нужно отдать должное спокойствию Коллинза, если учесть, что его еще никогда в жизни не будила таким способом взрослая львица. Даже когда Эльса, показывая свое расположение, легонько ущипнула его за руку, Билли продолжал говорить с нею ровным голосом.

Наконец эта забава ей наскучила, Эльса вышла с Джорджем за ограду и затеяла возню со львятами. Поздоровалась с гостем, и хватит! Потом семейство отправилось к Большим скалам, а Джордж поехал расследовать случай с браконьером. Мы с Билли обсуждали в моем «кабинете» издательские дела, пока Джордж не вернулся.

Он рассказал, что видел у самого лагеря слоновье стадо. Мы наскоро выпили чаю и поехали, надеясь снять интересные кадры. А поравнявшись с Большими скалами, увидели на вершине Эльсу. Ее силуэт так красиво выделялся на фоне неба, что мы забыли о слонах и подошли поближе к скалам в надежде снять Эльсу и львят. Она все время прислушивалась к какому-то шуму, доносившемуся из-за большого камня неподалеку от нее. Видимо, там были львята. Эльса следила взглядом за каждым нашим движением, но

сама, сколько мы ее ни звали, ни манили, не сдвинулась с места. И львята не показывались. Так ничего и не дождавшись, мы решили попытаться счастья со слонами.

Не успели мы вернуться к машине, как Эльса встала и вызвала львят, и они, как будто нам назло, стали принимать самые живописные позы. Этого-то мы и ждали целый час. Но Эльса достаточно ясно дала понять, что у нее нет настроения сниматься, поэтому мы решили ехать к слонам. Увы, в том месте, где видел их Джордж, остались одни только следы, и мы вернулись к Эльсе.

Для съемок теперь уже было темно, пришлось просто понаблюдать за семейством в бинокли. Львята бегали и возились между камнями, а Эльса все время следила за нами. Когда мы наконец позвали ее, она тотчас сбежала вниз, радостно поприветствовала нас и вскочила на крышу лендровера. Мы гладили ее лапы, свисающие на ветровое стекло, а она глядела на детей, которые продолжали играть на гряде, ничуть не встревоженные ее отсутствием. Эльсе было приятно наше внимание, но все-таки она не сводила глаз со львят, пока они не спустились вниз. Тогда Эльса прыгнула на землю и ушла с ними в буш.

Мы тут же вернулись в лагерь, чтобы приготовить тушу для львиного семейства. Они вскоре пожаловали и набросились на мясо, а мы выпили по рюмке вина. Весь этот вечер мы провели вместе, и наши четвероногие друзья явно признали Билли своим.

Еще не рассвело, когда меня снова разбудил шум из палатки Коллинза. Опять Эльса пришла сказать ему «доброе утро!». Джордж уговорил ее выйти, укрепил ограду, чтобы она больше не смогла пролезть, и пошел досыпать. Ему нездоровилось, ночью у него был приступ малярии. Как бы вы не остерегались, вы никогда не застрахованы от внезапных приступов, если,

как Джордж, больше тридцати лет ослабляете свой организм лекарствами от малярии.

Но Эльса не собиралась отступить перед какими-то там колючками. И снова Билли закричал под ее тяжестью. Пока он выпутывался из накомарника, прибежал Джордж. Он замешкался, разбирая сооруженное им же препятствие, и Эльса успела крепко обнять Коллинза за шею обеими лапами и захватила в пасть его лицо. Так она ласкала своих львят, но вряд ли Билли могла понравиться такая ласка. И как только он не перепугался насмерть!

Когда я прибежала в палатку, Эльсы там уже не было, она возилась с детьми на берегу реки. Я осмотрела царапины, которые она оставила на плече Билли. К счастью, они были неглубокие, и в два дня все зажило.

Меня расстроило необычное поведение Эльсы. Никогда еще она не встречала так наших гостей. Я решила, что она выражала Билли свою симпатию, иначе бы он так легко не отделался. Все-таки я беспокоилась и поэтому оставалась в палатке с Коллинзом, пока Эльса не увела своих львят. Я надеялась, что она ушла на целый день, но не тут-то было! Только мы с Джорджем отвлеклись, как она в третий раз пробралась через изгородь! Правда, Билли уже встал, а он мужчина рослый и сильный, так что удержался на ногах, когда Эльса, поднявшись на задние лапы, положила передние ему на плечи и подергала его за ухо. Но тут я задала ей основательную трепку. Эльса с обиженным видом вышла из палатки и обратила свои ласки на Джеспэ. Каталась с ним на траве, обнимала его и покусывала в точности так же, как Билли. Затем все семейство вприпрыжку умчалось в буш.

Не знаю уж, кто был больше потрясен: бедняга Билли или я. На наш взгляд, все эти выходки Эльсы означали, что она считает его членом семьи. До сих пор

такие ласки доставались только нам и львьятам. Если бы Эльса ревновала нас к Билли или невзлюбила его, она, наверное, обошлась бы с ним более сурово.

Но мы не хотели, чтобы эти демонстрации повторялись, и решили после завтрака уехать из лагеря. Меня беспокоила малярия Джорджа, однако он заверил нас, что через день-два будет совершенно здоров. Я и сама знала по опыту, что его приступы быстро кончаются.

Нам было жаль уезжать так скоро, но другого выхода не было.

Проехав несколько километров, мы увидели недалеко от дороги двух слонов. Они вытянули хоботы, принюхиваясь, нерешительно потоптались на месте и отступили. Тогда Ибрахим отправился на разведку: ведь мы везли тяжело нагруженный прицеп и не могли быстро маневрировать. Предосторожность оказалась кстати, она предотвратила столкновение со слоном, который стоял посреди дороги. Мы остановились и стали ждать. Однако слон не торопился, мы давно сделали все снимки, когда он наконец сообразовал удалиться в буш. Дальше мы ехали без особых происшествий, если не считать проколов, из-за которых лендровер попал в канаву.

В двух часах пути от Исиоло машина неожиданно остановилась. У прицепа соскочило колесо, и ось врезалась в землю. Мы оставили объездчика сторожить прицеп, пока не придем за ним грузовик, и двинулись дальше. До Исиоло мы добрались далеко за полночь. Пока управились с разгрузкой, грели воду для умывания, готовили ужин, все уже смертельно устали и хотели спать. Мне было жаль Билли, ведь на его долю выпало столько всяких переживаний и за всю поездку он не знал ни минуты покоя.

Сразу после нашего отъезда из лагеря Джорджа опять вызвали все по тому же делу о браконьерстве.

Несмотря на болезнь, он на следующее утро стал собираться в путь. В это время явилась Эльса. После визитов к Билли она не показывалась в лагере, но теперь, проголодавшись, пришла вместе с детьми. Пока они ели, Джордж уехал в Исиоло.

Глава восьмая. ПОЖАР В ЛАГЕРЕ

В начале июня мы снова отправились в лагерь, где не были десять дней. Перед самым закатом, когда до лагеря оставалось с десятков километров, мы вдруг заметили на деревьях и кустах множество грифов и стали медленно подъезжать к ним. Неожиданно мы оказались в окружении слонов. Должно быть, то самое стадо в тридцать — сорок голов, которое бродило здесь последние недели. В стаде было много слонят, и встревоженные мамыши, подняв кверху хоботы, размахивая ушами и сердито тряся головой, подходили к самой машине. Мы почувствовали себя не очень уютно. Когда нас догнал грузовик, за рулем которого сидел Ибрахим, положение наше не улучшилось.

Джордж схватил винтовку и вскочил на крышу лендровера. Казалось, прошла целая вечность, прежде чем слонам вздумалось наконец идти дальше. Один за другим они пересекли дорогу метрах в двадцати от нас. Зрелище было величественное. Могучие животные шли цепочкой, прикрывая своими телами слонят и сердито мотая головой в нашу сторону.

Выразив свой гневный протест, стадо удалилось. Однако часть слонов все еще стояла в нерешительности. Мы продолжали ждать. Наконец двинулись и эти, лишь две небольшие группы остались на месте. Они явно не собирались уходить.

Но что же все-таки привлекло сюда всех этих грифов? Уже смеркалось, и Джордж решил вместе с Македде рискнуть пройти между оставшимися слонами. Ибрахим и я с крыши машины следили за животными, чтобы в случае чего предупредить Джорджа. Он нашел

недавно убитого водяного козла. Кругом на земле были отпечатки лап льва. Видимо, слоны спугнули его.

Джордж вернулся к машине. Уже стемнело, а дорогу нам все еще преграждали слоны. Объехать их было невозможно, и мы рискнули пробиться между ними. Все обошлось благополучно.

Уж не Эльса ли убила этого козла?.. Да нет, вряд ли, слишком далеко от ее охотничьих угодий. И опасно схватываться с такой антилопой: у водяного козла могучие рога и огромный вес (этот козел весил не меньше двухсот килограммов). К тому же у Эльсы на попечении львята. Только очень сильный голод мог вынудить ее пойти на такой риск.

Приехав в лагерь, мы сразу пустили сигнальную ракету. Затем установили антенну. Мне хотелось услышать первую свою передачу об Эльсе, записанную в Найроби за несколько дней до этого. Эльса в ту ночь не появилась.

Рано утром мы отправились к тому месту, где нашли убитого козла. От него мало что осталось, и все кругом было истоптано слонами, так что никаких других следов не разобрать. Пробираясь сквозь колючий кустарник, мы спугнули носорога, который промчался мимо нас чересчур уж близко. Нам пришлось ходить не один час, прежде чем мы напали на след, похожий на отпечаток лап Джеспэ. Но мог ли он забрести так далеко?

Возвратясь в лагерь, мы, к своей радости, увидели Эльсу с львятами на Больших скалах. Она стремительно сбежала вниз, бросилась на Джорджа, сбила его с ног, потом проделала то же самое со мной. Дети с любопытством глядели на все это, высунув головы из высокой травы.

В лагере семейство получило от нас мясо, и все сразу же набросились на него, ворча, хрипя и чавкая. Должно быть, они здорово проголодались. Эльса-маленькая захватила лучшие куски и убежала от

братьев. А они никак не могли наесться, и пришлось выдать им еще одну тушу.

Позже, когда мы легли отдохнуть, Джеспэ с неожиданной отвагой принялся вдруг жевать мои сандалии и дергать меня за ноги. Зубы и когти у него были достаточно острые, и я быстро поджала ноги. Он сразу так надулся, что я в знак дружбы протянула ему руку. Джеспэ пристально поглядел на руку, на меня, повернулся и ушел.

Вечером Эльса по старой привычке растянулась на крыше лендровера, но дети, вместо того чтобы затеять возню, улеглись вокруг на земле. Обычно они как раз в эти часы особенно резвились, ночью я слышала, как они сосут молоко, а Эльса тихонько с ними разговаривает. Сильно же они проголодались, если даже двух коз им было мало!

Утром семейства в лагере не было. По их следам мы пришли к убитому водяному козлу. Значит, это все-таки Эльса расправилась два дня назад с такой могучей антилопой! Но ей не повезло, совсем некстати явились слоны и не дали ей и львьятам попировать. Теперь понятно, почему все семейство было такое голодное и усталое.

Мы забрали роскошные рога и подвесили их в «кабинете» на память о первой охоте львят вместе с матерью на крупную дичь.

Наши походы к Эльсе на Большие скалы были всегда интересными. В дальнем конце гряды, разбитом трещинами и заросшем эвфорбией и кустарничком, есть множество укромных местечек для всевозможных животных. Даманы там попадались буквально на каждом шагу. Они сновали между камнями, будто тени, или пытливо поглядывали на нас. Светлые пятна над глазами придавали им такой недоумевающий вид, что казалось, их любопытство ненасытно. Даманы окрашены под цвет камня, и только в бинокль мы могли

следить за их стремительным бегом по почти отвесным каменным плитам. Бывало, они расхрабрятся, выставят одного на пост, чтобы следить за нами, и разлягутся на скалах погреться на солнышке. Наверное, тут были и дикобразы, мы часто находили их иглы.

Но самыми занимательными жителями этой части буша были, конечно, попугаи. Однажды я наблюдала, как чета попугаев опустилась на баобаб рядом с нами. Кургузые, короткохвостые птицы с поразительно красивым оперением — изумрудным и оранжевым. Они попрыгали с ветки на ветку и наконец исчезли в дупле на толстом суку. В следующий миг из дупла по соседству высунулась голова еще одного попугая. Это был неоперившийся птенец. Он что-то прохрипел, тотчас появились старшие и сели рядом с ним. Из дупла вылез второй птенец. Все четверо уселись в ряд на суку и принялись тараторить.

Разглядывая их в бинокль, я заметила еще и третье дупло, из которого смотрела чуть ли не человеческая рожица. По огромным глазам и ушам я узнала лемура — ночное животное, которое выходит на волю, лишь когда стемнеет. Здешний лемур очень мал, может поместиться на ладони, зато его пушистый хвост вдвое длиннее тела.

Как-то вечером Эльса и ее дети отправились с нами в лагерь. Мать и Джеспэ шли впереди нас, Гупа и Эльса-маленькая за нами. Но Джеспэ это не нравилось, и он все бегал взад и вперед, стараясь собрать всю стаю вместе. Наконец Эльса остановилась и пропустила нас вперед. Воссоединение состоялось. Эльса ласково потерлась о наши колени: спасибо, что поняли.

В ту ночь с кухни пропала вареная цесарка. Виновником оказался отец львят, мы обнаружили у палатки его следы.

Утром меня разбудило мяуканье Эльсы, разговаривавшей в кустах с детьми. С самого рождения

львят мы никогда не включали радио, если они были в лагере, чтобы не напугать их. Но в этот день Джордж захотел послушать последние известия. В тот же миг явилась Эльса, уставилась на приемник и грозно зарычала. Пришлось его выключить. Только тогда она успокоилась и вернулась к львьятам. Немного погодя Джордж опять включил приемник. Эльса прибежала снова и снова рычала, пока он не выключил. Я гладила ее, увещевала, но она не успокоилась, прежде чем не обыскала всю палатку.

Меня часто спрашивали, как Эльса реагирует на те или иные звуки. Я тешила себя мыслью, что знаю ответ, но на этот раз ее поведение озадачило меня. Когда она жила с нами в Исиоло, у нас каждый день говорило радио. Эльса пугалась только в момент включения. Пугалась она и когда я начинала играть на пианино. Но разобравшись, откуда исходит звук, она больше не обращала на него внимания. Эльса различала гул самолета и автомашины. Как бы громко ни рокотал самолет, она была к нему равнодушна, зато шум автомобиля настораживал ее задолго до того, как мы его улавливали. Я проверяла, как на нее подействует пение, но на мои песни она не реагировала. Когда я подражала голосу львят, чтобы заставить ее искать их, она немедленно подчинялась, однако, если я делала то же в шутку, Эльса оставалась безучастной.

Как и положено дикому зверю, она различала голоса животных и могла определить их настроение. И по нашим голосам она угадывала, как мы настроены. Мне кажется, низкие голоса она всегда предпочитала высоким, даже если высокие ноты вовсе не означали, что говорящий возбужден.

После случая с радио я могла проверить свою собственную реакцию на звуки. В ту ночь между лагерем и рекой резвились слоны и было невозможно уснуть из-за урчания в их животах, трубных звуков, гула

падающих стволов, плеска воды. А тут еще начал рычать Эльсин супруг. И среди всего этого гама я слышала храп Джорджа... Эльса укрылась за изгородью вокруг палатки Билли.

Наутро буш вокруг лагеря напоминал поле боя: трава была вытоптана, повсюду виднелись глубокие вмятины от слоновьих ног. Но слоны ушли, и снова воцарился мир. Эльса с детьми отдыхала в лагере по соседству с «кабинетом».

Днем мы уехали в Исиоло и пробыли там девять дней.

16 июня, возвращаясь в лагерь, мы чуть не наскочили на двух слонов, которые вышли из буша перед самой машиной. К счастью, они напугались не меньше нас. Джордж резко затормозил, а слоны, громко трубя, убежали в чащу.

Эльса явилась в лагерь через полчаса после сигнальной ракеты. С нею были львята. Она устроила нам восторженную встречу, но я заметила у нее ссадины на голове и морде и глубокую рану на правой задней лапе, сильно распухшей. Эльса старалась поменьше двигаться и не позволила мне лечить ее. Все четверо были очень голодны, понадобилось две козы, чтобы насытить их.

На следующее утро мы попытались выяснить по их следам, где было последнее логово семейства. Мы знали, что надо искать за рекой, Эльсе всегда больше нравился тот берег. Нам-то казалось, что на нашей стороне ничуть не хуже, и выбор Эльсы нас беспокоил, так как она рисковала нарваться на браконьеров. Будь она одна, это еще было бы не страшно, но с детьми совсем другое дело.

Вообще мы с самого начала выбрали этот район потому, что здесь, вдоль реки, в полосе шириной в несколько километров, распространен один вид мухи цеце, укусы которого безвредны для человека и

большинства диких зверей, но опасен для скота. Вот мы и рассчитывали, что тут не появятся домашние козы на соблазн Эльсе. У нее были очень постоянные привычки, и хотя она меняла логово каждые два-три дня, но только в пределах ограниченного участка. Это тоже нас успокаивало.

Теперь по многим признакам мы определили, что за последнее время местные племена вторгаются в заповедник. Поэтому мы и стремились установить, где чаще всего Эльса устраивает свое логово, чтобы в случае опасности прийти ей на помощь. От реки следы шли по сухому руслу до скалистой гряды, примерно в километре от лагеря. Мы назвали эту гряду Пещерной, потому что здесь была многоярусная сухая пещера, откуда открывался отличный вид на буш. Рядом с пещерой росли деревья, так что львьятам было где ползать. Видно, здесь и обосновалась Эльса.

Когда мы возвратились в лагерь, она уже ждала нас там с малышами. Она была чем-то встревожена, но встретила меня ласково, позволила полежать на ней, как на подушке, и обняла меня лапами. Джеспэ это не понравилось. Когда мать отошла от них, он присел, собираясь прыгнуть на меня. Три раза примерялся, наконец сделал вид, что его больше занимает слоновий помет. Однако прижатые уши и сердитое ворчание выдавали его ревность. Для своих выпадов львенок выбирал моменты, когда мать его не видела. Желая задобрить Джеспэ, я дала ему несколько лакомых кусочков, потом привязала к трехметровой веревке автомобильную камеру и потащила по земле. Пока мы с ним состязались кто кого перетянет, из «кабинета» донесся шум. Это слоны затеяли там свою игру.

На следующий день во время завтрака мы вдруг увидели между палатками и кухней четырех слонов. Они появились внезапно и бесшумно и так же бесшумно потом исчезли.

Во время недавнего половодья крокодилы разбрелись по всей реке, а теперь они опять стали собираться в глубоких заводях. Это нас встревожило, ведь Эльса нередко уносила к реке мясо, прежде чем мы успевали привязать его на ночь. Часто было слышно, как она рычит на берегу. Мы приходили на помощь с ружьями и фонарями и заставляли Эльсу в самый разгар спора с крокодилом. Естественно, увидев нас, «крок» отступал, наши выстрелы обычно не попадали в цель, так как над водой мы видели одни только глаза. Из всех известных мне диких животных крокодилы лучше других чувствуют опасность. Как мы ни подкрадывались, нам не удавалось их перехитрить.

26 июня львятам исполнилось полгода. По этому случаю Джордж подстрелил для них цесарку. Конечно, Эльса-маленькая не замедлила схватить птицу и скрыться с нею в буже. Возмущенные братья кинулись вдогонку, но вернулись ни с чем и скатились по песчаному откосу прямо на мамашу, которая нежилась на спине лапами кверху. Она поймала озорников и захватила в пасть их головы. Когда им наконец удалось вырваться, они стали дергать маму за хвост. Наигравшись, Эльса встала, медленно подошла ко мне и обняла, точно подчеркивая, что я тоже своя. Джеспэ опешил. В чем дело? Мать оказывает мне всяческие знаки внимания, значит, меня не нужно остерегаться. Но ведь я так не похожа на них! И стоило мне повернуться спиной, как он начинал подкрадываться ко мне. Но если я оглядывалась, он тут же останавливался и мотал головой, совершенно сбитый с толку. Наконец он решил: уйду-ка я отсюда совсем. И решительно зашагал к реке, намереваясь переплыть на ту сторону. Эльса побежала за ним вдогонку. Мои крики «нельзя, нельзя» на него не подействовали. Вся семья отправилась следом за Джеспэ. Несмотря на молодость, он уже взял на себя роль вожака стаи.

Когда они вернулись, Эльса устроилась рядом со мной, положив голову мне на колени. Этого Джеспэ стерпеть не мог. Он подполз поближе и стал царапать мне ноги своими острыми коготками. А я не могла шевельнуться, потому что Эльса придавила меня. Чтобы защититься от Джеспэ, я вытянула перед собой руку. Он в тот же миг цапнул меня за палец и прокусил его. К счастью, я всегда ношу с собой сульфаниламид, так что смогла сразу же продезинфицировать ранку. Все это происходило перед самой мордой Эльсы, но она дипломатически жмурилась, делая вид, будто ничего не замечает.

Заходящее солнце позолотило верхушки пальм, потом все краски поблекли, стало быстро смеркаться. Вдруг Эльса-маленькая вся подобралась и уставилась на противоположный берег. Взглянув туда, я заметила огромного слона, который спустился к реке на водопой. Я толкнула Эльсу, и она тоже его увидела, однако не двинулась с места. Слон поднял хобот, принялся, но ветер дул в нашу сторону, так что мы остались незамеченными. На всякий случай я решила спрятать подальше свою фотоаппаратуру. Но слон не думал переправляться. Пока я ходила к палаткам, он уже отошел от берега и побрел обратно в буш.

Мы отправились в лагерь. Джеспэ вел себя очень миролюбиво, и я решила, что он цапнул меня в шутку. Ведь когда они с Эльсой покусывали друг друга, это было выражением любви.

И все-таки отношение к нам Джеспэ серьезно беспокоило нас. Мы старались уважать врожденные инстинкты львят и хотели, чтобы они оставались дикими зверями. Естественно, они ни в чем не подчинялись нам. Эльса-маленькая и смирный Гупа оставались по-прежнему робкими, с ними у нас не было никаких столкновений. Но Джеспэ — иное дело. Мое «нельзя» на него не действовало, он не убирал своих

острых когтей, как это делала его мама, когда была маленькая. Пускать в ход палку мне не хотелось. Эльса могла обидеться и потерять доверие к нам. Значит, надо как-то наладить дружбу с Джеспэ. Пока что его изменчивое поведение позволяло рассчитывать лишь на вооруженное перемирие.

Проведя пять дней в лагере Эльсы, мы уехали в Исиоло. Дома нас ожидало известие, что Джордж вскоре должен поехать на три недели на север. Оставлять Эльсу одну на такой срок нам не хотелось. Наведываться из Исиоло в лагерь невозможно, ведь Джордж уедет на лендровере. Тогда я решила все эти три недели прожить в буше, даже если это и нарушит вольный распорядок жизни львят.

Но сначала Джордж еще должен был совершить очередной объезд. Я осталась на две недели одна в Исиоло. Мы договорились встретиться с Джорджем в лагере Эльсы в начале июля.

По дороге к лагерю я начала беспокоиться, что Джордж нас не встречает. Видимо, что-то случилось. Предчувствие беды еще усилилось, когда мы въехали в густое облако дыма, так что трудно стало дышать.

А в лагере я не поверила своим глазам. Колючий кустарник обратился в золу, кругом тлели обугленные стволы, было невыносимо жарко. Опалены обе акации, в ветвях которых обитало столько птиц. И на этом черном фоне резко выделялись зеленые палатки. Я облегченно вздохнула, увидев в одной из них Джорджа.

У него было что порассказать. Когда он прибыл сюда двумя днями раньше, здесь всю бушевал пожар. Джордж обнаружил следы двенадцати браконьеров. Они не только подпалили деревья и ограды, но поломали все, что могли, уничтожили даже маленький огород Ибрахима.

Джордж сильно тревожился за Эльсу. Вечером, с семи до десяти часов, он выпустил несколько

сигнальных ракет, но Эльса не откликнулась. Наконец в одиннадцать она явилась со львятами страшно голодная. За два часа они сумели управиться с целой козой. Эльса была очень нежна с Джорджем и ночью много раз забиралась к нему на кровать. Он заметил у нее несколько ссадин. На рассвете Эльса ушла. Отправившись по ее следам, Джордж вскоре увидел ее на гряде Ворчун.

Тогда он решил проверить, откуда она пришла в лагерь накануне. Следы, которые вели от реки, переплетались со следами браконьеров. Может, они охотились на Эльсу и львят?

После ленча Джордж послал троих объездчиков в погоню за поджигателями. Они привели шестерых. Виновников безобразия заставили восстанавливать наш лагерь. Работа не из приятных, если учесть, сколько кустов надо было наломать для колючей изгороди.

Эльса и львята провели ночь в лагере. Рано утром они ушли, а через полчаса Джордж услышал рычание со стороны Больших скал. Он подумал, что это Эльса, и очень удивился, когда немного погодя ее голос донесся из-за реки. Тут же явилась она сама, взволнованная, мокрая, израненная и без львят.

Через несколько минут Эльса, громко рыча, побежала к Большим скалам. Судя по всему, у нее только что была стычка с чужим львом. А тревога Эльсы показывала, что враг все еще где-то поблизости. Очевидно, его-то рычание Джордж и услышал вначале. Пока они сражались, львята убежали, потом и Эльса отступила за реку. Теперь Джордж двинулся за Эльсой, чтобы отыскать львят. Они вместе поднялись на Большие скалы. На вершине Эльса тревожным голосом позвала детей. Но львят нигде не было видно. Они вдвоем обыскали всю местность между грядой и лагерем. Вдруг Эльса остановилась перед густыми зарослями, сперва пригнулась, потом позвала.

Джордж обшарил все кустарники, но ничего не нашел. Тогда он решил взять на подмогу Нуру. Целое утро они искали следы львят, но им попадались только отпечатки лап самой Эльсы. По ним Джордж определил, что она быстро спустилась к реке и переправилась на другой берег ниже «кабинета».

После долгих поисков Джордж наконец отослал Нуру обратно в лагерь, а сам продолжал бродить, пока не встретил Эльсу у подножия гряды Ворчун. Она все еще отчаянно звала детей. Вместе они обследовали всю гряду, не пропустив ни одного укромного уголка. Им попались следы крупного льва и львицы. Это открытие сильно встревожило Эльсу. Утром она все время рвалась вперед, теперь же согласилась идти позади Джорджа.

В конце гряды, неподалеку от того места, где родились львята, внимание Эльсы привлекла одна расщелина, и она долго обнюхивала ее. Вдруг из-за скалы прямо перед ними выглянул львенок. А потом и второй! Это были Эльса-маленькая и Гупа. Джеспэ с ними не было.

Детеныши ринулись вниз к матери и потерлись носами о ее морду. Потом они втроем пошли в сторону Китчен-лаггу.

Все это произошло как раз перед моим приездом. Джордж хотел сразу же после ленча идти разыскивать Джеспэ. Разумеется, я отправилась вместе с ним.

Час спустя мы встретили Эльсу у подножия Больших скал. Она очень обрадовалась мне. Пока я освобождала ее от мух цеце и мазала ссадины, львята издали следили за нами, а потом убежали в кусты. У Эльсы были царапины на задних лапах и настоящие раны на груди и морде. Она не обращала внимания на своих малышей, а они все еще сидели в кустах. Понимая, что их смущает наше присутствие, мы спрятались за камни, и львята сразу бросились к своей матери.

Когда вся тройка поднялась на гряде, мы возобновили поиски Джеспэ. Я ходила вдоль подножия, а Джордж отправился к гряде Зум. Оглянувшись на Эльсу, я заметила, что она принюхивается и смотрит на заросли, которые так заинтересовали ее еще утром. Я позвала ее, но она не обратила на это никакого внимания.

Кругом было множество свежих отпечатков львиных лап, и я понимала тревогу Эльсы. Когда вернулся Джордж, Эльса все-таки спустилась к нам вместе со львятами.

Она сразу же направилась прямо к кустарнику, и, когда миновала его, я вдруг заметила, что за нею бегут не два, а все три львенка! Семейство держалось так, словно Джеспэ и не пропадавал на целые сутки. Зато у нас гора с плеч свалилась. У реки вся четверка задержалась, чтобы напиться, а мы пошли в лагерь и приготовили для них мясо.

Наконец-то можно было отдохнуть и пообедать... Мы говорили о странном поведении Эльсы. Почему она прекратила розыски Джеспэ? Знала, что он прячется в зарослях? Но возможно ли это? Зачем ему понадобилось двенадцать часов отсиживаться в кустах совсем рядом с лагерем, рекой и грядой, где его ждало семейство? И почему он не откликнулся, когда его звали?

Все это еще можно было бы объяснить, если бы чужие львы залегли по соседству с грядой. Но в таком случае вряд ли Гупа и Эльса-маленькая стали бы прятаться там.

Вечером Джордж отправился в Исиоло готовиться к поездке на север. Я беспокоилась, что он уезжает из лагеря в такой поздний час, ведь в это время все дикие звери выходят на охоту...

Только ушла машина, как со стороны Больших скал донеслось рычание. Львы не унимались почти всю ночь. Эльса привела детенышей поближе к моей ограде и

оставалась здесь, пока не рассвело. Утром они переправились через реку. Потом я обнаружила отпечатки их лап на песке недалеко от лагеря, рядом со следами буйвола, который недавно обосновался в этих местах. Каждую ночь он проходил на водопой возле самых палаток, и наше соседство его ничуть не смущало.

Я охотилась на крокодилов, но без особого успеха. Эльса и львята знали, что «кроки» — недобрые твари, и нередко настороженно рассматривали водовороты и плывущие по течению сучья. Но раз на раз не приходится, и я беспокоилась за них.

Как-то, когда Эльса была за рекой, я позвала ее, и она приготовилась войти в воду вместе со львятами, но вдруг замерла на месте. Здесь река в засушливую пору сильно мелеет. Но переправились они только через час, причем львята, вопреки обычаю, не затеяли возню в воде. Казалось бы, такая осторожность должна была меня успокоить. Но на следующий день в тот же час, в том же месте Эльса без раздумья вошла в реку, как только я ее позвала.

Я заметила у нее на языке кровоточащую ранку. Впрочем, это не помешало ей вылизывать своих малышей.

Вечером мы сидели все вместе на берегу. Внезапно Эльса и львята напряженно уставились на реку и оскалились. В трех-четырех метрах от нас в воде лежал крокодил. Это был здоровенный зверь — одна голова почти полметра. Я сходила за винтовкой и убила его. Львята стояли совсем близко, но выстрела не испугались. Эльса подошла и в благодарность потерлась головой о мое колено.

Почти каждый день она приходила со львятами на песчаную косу. Здесь всегда был свежий буйволиный помет, а иногда слоновий, и львята очень любили кататься в нем. Часто малыши играли на стволах

поваленных пальм. Если они падали, то вовсе не как кошки, о которых говорят, что они непременно приземляются на все четыре лапы. Наши львята мешком шлепались на траву, не понимая, как они там очутились.

Как раз в ту пору Джеспэ стал поприветливее. Иногда он облизывал меня, однажды даже, поднявшись на задние лапы, обнял меня передними. При детях Эльса старалась не слишком ласкаться ко мне, но, когда мы оставались вдвоем, она была нежна по-прежнему. И, как всегда, доверяла мне, разрешая даже брать из своих лап мясо и перетаскивать его в другое место, если мне это было нужно. Мне позволялось также переносить мясо львят. Когда я вечером убирала с берега наполовину съеденную тушу, чтобы ночью ее не сожрали крокодилы, Эльса не двигалась с места, хотя мне часто приходилось шагать через нее. Она не вмешивалась даже и в том случае, когда львята цеплялись за тушу, пытаясь отстоять свою козлятину.

Когда смеркалось, дети вели себя особенно оживленно. Они затевали возню с матерью, и ей было трудно сохранить свое достоинство. Джеспэ заметил, что, если схватить маму за хвост, ей нелегко высвободиться. Они ходили по кругу, пока игра не надоедала Эльсе. Тогда она просто-напросто садилась на своего проказливого сына. Ему это очень нравилось, он принимался лизать и обнимать маму, пока она не спасалась в нашей палатке.

Но вскоре палатка перестала быть для нее надежным убежищем. Джеспэ входил следом за нею, осматривался и быстро стаскивал все на землю. По ночам я частенько слышала, как он обследует наши запасы консервов и пива. Звон бутылок неизменно потешал его. Однажды утром бои нашли в реке клочья моей любимой резиновой подушки. Я была сама виновата — забыла убрать ее со стула накануне

вечером. Джеспэ быстро освоился в палатке. Но брат и сестра были менее отважны, они только снаружи наблюдали за его проказами.

Как-то вечером Джеспэ забрел даже на кухню. Обошел вокруг сидевших у огня людей, все обнюхал, осмотрел и удалился.

Пожар надолго избавил нас от скорпионов. До тех пор всегда приходилось держать наготове палку, чтобы бить непрошенных гостей, когда те, изогнув хвост, семенили по полу. Интересно, что ни Эльсу, ни львят скорпионы не жалили ни разу. Несколькими годами раньше мой терьер чуть не погиб от укуса скорпиона. Да и меня как-то раз ужалил скорпион длиной не больше трех сантиметров. У меня распухли железы и начались очень болезненные судороги. Боль длилась, пока не рассосался яд, против которого еще не придумали сыворотку. В нашей области водятся скорпионы двух видов — черный до десяти сантиметров в длину, очень страшный на вид, и светлый, поменьше, зато поядовитее.

К сожалению, тот же пожар уничтожил наших друзей-лягушек, которые каждый вечер собирались на свет лампы и истребляли разных насекомых. Одна особенно храбрая лягушка прыгала прямо на Эльсу, когда та лежала в палатке. Они относились друг к другу совершенно спокойно. Когда я наполняла водой брезентовую ванну, веселые лягушки затевали настоящие пляски вокруг нее. Я к ним очень привыкла и теперь просто скучала без них.

Глава девятая. ЭЛЬСА СРАЖАЕТСЯ

Как-то утром Македде заметил кружащих в воздухе грифов. Он пошел вниз по реке и в полутора километрах от лагеря увидел убитого носорога. Зверь накануне приходил на водопой и погиб от отравленных стрел.

Браконьеры соорудили на деревьях у реки маханы и оставили множество следов. Видимо, они были хорошо осведомлены и знали, что я в лагере одна. Будь здесь Джордж, они бы на такое не отважились.

В ночь на 8 июля состоялся настоящий концерт. Ворчал Эльсин супруг, кашлял леопард, выли гиены. На следующий вечер, когда Эльса сидела в палатке, положив мне голову на колени, а я помогала ей избавиться от мух цеце, снова донеслось грозное рычание ее повелителя. Она стрелой метнулась к Китчен-лагге. Львята побежали следом, но вскоре вернулись и с озадаченным видом уселись возле палатки. Немного погодя возвратилась и Эльса. Она оставалась в лагере, пока супруг не замолк. Когда она снова ушла, я услышала, как где-то во мраке захрустели кости. Это гиены расправлялись с падалью. Эльса не показывалась целые сутки, хотя всю следующую ночь ее супруг сотрясал воздух своим рычанием. А утром, часов около девяти, она явилась вместе со львятами. Они были голодны, и, получив козу, Эльса сразу поволокла тушу к реке. Через два часа, съев почти все мясо, они ушли. Почему она явилась в такой необычный час? Избегает встречи со львом и выбирает для еды такое время, когда уверена, что его не будет?

Вечером все семейство снова было в лагере. Когда я легла спать, Эльса три раза собиралась уйти за реку. Но мне вовсе не хотелось кормить всех обитающих по соседству хищников, поэтому я всякий раз звала ее обратно. Пусть сама охраняет свое мясо. Наконец она покорилась и ушла только на рассвете, когда не было больше нужды стеречь козлятину.

Три дня подряд Эльса приходила в лагерь после наступления темноты. На четвертый день (15 июля) она привела только двух львят. Джеспэ с ними не было. Меня это обеспокоило, и я стала твердить его имя, пока Эльса, забрав львят, не отправилась вверх по реке на поиски.

Больше часа я слышала, как она зовет своего сына, а потом ее голос постепенно затих в отдалении.

Вдруг раздалось злобное львиное рычание, испуганно завизжали бабуины. Из-за темноты я не решалась проверить, в чем дело. Чем все это кончится? Ведь очевидно, что на Эльсу напали чужие львы.

Когда она вернулась, я увидела у нее на голове и плечах множество кровоточащих ран. Правое ухо было прокушено у самого основания, получилась дыра в два пальца шириной. Никогда еще у Эльсы не было такой серьезной раны. Эльса-маленькая и Гупа с испуганным видом сидели чуть поодаль. Я хотела засыпать раны сульфаниламидом, но Эльса была слишком возбуждена и не позволила мне лечить ее. От мяса она отказалась. Я выложила тушу львятам, они тотчас набросились на нее, уволокли в темноту и принялись за еду.

Долго просидела я вместе с Эльсой. Она склонила голову на один бок, и из ее раненого уха непрерывно капала кровь. Но вот она встала, позвала львят и стала перебираться через реку.

Я едва дождалась рассвета, так мне не терпелось отправиться на розыски Джеспэ. Утром Македде, Нуру и я дошли по Эльсиным следам до Пещерных скал и

здесь, к нашей радости, нашли все семейство в полном составе. Джеспэ был невредим. Теперь надо заняться матерью. Ухо у нее все еще кровоточило, и она то и дело трясла головой, так как кровь попадала внутрь. Вылизать рану она не могла и все время задевала ее лапой, отгоняя мух. Естественно, она при этом заносила грязь.

Лвята заметно приуныли, только Джеспэ нежно облизывал мать.

Я хотела дезинфицировать рану, но Эльса отодвигалась в сторону, не давая мне прикоснуться к уху. Вдруг до меня донеслись какие-то голоса. Уж не браконьеры ли? Как же быть? Остаться здесь с Эльсой? Но ей явно докучает наше общество, еще уйдет вместе со лвятами и нарвется на браконьеров. Я вернулась в лагерь, надеясь, что голод заставит и ее прийти.

На обратном пути мы сделали круг, чтобы разыскать место, где ночью происходило сражение. Поле боя оказалось примерно в километре от лагеря, на отмели посреди реки. Песок был испещрен следами львов и бабуинов. Мы различили отпечатки лап крупного льва. Возможно, он был не единственным противником Эльсы.

Я с тревогой поджидала Эльсу почти до самого вечера. Наконец все семейство явилось. Я стала кормить Эльсу из рук, подложив в мясо несколько таблеток лекарства. Если мне удастся подсовывать по пятнадцати таблеток в день, есть надежда, что рана не воспалится. Ухо у Эльсы обвисло, видимо, пострадали мышцы, и она все время трясла головой, освобождая от крови слуховой проход.

Джеспэ, виновник всех этих злоключений, был очень приветлив. Он облизывал меня и, наклонив голову набок, заглядывал мне в глаза.

Считается, что животные из семейства кошек не могут долго смотреть в глаза человеку. К Эльсе и ее сестрам и детям это не относилось. Вообще я убедилась, что они взглядом могли выражать свои чувства куда ярче, чем мы словами.

Только Эльса улеглась спать, как из темноты донеслось рычание чужого льва. Она насторожилась и немного погодя ушла вместе со львятами.

Я очень обрадовалась, когда на следующий день семейство явилось в лагерь в полном составе. Джеспэ был настроен игриво и норовил толкнуть меня носом в спину, но Эльсе это не нравилось, и она улеглась между нами.

Вечером Нуру погнал коз к грузовику, чтобы укрыть их на ночь в кузове. Здесь я впервые заметила, что львята с интересом посматривают на коз. До сих пор блеяние оставляло их равнодушными. Правда, мы всегда старались не подпускать львят к живым козам.

Ночью меня разбудил запах дыма. Я вскочила на ноги. На берегу за кухней бушевало пламя. К счастью, вода была рядом, и бои тотчас потушили пожар. Огонь распространился от тлеющего ствола, который по недосмотру не загасили как следует во время предыдущего пожара, и теперь вспыхнул сухой кустарник вокруг.

Все это время Эльса наблюдала за нами из палатки и успокаивала львят своим «мхн-мхн», а когда все кончилось, они ушли за реку.

Вскоре после этого я услышала рычание двух львов, которые расправлялись с тушей, оставленной перед палаткой Джорджа. Они, наверное, не торопились и ушли только под утро, когда на кухне заговорили бои. Под лай бабуинов чужаки пересекли реку. По отпечаткам лап мы увидели, что нашими гостями были крупный лев и львица.

Эльса несколько дней не появлялась. Видимо, не хотела встречаться с чужой четой, которая явилась и на следующую ночь. Мы слышали их ворчание у грузовика с козами.

Вместе с боями я долго разыскивала Эльсу, но безуспешно, мы только спугнули носорога и нескольких буйволов.

На пятый день я начала волноваться. Ведь с такой раной Эльсе трудно охотиться, а кроме того, ее могли выследить браконьеры. Вечером 20 июля я заметила кружащих в небе грифов и совсем перепугалась. Мы пошли разузнать, в чем там дело, и снова наткнулись на следы браконьеров. У всех водопоев по обеим берегам реки они устраивали засады. Нам попались свежие кострища и обугленные кости.

Еще неделю назад, когда Македде обнаружил отравленные наконечники стрел в убитом носороге, я велела передать об этом инспектору заповедника и просила, чтобы он прислал объездчиков. И вот теперь, возвратившись в лагерь, мы, к нашей радости, застали их там. С таким подкреплением мы на следующее утро возобновили поиски Эльсы, условившись извещать друг друга выстрелом, если кто ее увидит.

Три часа спустя я услышала выстрел и поспешила обратно в лагерь. Два объездчика сообщили, что видели Эльсу и львят в зарослях за рекой, в полутора километрах от берега. Львята спали. Эльса заметила объездчиков, но не двинулась с места. Странно... Неужели она настолько больна, что появление незнакомых людей ей безразлично?

Македде предложил отнести туда мяса, только немного, чтобы Эльса не наелась досыта. Возможно, нам удастся приманить ее в лагерь. Когда мы подошли к ее логову, я попросила всех немного отстать и позвала ее.

Эльса подошла ко мне, ступая очень медленно и наклонив голову набок. Почему она выбрала такое место, где браконьерам ничего не стоит выследить ее?

Рана была воспалена и гноилась. Сразу видно, что Эльса очень страдает. Когда она трясла головой, у нее в ухе что-то булькало. К тому же ее и Эльсу-маленькую облепили мухи. Матери я помогла избавиться от мух, но дикарка дочь меня не подпускала. Львята устроили настоящую потасовку из-за принесенного нами мяса. Эльсе остались одни обглоданные кости. Она отнеслась к этому кротко, вопреки всем утверждениям, будто львица всегда первая наедается досыта, хотя бы детенышам пришлось голодать. Джеспэ поблагодарил меня за угощение, облизав мне руку своим шершавым языком. Чтобы выманить Эльсу, я кричала ей «маджи, чакула, ньяма», но она не двигалась с места, и пришлось мне возвращаться без нее.

Я вошла в палатку, чтобы сменить пленку в фотоаппарате, и в это время услышала голоса львят у реки. Когда я бросилась к берегу, из кустов вдруг выскочила Эльса и повалила меня на землю. Мое неожиданное появление насторожило ее, она, видимо, испугалась за львят. Весь этот день Эльса нервничала и явно страдала от сильной боли. Стоило львятам нечаянно задеть ее ухо, как она рычала и била их лапой. Джеспэ, словно понимая, что матери худо, все время облизывал ее.

Вскоре они ушли, а ночью, когда я легла спать, из тьмы донесся кашель леопарда и львиное рычание. Я поднялась, чтобы убрать остатки мяса в грузовик. Мне вовсе не хотелось поощрять чужаков, которые отпугивали Эльсу от лагеря.

Я собиралась уехать из лагеря, как только у Эльсы заживет ухо и она сможет охотиться сама. Вот я уже три недели в лагере, а Джорджа все еще нет. Хотя бы поскорее приезжал, ведь когда он живет в своей

палатке, дикие звери не трогают мясо, которое мы привязываем поблизости. А теперь каждую ночь вокруг лагеря бродили львы. Конечно, Македде и Ибрахим в случае нужды могли пустить в ход свои ружья, но все-таки я беспокоилась за боев.

Наконец Джордж приехал, и, словно в знак приветствия, в это время послышалось рычание чужого льва. Узнав, что Эльса уже несколько дней не показывается, Джордж решил отыскать ее, а заодно попытаться прогнать чужого льва и свирепую львицу, которые так сильно потрепали Эльсу. Мы уже узнавали их по голосу и отличали их следы. Чужаки хозяйничали вдоль реки на протяжении пятнадцати километров. В этом районе обитали и другие львы, но только эта свирепая львица постоянно держалась по соседству с лагерем. Она поселилась здесь задолго до того, как сюда прибыла Эльса, но все же мы не могли взять в толк, чем это ей наша воспитанница так досадила. О ревности говорить не приходилось, потому что Эльса была верна своему молодому супругу. Возможно, она вторглась в чужие охотничьи угодья? А может быть, соперница просто была сварлива от природы. Как бы то ни было, эта львица прогнала Эльсу и львят за реку, туда, где ходили браконьеры. И это она вместе со своим супругом уже несколько дней занимала Большие скалы.

Нам удалось отыскать за рекой следы львят. Они привели нас к гряде, которую мы называли Пограничной, так как здесь проходила граница охотничьих угодий Эльсы. Но уже стемнело, и нам пришлось возвратиться. А утром поверх следов львят мы увидели свежие отпечатки лап льва и львицы. Сперва мы обрадовались, но потом заметили, что следы эти уводят слишком далеко, так что они не могли принадлежать Эльсе.

На обратном пути недалеко от реки мы обнаружили в ветвях над звериной тропой копье-ловушку. Это страшное орудие сделано из куска бревна более

полуметра длиной и сантиметров тридцать толщиной, к которому крепится направленное вниз копьё с отравленным наконечником. Когда бревно падает, его вес придает копьё такую силу, что оно пробивает самую толстую шкуру животного.

Пока мы дошли до лагеря, нам встретились следы пяти диких львов. Они всю ночь не давали нам спать своим рычанием.

На следующий день мы исследовали противоположный берег вверх по течению реки. Здесь тоже было множество львиных следов, и среди них отпечатки лап львицы с тремя львятами. Эти следы увели нас километров на восемь от лагеря. Так далеко Эльса как будто еще не бывала. Проходя мимо баобаба, мы вдруг услышали шум, а Тото успел даже приметить львицу и трех львят. Эльса? Но они мгновенно скрылись, и, сколько мы ни звали, ответа не было.

Мы с Джорджем продолжали идти по следу. Удивительно, если это Эльса с детьми, почему они бросились наутек? И неужели здесь может обитать вторая львица с тремя львятами примерно того же возраста? А когда мы отправились обратно, то по следам увидели, что за нами шел лев!

Утром мы снова вернулись сюда и увидели свежие отпечатки лап льва, львицы и львят. Они прошли вдоль сухого русла, свернули к скалам, потом вдруг повернули обратно, быстро спустились к реке и перебрались через нее.

Следы на другом берегу были еще влажные. Видимо, львов напугало наше появление, и они разбежались в разные стороны.

Продолжая распутывать след, мы через два часа увидели, что у песчаного русла львы сошлись снова. Мы старались не шуметь и вскоре услышали, как тревожно залаяли бабуины и где-то совсем близко зарычал лев.

Мы часто слышали этот голос по ночам и запомнили его. Он был с хрипотцой, и наши бои говорили, что этот лев болен малярией.

Мы подкралась к нему так близко, что я чуть не оглохла от его рычания. Вдруг в каких-нибудь тридцати метрах я увидела спину льва, а бои даже разглядели голову и гриву. В одиннадцать часов дня редко услышишь рычание льва. Видимо, он звал львицу. Ее ответ донесся оттуда, где лаяли бабуины. Может быть, это Эльса? Обойдя стороной хриплого льва, мы обшарили все вокруг, но ничего не нашли.

Усталые, измученные жаждой, мы наконец решили устроить привал у реки. Вскипятили чай и стали обсуждать, почему же исчезла Эльса. Здесь могло быть две причины. Или она не захотела оставаться в районе лагеря, где ее могла искалечить свирепая львица, и предпочла уйти с хриплым львом, по следам которого мы, вероятно, шли накануне, или же погибла из-за воспалившейся раны, а львят усыновила чужая чета.

Возвращаясь домой, мы заметили кружащихся над Китчен-лаггой грифов. Бои пошли проверить, в чем дело, а я с ужасом ждала самого худшего, но оказалось, что там лежал малый куду, видимо убитый ночью.

Два последующих дня мы пешком и на машине обследовали все дальние уголки Эльсиных угодий. Особенно тщательно изучали следы у водопоев.

Наконец у реки нам попались следы львят. Но если это те же львята, которых мы видели позавчера, значит, они за двое суток прошли двадцать пять километров, а то и больше!

В среднем мы занимались розысками по восьми часов в день. Об Эльсе мы так ничего и не узнали, зато опять наткнулись на следы браконьеров. Мы разрушали их засидки, откуда они выслеживали животных, причем я даже нашла веревку, которой привязывала свою калитку. Свидетельств их хозяйничанья было так много,

что Джордж вызвал отряд для облавы и решил поскорее учредить на реке постоянный кордон.

В конце июля он уехал, а я продолжала искать Эльсу. На следующее утро после его отъезда мы отправились вместе с Македде по автомобильной дороге к Большим скалам. Нам попались отпечатки лап льва, идущие к нашему лагерю. Потом я увидела характерный след обуви — точно такой же Македде заметил около того места, где мы подобрали веревку. И те и другие следы были оставлены здесь уже после того, как проехала машина Джорджа.

Ясно, что браконьеры следили за нами, и как только Джордж уехал, они тотчас отправились на разведку. Но, должно быть, они сильно разочаровались, когда увидели, что я осталась в лагере.

Было очень жарко, и, побродив несколько часов, мы с Македде устроили привал. Настроение у меня было скверное. Прошло уже больше двух недель, как свирепая львица напала на Эльсу. За это время только один раз объездчик видел ее в зарослях, и с тех пор ни она, ни львята нигде не показывались. Меня особенно тревожило, что у нее не заживает рана. Способна ли она в таком состоянии охотиться, прокормить себя и детей? Но еще хуже эти браконьеры...

Я чувствовала себя совсем несчастной и спросила Македде, любит ли он Эльсу. Вопрос удивил его, но он ответил с жаром:

— Где же она, чтобы я мог любить ее?

Его слова еще сильнее огорчили меня. Тогда Македде рассердился:

— У тебя только смерть на уме, думаешь о смерти, говоришь о смерти, ведешь себя так, словно нет Мунго, который обо всех печется. Не веришь, что он позаботится об Эльсе?

Мы поднялись и зашагали дальше. Но ни в тот день, ни на следующий ничего не нашли.

На шестнадцатый день после исчезновения Эльсы я зажгла вечером лампы и села отдохнуть, прислушиваясь, не донесутся ли из темноты какие-нибудь обнадеживающие звуки. Вдруг что-то мелькнуло у меня перед глазами, и я чуть не свалилась на пол вместе со стулом. Это Эльса налетела на меня и стала радостно приветствовать. Эльса заметно отощала, но выглядела здоровой. Раненое ухо заживало, только в середине осталось воспаление. Она явно была очень голодна. Бои даже не успели донести до места козью тушу, как она рванулась к ним. Я крикнула: «Эльса, не смей!» Она остановилась, вернулась ко мне и терпеливо ждала, пока тушу привязывали к дереву у палатки. Потом жадно набросилась на нее и уничтожила половину. После этого она отступила в тень и направилась к «кабинету».

Когда я увидела Эльсу живой и здоровой, у меня гора свалилась с плеч. Но где львята? Эльса провела в лагере всего полчаса. Я ждала до поздней ночи, не приведет ли она детей, чтобы вместе доесть козлятину, но так и не дождалась. Тогда я отнесла остатки мяса в машину, подальше от чужих зверей, и отправилась спать.

1 августа на рассвете меня разбудило мяуканье львят. Они подобрались к самой моей ограде. Я велела принести мяса и подошла к Эльсе, которая смотрела, как ее детеныши дерутся из-за козлятины.

Да, остатками от ночной трапезы не насытить четырех голодных львов! Я попросила Македде нарезать еще одну козу, а сама в это время удерживала Эльсу. Она проявила редкое самообладание. Дождалась, пока бои положили тушу на землю метрах в десяти от нее, и лишь после этого встала и поволокла козлятину в заросли на берегу.

Эльса-маленькая и Гупа пошли за матерью, но Джеспэ слишком увлекся вкусными костями. Немного

погода он все-таки решил присоединиться к остальным и потащил кости к реке.

Я сидела поблизости под кустом гардении, надеясь улучшить миг и подсунуть Эльсе в мясо лекарство, чтобы быстрее заживало ее ухо. Хорошо, что ни у нее, ни у львят нет новых ссадин, хотя это и странно, ведь не могли же они не охотиться все это время, пока пропадали.

Дети ворчали, фыркали и дрались из-за лучших кусков. Жизнь в буше сделала львят еще более дикими, теперь они настороженно ловили каждый подозрительный звук, а неожиданный лай бабуинов напугал их до полусмерти.

Гупа и Эльса-маленькая стали совсем робкими и пугались малейшего моего движения. Зато Джеспэ меня удивил. Он подошел ко мне, наклонил голову набок, посмотрел вопросительно и облизал мне руку, показывая, что хочет и впредь дружить.

Солнце уже было высоко и припекало как следует, поэтому львята, наевшись досыта, затеяли веселую игру на мелководье. Они плескались, боролись, окунали друг друга и, замутив всю воду, повалились наконец спать в тени на камне. Сюда же пришла и Эльса.

Глядя, как мирно они дремлют, свесив лапы с камня, я вспомнила слова Македде, упрекавшего меня за преждевременное отчаяние. Да, более счастливую семью трудно было себе представить.

Но что же все-таки было с ними за все эти дни? Я попросила Македде пройти по последнему следу Эльсы. А сама принялась смазывать ей рану, пока она была полусонная и не сопротивлялась. Когда стемнело, я вернулась к палаткам, и Македде рассказал, что ему удалось выяснить.

Он дошел по следам до границы ее «владений» и здесь, среди скал, увидел отпечатки лап не только Эльсы и львят, но и еще одного льва, если не двух.

За Эльсой ухаживал лев! Вероятно, этим объясняется ее странное поведение, когда мы с объездчиком обнаружили ее. Этот лев, видимо, и кормил ее и львят все время, пока они не приходили в лагерь.

Вы спросите, как это не пришло нам в голову раньше? Но ведь Эльса продолжала кормить львят молоком, и, казалось бы, львы не должны ее интересоваться. Мы считали, что дикая львица рождает раз в три года. Такой срок нужен, чтобы научить потомство охотиться и подготовить его к самостоятельной жизни. Может быть, течка наступила так рано потому, что мы обеспечивали семейство пищей? В семь с половиной месяцев львята вполне могли обходиться одним мясом. Откуда Эльсе знать, что мы оставались в лагере только потому, что хотели подлечить ее, чтобы она могла начать натаскивать своих отпрысков.

Глава десятая. ОПАСНОСТИ БУША

Около девяти вечера Эльса привела с реки львят, улеглась перед моей палаткой и потребовала ужин. Остатки козлятины лежали возле куста гардении, и я попросила Македде и Тото помочь мне притащить мясо в лагерь. Захватив фонари, мы зашагали по узкой тропке, прорубленной сквозь густые заросли к реке.

Македде шел впереди, держа палку и фонарь, за ним Тото и, наконец, я со своим ярким фонарем. Несколько шагов мы прошли в полной тишине, потом вдруг раздался страшный треск, фонарь Македде погас, за ним и мой разбился вдребезги, когда что-то огромное, черное налетело неведь откуда и сбило меня с ног.

Когда я очнулась, рядом со мной стояла Эльса и облизывала меня. Сбравшись с силами, я села и окликнула своих спутников. Тото лежал на земле, держась за голову, и тихо стонал. Но вот он с трудом поднялся и через силу вымолвил:

— Буй-вол... буй-вол...

В это время со стороны кухни послышался голос Македде. Он крикнул нам, что цел и невредим. Помогая мне встать, Тото рассказывал, как Македде вдруг прыгнул в сторону от тропы и стукнул палкой неожиданно появившегося буйвола, а в следующий миг зверь сшиб Тото и меня. Как прошла встреча буйвола с Эльсой, можно только догадываться.

К счастью, Тото отделался шишкой на голове, он стукнулся о поваленный ствол пальмы. У меня была кровь на руках и ногах и все кругом побаливало, но я

решила добраться до палатки и уж там обследовать свои болячки.

Этот случай явно опровергал общераспространенное мнение, будто даже самый ручной лев свирепеет от одного запаха или вкуса крови. Эльса, которая, несомненно, пришла нам на выручку, понимала, что мы пострадали, и нежно обхаживала нас.

Я знала, какой буйвол нас атаковал. Еще несколько недель назад мы заметили его следы около «кабинета», где он спускался к песчаной косе на водопой. Утолив жажду, буйвол обычно шел дальше вверх по реке, мимо нашей кухни, и залегал на день на лесистом островке в километре от лагеря.

Во время наших прогулок мы не раз вспугивали его, но до сих пор дело обходилось без стычек, хотя лагерь и был на его территории. На водопой буйвол спускался только за полночь, и перед рассветом можно было слышать, как он фыркает и плещется в воде.

На этот раз жажда выгнала его раньше обычного. Возможно, Эльса потому и привела детей в лагерь уже в девять часов. Увидев, что мы идем к реке с фонарями, буйвол испугался и бросился наутек по первой попавшейся тропе и столкнулся с нами.

Его копыта оставили немало следов на моих бедрах. Хорошо еще, что только на бедрах.

Эльса проводила нас в лагерь. Львята ждали ее около палаток. Как она ухитрилась внушить им, чтобы они не ходили за нею?

Беспокоясь за Македде, я первым делом прошла на кухню. Он увлеченно рассказывал благоговейно слушающим товарищам о своем поединке с буйволом. Боюсь, его героический ореол несколько померк, когда появилась я с окровавленными ногами. Но слава Богу, мы все остались живы, а это самое главное.

Ночь я провела прескверно. Нули ушибы, распухли железы, а ребра так болели, что нельзя было ни

вздохнуть, ни лечь удобно. Но все же я не огорчилась, что стала обладательницей четкого буйволиного автографа в виде отпечатка копыт. И мне казалось, что это происшествие не лишено глубокого смысла. Днем, любуясь после двухнедельной разлуки игрой Эльсы и львят, я считала себя вполне счастливой. Но кончился день предупреждением: не искушай судьбу.

Утром я насчитала множество синяков на бедрах, пояснице и на руках. Лишь на четвертый день боль унялась и опали железы. Еще через несколько дней исчезли следы от копыт.

Под вечер Эльса не поленилась оттащить свою добычу вверх по реке и переправила ее на другую сторону, на крутой берег. Там до нее не доберется ни один зверь. Уж не буйвол ли напугал нашу львицу?

В эти первые августовские дни Эльса была на редкость кроткой. Зато Джеспэ становился все более буйным. Эльса, например, спокойно относилась к козам, а вот Джеспэ начал проявлять к ним повышенный интерес. Раз, когда Нуру вечером гнал коз к моей машине, Джеспэ кинулся ему наперерез. Он пробежал через кухню между молившимся на коврике Ибрахимом и канистрами с питьевой водой, мимо открытого очага и выскочил прямо к грузовику. Его намерения были очевидны. Я схватила палку и бросилась ему навстречу, крича «нельзя, нельзя» самым строгим голосом, на какой только способна.

Джеспэ удивленно обнюхал палку, потом стал ловить ее лапой. Тем временем Нуру успел посадить коз в машину. Вместе со мной Джеспэ вернулся к Эльсе. Она часто помогала мне одергивать его. То выдаст ему тумака, подкрепляя мое «нельзя», то уляжется между нами. Но долго ли еще будут производить впечатление мои окрики и палка? Уж очень бойким и любопытным был этот озорник Джеспэ. Обаятельный маленький

дикарь, однако очень быстро растущий дикарь. Пора приучать львят к полной независимости.

Пока я размышляла обо всем этом, Джеспэ гонялся за братом и сестрой и в конце концов опрокинул на мать тазик с водой. Она вlepила ему затрещину, потом подмяла его под себя. Зрелище было настолько потешное, что мы невольно рассмеялись. Но тут Эльса обиделась. Наградила нас укоризненным взглядом и ушла, сопровождаемая двумя послушными детьми. Позже, когда она вскочила на крышу лендровера, я пошла к ней извиняться.

Светила полная луна, ярко горели звезды. Эльса сурово глядела на меня почти совершенно черными глазами, точно желала сказать: «Что ж ты подрываешь мой авторитет!» Я долго простояла рядом с нею, глядя ее шелковистую голову.

Вдруг со стороны солонца донеслось хрюканье и визг распаленных любовью носорогов. Эльса поискала взглядом львят, убедилась, что они заняты едой, и решила не трогать влюбленных. Вскоре носороги ушли за реку.

Приехал Джордж и привез с собой патруль, который должен был заняться браконьерами. В состав патруля входили сержант, шофер и несколько объездчиков — все африканцы. Джордж просил их для начала выяснить у живущего за рекой племени, что там известно о браконьерах и иных нарушителях, наносящих ущерб животному миру заповедника.

«Лесной телеграф» Северной пограничной провинции действует очень эффективно. Среди местных жителей многие охотно помогают Департаменту по охране диких животных, без этого вообще нельзя было бы бороться с браконьерством на такой обширной территории. За правильную информацию они получают хорошее вознаграждение, ведь они идут на риск.

И все же инспектору приходится трудно. Во-первых, преступники ничуть не страшатся тюрьмы. Она для них означает кров, пищу и одежду за работу, которая уже сама по себе вносит разнообразие в их бедную событиями жизнь. Во-вторых, браконьеров считают отважными удальцами.

Теперь, когда приехал патруль, мы собрались покинуть Эльсу и львят. Львица почти совершенно оправилась от своих ран, и нам хотелось, чтобы семейство вело естественный образ жизни. Но когда объездчики вернулись из-за реки, нам пришлось отказаться от своего решения. Они поймали несколько нарушителей, а Джордж разузнал, что браконьеры задумали, как только мы оставим лагерь, убить Эльсу отравленными стрелами. Выяснилось также, что после поджога трое браконьеров ходили на Большие скалы охотиться на даманов. Но одного из них укусила змея, и они отступили.

Один из пойманных нарушителей очень обрадовался, увидев Джорджа, и напомнил ему, что прошло четырнадцать лет, как тот впервые арестовал его за браконьерство. С тех пор Джордж ловил его еще четыре раза. Словом, старые друзья!

Мы понимали, что чем сильнее будет засуха, тем шире развернут свою деятельность браконьеры. И если мы перестанем кормить Эльсу, патруль не сможет помешать ей уходить на охоту далеко от лагеря, где она рискует столкнуться с местными жителями.

Конечно, остаться — значит еще больше оттянуть начало независимой жизни львят, они вырастут совсем избалованными. И все-таки это лучше, чем трагический исход.

Как-то вечером, когда мухи цеце особенно разошлись, Эльса и оба ее сына вошли в мою палатку, бросились на пол и стали кататься на спине, чтобы раздавить своих мучителей. Они опрокинули две

раскладушки, прислоненные к стене, Эльса улеглась на одну из них, Джеспэ — на вторую, а Гупа должен был довольствоваться брезентовым полом. Два льва, возлежащих на кроватях, не очень-то отвечали нашим представлениям о «естественной» жизни, но зрелище было потешное. Только Эльса-маленькая осталась снаружи. Она была все такой же дикаркой, ничто не могло заманить ее в палатку. Хотя за нее меня совесть не мучила.

В эту пору к нам повадился новый гость — красавица генетта, которая каждую ночь поедала остатки львиной трапезы. Эта маленькая зверюшка нисколько не пугалась, когда Джордж светил на нее фонариком. Она все больше осваивалась в лагере. Однажды ночью Джордж проснулся от стука упавших тарелок. Он посветил и увидел генетту в каком-нибудь метре от своей кровати. Она невозмутимо уписывала сыр и жареную цесарку — остатки его ужина. С каждым днем генетта смелела, однако она остерегалась появляться до того, как львы управятся со своим ужином.

Как-то, сидя на берегу вместе с Эльсой и львятами, я воспользовалась случаем получше рассмотреть Эльсины раны. Оказалось, что, несмотря на сульфаниламид, они еще не совсем зажили. Заодно я проверила ее зубы. Два клыка были сломаны. Еще в детстве, когда Эльса страдала от глистов, у нее появилась бороздка на зубах. По этой бороздке клыки и обломались. Конечно, главным ее оружием оставались когти, но отсутствие зубов, наверно, затрудняло охоту.

Когда стемнело, мы вернулись к палаткам. Весь вечер Эльса была чем-то обеспокоена и наконец вместе со львятами ушла в буш.

В полночь меня разбудило рычание львов. Шло ожесточенное сражение. После некоторого затишья звери схватились второй раз, потом третий. Какой-то

лев жалобно заскулил, видно, ему крепко досталось. Я только надеялась, что это не Эльса! Вскоре кто-то из них пересек реку, и все стихло.

Едва рассвело, мы отправились к месту битвы и узнали следы свирепой львицы и ее супруга. Похоже, Эльса дала им отпор, когда они приблизились к лагерю. Шесть часов мы шли по отпечаткам ее лап. Они вели через реку до Пограничной гряды, где встречались со следами львят.

Мы проискали ее целый день и на закате дали сигнальный выстрел. Через некоторое время вдалеке послышался голос Эльсы, а затем она явилась сама в сопровождении Джеспэ.

Эльса сильно хромала, но бежала быстро и лишь раз-другой остановилась, чтобы поискать взглядом отставших детей. И Эльса, и Джеспэ радостно потерлись о наши ноги, показывая, как они рады встрече с нами. У нее на передней лапе была глубокая рана, из которой сочилась кровь. Надо поскорее идти в лагерь, чтобы заняться лечением.

До лагеря было далеко, а уже начинало темнеть. Многочисленные следы носорогов и буйволов убедительно говорили о том, что не стоит задерживаться, но, как ни поторапливал нас Джордж, приходилось останавливаться, потому что львята все время отставали. Только Джеспэ бегал взад и вперед, словно овчарка, сгоняющая стадо в кучу.

На сей раз мухи цеце были нашими союзниками. Эльса, которой они особенно докучали, старалась поближе держаться ко мне в надежде, что я буду их отгонять. Даже Джеспэ впервые обратился ко мне за помощью. Я уговаривала себя, что не должна ему помогать. Но как устоять, когда он терся шелковистым боком о мои ноги, прося избавить его от мучителей?

Эльса оставляла свои метки чуть не на каждом кусте. Неужели у нее снова любовь?

Совершенно обессиленные, мы наконец добрались до палаток. Эльса от еды отказалась. С крыши лендровера она смотрела, как львята рвут мясо, и временами пристально вглядывалась в темноту. Еще не было и девяти часов, когда она ушла из лагеря вместе со львятами. А около полуночи мы услышали зов льва на Больших скалах.

В последующие дни Эльса постоянно наведывалась в лагерь, позволяя мне лечить ее раны.

Поправившись, она вместе с детьми пошла охотиться с нами на крокодилов. И мы еще раз увидели, как львята по приказу Эльсы замирают на месте.

Эльса выследила антилопу, но той удалось уйти. Пока она подкрадывалась, львята лежали, словно окаменевшие. Зато потом они вдоволь поплескались в воде, полазили по деревьям. Вонзая когти в кору и подтягиваясь, они поднимались по стволу на три метра.

В этот раз мы наблюдали еще одно проявление природного чутья Эльсы. Львята играли в ста метрах от заводи, в которой обитал крокодил. Но почему-то Эльса считала его безопасным, может быть, знала, что он сыт. Во всяком случае, этот крокодил ее ничуть не беспокоил, хотя обычно Эльсу настораживала малейшая рябь на воде. Мы не раз примечали, что она делит игры на безопасные — например, когда Джордж и Джеспэ отнимали друг у друга мясо, и опасные — когда Джордж кидал в реку палку. В последнем случае она поспешно становилась между львятами и рекой — то ли чтобы не пустить их в воду, то ли чтобы успокоить их, мол, это всего-навсего палка, а не крокодилья морда.

12 августа, накануне моего отъезда в Найроби, Эльса и львята вечером очень рано покинули лагерь, и вскоре за рекой раздался голос льва. Утром Джордж прошел по его следам и рядом увидел отпечатки лап Эльсы и львят. Они направлялись к Пещерной гряде.

Недалеко от гряды в воздухе парили грифы. Джордж нашел остатки носорога, который был убит за несколько дней до того отравленными стрелами. Эта туша явно пришлась льву по вкусу.

18 августа я вернулась в лагерь. Когда мы ужинали поздно вечером, с реки донеслось рычание двух львов. Они приближались к лагерю. Оставив львят, Эльса побежала им навстречу. Возвратилась она через три четверти часа, но к этому времени львята ушли. Эльса забеспокоилась и принялась искать их.

Вдруг из-за кухни донеслось громовое рычание. Джордж посветил туда

— в луче фонаря сверкнули львиные глаза.

Эльса стояла у палатки и угрожающе рычала. К счастью, в это время вернулись львята, и она быстро увела их с собой за реку.

Наконец все стихло, и мы легли спать. Но около половины второго Джорджа разбудил какой-то шум. Он включил фонарь и увидел, что метрах в тридцати от палатки сидит чужая львица. Она не торопясь встала. Джордж выстрелил в воздух, чтобы придать ей прыти. Тотчас же раздалось рычание еще одного льва. Около получаса они ворчали, рычали, фыркали, потом наконец убралась.

На следующий день Эльса пришла в лагерь поздно и легла отдыхать возле палаток. А Джеспэ был в ударе и принялся озорничать. Бутылки, тарелки, вилки, ножи посыпались со столов, ружья полетели на землю. Он таскал патронташи, хватал картонные коробки, гордо показывал их брату и сестре, затем рвал в клочья.

Утром против обыкновения семейство еще было в лагере. Наши бои на всякий случай не выходили из кухонной ограды, ожидая, когда львы удалятся. Видя, что те явно никуда не спешат, Джордж подошел к Эльсе, но она тут же свалила его на землю. Тогда он открыл калитку моей ограды, чтобы я попыталась

уговорить Эльсу. Я позвала ее и вышла из-за ограды. Она медленно пошла мне навстречу, но ее прищуренные глаза заставили меня насторожиться. И я не зря опасалась. Когда между нами осталось метров десять, Эльса вдруг бросилась вперед, сбила меня с ног, уселась верхом и принялась меня лизать.

Она была очень ласкова, так что все это надо было принимать просто как утреннюю забаву. Но ведь Эльса отлично знала, что такая игра нам не нравится. Впервые после рождения львят она позволила себе сбить нас с ног.

Позднее она отвела львят к реке возле «кабинета». Мы тоже спустились туда. Джеспэ очень заинтересовало ружье Джорджа, он попытался стащить его, но вскоре понял, что из этого ничего не выйдет, хозяин был начеку. Тогда львенок решил усыпить его бдительность, притворившись, будто гоняется за братом и сестрой. Джеспэ удалось обмануть Джорджа. Только он отложил оружие, чтобы взять фотоаппарат, как львенок прыгнул на ружье и поволок его прочь. Начался поединок: кто кого перетянет. Эльса внимательно следила за ними, наконец пришла на помощь Джорджу. Она уселась на своего сына и заставила отпустить ружье. Но и после этого Эльса продолжала сидеть на Джеспэ. Мне даже стало страшно за него. Когда она наконец освободила львенка, он заметно присмирел и больше не трогал ружья, только бросал на него тоскливые взгляды, норовя сесть поближе. На всякий случай мать несколько раз ложилась между ним и ружьем.

Но вот она легла на спину и тихо мяукнула. Львята принялись сосать молоко. У нее был счастливый вид, а я удивлялась, как это они не причиняют ей боли своими острыми зубами? Идиллия была полная, а тут еще над нами пролетела райская мухоловка, щеголяя своим длинным белым хвостом... В этот день малышам

исполнилось восемь месяцев, и у Эльсы были все основания гордиться ими.

Насосавшись молока, львята уснули, тогда Эльса встала, выгнула спину, сладко зевнула, подошла ко мне, лизнула и села рядом, обхватив лапой мое плечо. Потом она легла, положила голову мне на колени и уснула. Пока все отдыхали, Эльса-маленькая несла караул. За это время она дважды пыталась подкрасться к водяному козлу, но у нее ничего не вышло.

Когда мы легли спать, Эльса со львятами принялась за еду. До самого утра мы слышали, как они разгрызают кости. Видимо, семейство решило остаться на всю ночь в лагере и прикончить тушу. И весь следующий день они не отходили от палаток, а вечером до лагеря донесся голос отца. Наверное, из-за него Эльса и не хотела уходить из лагеря. Она пробыла с нами целых три дня.

Глава одиннадцатая. ЛЬВЯТА И СЪЕМКИ

Лагерь Эльсы был вполне похож на райские кущи. Дикае звери здесь настолько свыклись с нашим присутствием, что часто без страха подходили к нам совсем близко.

Например, лесная антилопа, которая каждый день спускалась на водопой как раз напротив «кабинета», когда мы там завтракали. Она ощипывала свежие листья, подбирала с земли опавшие и иногда по целому часу паслась на берегу. Мы могли говорить, ходить, это ее ничуть не пугало.

Или семейство водяных козлов — два козла, три козы и три козленка. Когда они бывали вместе, то подпускали нас почти вплотную, правда, порознь они почему-то становились робкими.

А наши старые друзья бабуины? Мы настолько свыклись с ними, что почти перестали замечать друг друга, если не было чрезвычайных происшествий.

На этот раз засуха выдалась особенно сильная, и бабуины стали вырывать сочные корни камыша на островках посреди реки. Пример показал старый самец. Облюбовав себе островок с густым камышом, он принялся выдергивать его стебли, а потом начал выкапывать корни, становясь на четвереньки и помогая себе зубами. Иной раз, чтобы вытащить корень, ему приходилось руками разминать твердые комки земли. После этого он аккуратно снимал кожуру и совал очищенный корень в рот. Да так набивал себе живот, что становился похож на бочонок. Бочонком мы его и прозвали. Он спокойно позволял мне рисовать или снимать его с расстояния двадцати метров.

Затем явился второй бабуин, он тоже захотел корешков. Хотя он был намного крупнее Бочонка, но явно побаивался его и поджидал, пока тот насытится. Потом осторожно продвинулся вперед, проверяя, не возмутится ли Бочонок. Убедившись, что опасаться нечего, он прыгнул на островок и начал копать у противоположного края. Бочонок подошел, проверил, как идет дело, и решил, что вырытая ямка его вполне устраивает. Второй бабуин кротко отступил. К ним сунулся было третий, еще более рослый самец, но его приняли так нелюбезно, что он убежал, громогласно выражая свою обиду.

Бочонок вел себя деспотом, не позволял самкам даже приближаться к его угольям. Они смиренно держались поодаль отдельными группками, кормили детенышей, чесали друг друга, искали что-нибудь съедобное в редкой траве.

Три дня я рисовала самцов-бабуинов. Различить их было нетрудно. Бочонок отличался властным нравом, у второго был глубокий шрам на носу, третий держал хвост крючком. Видимо, между ними установилось перемирие, причем Бочонок мог по своему произволу вторгаться на участки остальных. Оголив этот островок, вся тройка перешла на другой, ниже по течению, у песчаной отмели. Поблизости жил крокодил, которого я хорошо знала и не раз безуспешно пыталась застрелить.

Теперь он растянулся тут во весь рост (два с половиной метра), совсем недалеко от бабуинов.

Я достала винтовку и начала подкрадываться. Но только подобралась на расстояние выстрела, как бабуины подняли шум и выдали меня. То же повторилось и на следующий день. Уж не несут ли они караульную службу?

Птицы часто предупреждают животных об опасности, а жирафы служат «сторожевыми башнями»

для зебр и антилоп. Но я не понимала, как могли бабуины, детеныши которых нередко попадают в пасть «крока», помогать своему врагу. Может быть, они знали, что этот зверь довольствуется рыбой, которую, бесспорно, легче добыть?

Конечно, крокодил имеет право на существование, как и любое другое животное, но все же он слишком опасен для всех окружающих. Разумеется, я была на стороне рыб, с которыми мы недавно подружились.

А случилось это вот так. Утром, сидя в «кабинете», я бросила в реку кожуру банана, и тотчас вокруг нее забурлила вода. Множество серебристых рыб, извиваясь и прыгая, дрались из-за кожуры. Наконец одна схватила добычу и ушла с нею под камень.

Я очень мало знаю о рыбах, и меня удивило, что банановая кожура вызвала такой восторг. Я бросила им еще, и снова началась ожесточенная драка. Значит, вкусно! Потом я стала предлагать им всякую другую пищу, кроме мяса, которое нам приходилось беречь. Хлеб, бананы, папайя, кожура плодов манго тоже понравились рыбам. И вскоре, стоило нам только показаться, как они большими стаями устремлялись к берегу. Если я протягивала им угощение, они брали кусочки прямо у меня из рук. Я так привыкла к этой веселой компании, что всерьез огорчилась, когда иссякли наши запасы хлеба и фруктов.

О мясе не могло быть и речи. Его столько требовалось для Эльсы и львят, да еще им помогали незваные гости. Днем, когда мясо висело в тени, к нему сверху подбиралась мангуста, снизу прыгал варан, а по ночам приходила чета шакалов, виверра, гиены.

Птицы занимали в нашей лагерной жизни такое же место, что и звери. В «кабинет» часто наведывалась пара молотоглавов, которых мы знали уже много, месяцев. Их гнездо было поблизости, и каждый день мы видели, как они окунают свои головки в мутные лужицы

на берегу пересыхающей реки. А теперь они стали подходить к нам еще ближе. Может быть, тут замешан буйвол? Нечаянное столкновение с нами не отвадило его от этих мест, а в следах буйволиных копыт скапливается вода, и молотоглавы находили там кое-что себе по вкусу.

К нам постоянно наведывалась великолепная пара ибисов хадада, их протяжные, жалобные крики стали неизменным звуковым сопровождением в нашей лагерной жизни. Частенько к реке приходила крупная, необычайно красивая цапля, но она не была такой смелой.

Я могла без конца наблюдать всех этих животных, и каждый день случалось что-нибудь интересное.

Вот сейчас, когда я пишу эти слова, на противоположном берегу важно расхаживает около полусотни бабуинов. А посередине семейство лесных антилоп — самец, самка и теленок. Можно подумать, что они ищут защиты у бабуинов. Такая мирная картина, такое доверие, а еще говорят, будто бабуины рвут в клочья разных мелких животных.

Словом, все было бы идеально, если бы не браконьеры. Ведь даже свирепая львица вовсе не так опасна для Эльсы, как люди. Во всяком случае, она составляет частицу буша, а у львов не обходится без междоусобиц.

Нас радовало, что Эльса теперь смело выходит навстречу противнику. Впервые мы увидели это в середине августа, когда она и львята ужинали перед палатками. Вдруг Эльса зарычала и ушла из лагеря. Вернулась она только через час. Ночью я слышала, как к лагерю подошли два льва, завязалась яростная схватка. Под утро Эльса увела львят на большие скалы, а днем, встретив ее в буше, мы увидели, что у нее искусана вся голова и особенно много ран возле поврежденного уха.

Когда мы вернулись в лагерь, я принесла им их вчерашний ужин, от которого осталось не так уж много. Львята жадно набросились на мясо, но Эльса есть не стала, пока бои не принесли еще одну тушу. Интересно, почему она отказалась сначала от мяса, хотя и была очень голодна? Увидела, что всем не хватит, и предпочла сперва накормить детей?

Вечером приехал Ибрахим на новом лендровере, который был сделан по моему заказу. В нем нам были не страшны никакие львы. Он привез также почту, и я села читать статью об Эльсе в «Иллестрейтед Лондон ньюс», где сообщалось, что она уже знаменита на весь мир. Лестные слова, ничего не скажешь, но в этот самый миг мировая знаменитость сидела, понуриив израненную голову.

Когда на следующий день Эльса пришла к нам в «кабинет», чувствовала она себя еще очень скверно, но это не помешало ей дать Джеспэ несколько сильных затрещин за то, что он приставал ко мне, заинтересовавшись моей пишущей машинкой.

Бедняга, ему предстояло еще многое узнать, не о нравах буша, а о нравах людей, которые его так занимали. Раз он принялся среди ночи хозяйничать в палатке Джорджа. И нахозяйничал! Наутро я не могла найти свой бинокль. В конце концов в кустах за палаткой отыскались ключья кожаного футляра с отчетливыми следами молочных зубов Джеспэ. Рядом лежал бинокль, его линзы каким-то чудом остались целы. Да, этот проказник Джеспэ мог хоть кого рассердить. Правда, ненадолго, уж очень он был обаятелен.

К восьми месяцам детский пушок сошел с него, но мех был мягкий, как у кролика. Джеспэ во многом подражал матери и хотел, чтобы мы обращались с ним так же, как с нею. Он ложился рядом со мной и ждал, когда я его поглажу. И хотя я дала зарок, но иногда

просто не могла удержаться. Нередко Джеспэ хотелось поиграть со мной. Я не сомневалась в его дружелюбии, однако всегда опасалась, как бы он меня не поцарапал, не укусил, ведь в собственных играх они не щадили друг друга. Джеспэ был гораздо большим дикарем, чем Эльса, и не умел одерживать себя.

Мы с Джорджем с интересом наблюдали, как по-разному относятся к нам львята. Джеспэ, благодаря своему ненасытному любопытству, победил робость и совершенно освоился с нами. Он вел себя дружелюбно, но фамильярности не допускал.

Эльса-маленькая была настоящая дикарка, она рычала, когда мы к ней приближались, и старалась улизнуть. Она была не такая бойкая, как братья, зато всегда умела добиться своего. Раз я наблюдала, как Джеспэ пытается уволочь в кусты только что зарезанную козу. Он дергал, тянул, даже кувыркался через ее тушу, но не смог сдвинуть ее с места. Подошел Гула, они взялись за это дело вдвоем, ничего не добились и сели рядом, тяжело дыша. Эльса-маленькая, следившая все это время за их потугами, подошла к туше, как следует ухватилась за нее зубами, напряглась и потащила в укромное место. Запыхавшиеся братья побежали за нею.

Гупа часто спасался в палатке от мух цеце. Тут-то я и увидела, как он ревнив. Если я, например, садилась рядом с Эльсой, Гупа долго и упорно глядел мне в глаза с явным неодобрением. Это, мол, моя мама, отойди от нее подальше.

Как-то вечером я сидела у входа в палатку. Гупа лежал в дальнем ее конце, а Эльса посередине, присматривая за нами обоими. Он принялся жевать край палатки. Я строго сказала: «Нельзя!» К моему удивлению, он хоть и заворчал в ответ, но жевать перестал. Немного погодя начал снова, и опять мое «нельзя» подействовало.

Все три львенка научились понимать это слово, хотя мы никогда не подкрепляли запрет ни палкой, ни каким-либо иным средством устрашения.

Однажды утром Эльса со львятами ушла за реку. Перед тем они целые сутки спокойно провели в лагере. А вскоре, к моему удивлению, Македде доложил, что видел следы чужой львицы, которая приходила ночью к нашей кухне и потом снова ушла вверх по реке. Неужели это та свирепая львица? Но ведь Эльса не проявила никаких признаков тревоги. Правда, в лагерь она вернулась только к концу второго дня, когда уже стемнело. Львят она оставила где-то в укрытии, туда и уволокла мясо. Утром семейство ушло за реку.

А через несколько дней, под утро, когда они были в лагере, мы услышали, что от реки идут два льва. В тусклом свете я видела, как Эльса и львята побежали к «кабинету». Оттуда Эльса вернулась одна и решительно зашагала навстречу чужакам. Мы напряженно вслушивались, но все было тихо. Через полчаса Эльса возвратилась и позвала детей. Ответа не было, и она тревожно заметалась, продолжая звать. Выбравшись из-за колючей изгороди, я тоже принялась искать, но Эльса заворчала на меня. Принюхиваясь к следам, она побежала по дороге к Большим скалам. Чуть погодя оттуда донеслось ворчание, но мы не пошли за Эльсой, боясь нарваться на чужаков. Только позднее, когда все успокоилось, мы отправились к Большим скалам. И увидели отпечатки лап не только Эльсы, но и чужой львицы.

В этот вечер Эльса не пришла в лагерь, зато на следующий день, через два часа после того, как Джордж вернулся из Исиоло, явилась со всем семейством. Все четверо были невредимы, но держались настороженно. Эльса без конца осматривала заросли вокруг лагеря и ушла задолго до рассвета.

В начале сентября засуха стала настоящим бедствием. Благодаря патрулю браконьеры пока не смогли причинить большого ущерба, но ведь патруль был один на всю провинцию, он не мог оставаться тут все время. Когда они уйдут, Джордж должен будет обходиться своим собственным маленьким штатом. А дожди начнутся не раньше конца октября.

Мы очень обрадовались, узнав, что к нам должен приехать Джулиан Хаксли, который по поручению ЮНЕСКО изучал проблему сохранения животного мира Восточной Африки. В письме к нам он спрашивал, сможем ли мы ознакомить его с Северной пограничной провинцией. Мы с радостью ухватились за этот случай, надеясь во время поездок по районам посвятить сэра Джулиана во все наши трудности и нужды. Возможно, поездка подбодрит всех, кто заинтересован в охране диких животных.

Кроме того, сэр Джулиан хотел увидеть Эльсу. Обычно мы соглашались на это лишь в тех случаях, когда у человека были веские причины. У Джулиана Хаксли они, бесспорно, были. Мы с радостью покажем ему Эльсу, надо только позаботиться, чтобы он не подвергался никаким опасностям. Вместе с Хаксли должны были приехать его супруга, начальник Департамента по охране диких животных майор Гримвуд и пилот. Мы условились, что никто из них не выйдет из машины, если во время их короткого визита появится Эльса.

С 7 по 9 сентября мы объехали с гостем некоторые районы провинции и наконец прибыли во владения Эльсы. Через двадцать минут после сигнального выстрела лай бабуинов оповестил нас о появлении Эльсы и львят. На радостях она чуть не сбила меня с ног, потом вскочила на крышу лендровера. А львята тем временем поволокли в надежное местечко козью тушу. Мы пробыли в лагере всего около полчаса, и Эльса

очень удивилась, что машины так быстро тронулись в путь.

На следующий день наши гости улетели в Найроби, а мы возвратились в лагерь Эльсы. Три часа спустя пришла и она со львятами. Все были сыты после обильного угощения, которое мы им оставили накануне.

Поздно вечером вдалеке слышались голоса двух львов. Тотчас Эльса увела львят за реку и оттуда затеяла с чужаками разговор, который длился не один час. Днем, когда я пила чай в «кабинете», она явилась ко мне совершенно мокрая, без детей, но вскоре пришли и они. Мы чудесно провели вечер. Джеспэ вел себя как хозяин, он даже занял кровать Джорджа, который к тому времени уже уехал в Исиоло.

Ночью Эльса бродила вокруг лагеря и окликала детей. Львят не было слышно, и я забеспокоилась. А когда на следующий день Эльса пришла из-за реки одна, я совсем встревожилась. Но страхи мои были напрасны. Львята вскоре появились, а на следующее утро семейство чуть свет потребовало завтрак. Два часа они жадно уничтожали мясо, после чего удалились. По их следам мы с Тото дошли до гряды Ворчун. Эльса вскоре заметила нас, спустилась вниз и приласкалась ко мне. Джеспэ двинулся было за нею, но на полпути остановился и сел, поглядывая на нас со склона.

Как только мы вернулись в лагерь, приехал Джордж. Заслышав шум машин, тотчас явилась Эльса со львятами. Джордж сообщил, что утром из Лондона прилетают Дэвид Аттенборо и Джеф Маллиген. Надо будет встретить их на ближайшей посадочной площадке.

Мы уже давно переписывались с Дэвидом Аттенборо, он собирался снять для Би-би-си фильм про Эльсу и львят. До сих пор мы не принимали таких предложений, боясь, что появление киноэкспедиции взбудоражит Эльсу. Если приедут два человека, это не

так уж страшно, только надо позаботиться об их безопасности. Что ж, один будет ночевать в моем лендровере, а второй — в палатке, установленной на грузовике. Обе машины стояли рядом за колючей оградой. Еще одна палатка будет служить гардеробом, ванной, лабораторией, складом.

Ночью из-за реки донеслось рычание чужого льва. Эльса тотчас отправилась ему навстречу. А утром (это было 13 сентября) Джордж позвал меня из своей палатки, и там я увидела Эльсу. Она была в ужасном состоянии. Голова, грудь, плечи, лапы покрыты кровоточащими ранами, вид совершенно больной. Я опустилась рядом с нею на колени, чтобы осмотреть раны. Эльса только движением глаз дала понять, что видит меня.

Это было совсем неожиданно. Ведь ночью мы ничего не слышали, никаких намеков на схватку.

Я хотела осмотреть раны, но Эльса, преодолевая боль, поднялась на ноги и медленно побрела к реке. Тогда я взяла таблетки, чтобы подложить ей в мясо. Может быть, хоть таким способом удастся предотвратить заражение, раз она не позволяет прикоснуться к ранам. Минут двадцать искала я Эльсу, но ее нигде не было. Оставив Джорджа разыскивать львят, я отправилась встречать наших гостей. Да, неподходящий момент для посетителей, тем более кинооператоров. Как бы не вышло так, что им нечего будет снимать. Я сообщила им эту неутешительную новость и вскоре поняла, что в лице Дэвида и Джефа нам посчастливилось узнать людей, по-настоящему любящих животных.

Когда мы приехали в лагерь, Джордж уже вернулся, так и не разыскав львят. Пока гости устраивались, я опять отправилась за Эльсой и на этот раз нашла ее под кустом по соседству с «кабинетом». Дышала она очень тяжело-и не пошевелинулась, когда я стала сгонять мух

с ее ран. Я вернулась в лагерь за водой и за мясом с таблетками. Дэвид тотчас вызвался помочь мне и донес до «кабинета» таз с водой.

Никогда еще я не видела Эльсу в таком плачевном состоянии. Она не могла даже поднять головы, и мне пришлось помочь ей напиться. Когда она принялась за мясо, мы ушли, так как она ясно дала нам понять, что наше присутствие мешает ей.

Мы сделали для Эльсы все, что могли, и теперь я отправилась с Джорджем за реку искать львят. Мы стали звать Джеспэ, перебирая все слова, которыми обычно окликали Эльсу. Наконец за кустом заметили одного львенка, но он тут же бросился наутек. Чтобы не пугать львят, мы возвратились в лагерь, надеясь, что они сами придут к матери. Первым объявился Джеспэ. Около шести часов вечера он пересек реку и подбежал к Эльсе. В это время с того берега донеслось мяуканье второго львенка. Эльса через силу спустилась к воде и позвала его. Это был Гупа. Увидев мать, он решился переплыть реку. Я принесла им мяса, и львята жадно принялись есть, но Эльса к нему не притронулась. Пока Джеспэ и Гула управлялись с мясом, мы отправились с гостями погулять вдоль реки. А когда вернулись, то, к своему удивлению, увидели Эльсу на крыше лендровера перед нашими палатками. Мы сели ужинать в нескольких метрах от нее, однако она не обращала на нас никакого внимания. Нас очень беспокоило отсутствие Эльсы-маленькой, но и она явилась в лагерь вскоре после того, как мы легли спать. Сразу после полуночи семейство ушло, а затем мы услышали голос свирепой львицы.

Днем Эльса не показывалась, так как свирепая львица все еще держалась поблизости. Джордж видел ее на Больших скалах. Она рычала и в следующую ночь. Мы волновались за Эльсу, и, как только рассвело, Джордж отправился вдоль берега в одну сторону, а я

вместе с Македде, Нуру и одним объездчиком — в другую. На всякий случай мы захватили с собой питьевой воды. В километре от Пограничной гряды мы нашли след Эльсы. Так далеко она еще никогда не забиралась. Я позвала ее, она вышла из-за скал и, убедившись, что все спокойно, вывела львят. Они так хотели пить, что чуть не вырвали у меня из рук пластмассовый тазик, в который я наливала воду.

Когда мы отправились в обратный путь, Эльса и Джеспэ стали недоверчиво обнюхивать объездчика. Я посоветовала ему не двигаться, и он стоял как вкопанный, но по лицу было видно, что ему не по себе. Улучив миг, я послала его вперед вместе с Македде.

Раны Эльсы немного поджили, но она все еще нуждалась в лечении. Мне пришлось долго уговаривать семейство, прежде чем они согласились идти с нами, и мы не спеша двинулись к лагерю. Нуру нес мое оружие. Потом я отправила его вперед и попросила предупредить Дэвида о нашем приходе, чтобы тот смог снять Эльсу со львятами во время переправы через реку. Но, оставшись одна, я почувствовала себя как-то неуверенно. И совсем расстроилась, когда увидела, что сбилась с пути. Был полдень, самая жаркая пора, львы поминутно останавливались в тени отдышаться. Разумнее всего было бы отыскать ближайшую лаггу и по ней спуститься к реке, а там уж нетрудно будет найти дорогу. Вскоре я набрела на узкое высохшее русло и пошла между его крутыми берегами. Эльса шагала следом, чуть дальше трусили львята. Вдруг на повороте я лицом к лицу столкнулась с носорогом. В таких случаях обычно советуют «быстро отскочить в сторону, пропуская мимо себя атакующего зверя». Но «быстро отскочить» было некуда, я повернула обратно и побежала, за мной по пятам гналось пыхтящее чудовище. Присмотрев боковую лощинку, я свернула туда и оказалась в буше. Видно, в эту секунду носорог

заметил Эльсу. Он ринулся вверх по противоположному откосу. Я была спасена. Хорошо, что Эльса не бросилась за ним, ведь обычно она не пропускала ни одного носорога.

А через несколько секунд я, к своей великой радости, увидела идущего нам навстречу Нуру. Только я хотела поблагодарить его за то, что он примчался мне на выручку, как Нуру сказал, что тоже спасался бегством от носорога. Мы от души посмеялись над своими страхами и вместе пошли домой.

В лагере никого не оказалось. Узнав от Македде, что Эльса нашлась, Джордж, Дэвид и Джеф поспешили мне навстречу. Я послала за ними объездчика, а Эльса и львята тем временем затеяли игру в реке, освежаясь после долгого перехода по жаре. Потом они утащили в заросли козью тушу и оставались там допоздна, а около полуночи ушли за реку.

Чувствуя, что на следующий день нам удастся начать съемки только под вечер, мы с утра пошли снимать даманов на скалах. Вернулись усталые, распаренные, закусили и спустились в «кабинет», где нас уже ждали раскладушки. Дэвид, Джордж и я легли отдыхать, а Джеф стал заряжать камеры. Я задремала, но вдруг проснулась от толчка. Эльса, вся совершенно мокрая, сидела на мне и нежно облизывала, придавив меня своим весом. Дэвид мигом перемахнул через Джорджа, подбежал к Джефу, и сразу застрекотали камеры. А Эльса прыгнула на Джорджа, приласкалась к нему, потом важно направилась к палаткам и легла отдыхать в одной из них. Гости ее совершенно не смущали. Вечером, когда мы сели за стол, Эльса вышла из палатки, где отдыхала вместе с Джеспэ, и проследовала почти у самых ног Джефа с таким видом, будто его и не существовало.

Утром мы по следам дошли до гряды Ворчун и на склоне увидели спящую Эльсу. Нам не хотелось ее

тревожить, и мы ушли домой. Вернулись мы сюда уже после чая, захватив несколько камер, чтобы снимать с разных сторон.

Нам повезло. Эльса и львята отлично позировали на седле гряды. Потом Эльса спустилась и всех поприветствовала, включая Дэвида и Джефа, потершись головой о колени каждого. Она пробыла с нами дотемна. Затем мы возвратились в лагерь. Львята, видимо встревоженные присутствием чужих людей, остались на гряде.

Хотя съемки, судя по всему, ничуть не беспокоили Эльсу, я все-таки боялась, что она не придет ужинать. Но я зря волновалась. Только хотела предупредить гостей, чтобы они сегодня не очень-то рассчитывали на новую встречу с Эльсой, как она ворвалась в лагерь и так бурно меня приветствовала, что чуть не сбила с ног.

Я приготовила ее любимое блюдо — мясо с рыбьим жиром, и направилась к ней, но Джеспэ выскочил из засады и отнял у меня миску.

Джеф в это время проверял магнитофон, он пустил как раз ту ленту, на которой было записано рычание свирепой львицы. Джеспэ насторожил уши, склонил голову набок, прислушиваясь к ненавистному голосу, потом, бросив лакомство, помчался предупреждать мать об опасности.

На следующий день мы опять снимали Эльсу на гряде и получили новое доказательство ее расположения к Дэвиду и Джефу: она привела львят, чтобы они поиграли с нами. Любопытно, что Джеспэ относился к чужим людям в точности так, как Эльса в детстве. Он тотчас угадывал, какое чувство вызвал в человеке: расположение, замешательство или страх. И соответственно вел себя. К сожалению, должна сказать, что Дэвиду не повезло. Джеспэ все время подкрадывался к нему или насккивал на него из

засады. Тот только поспевал увертываться. Жаль, что из-за темноты нельзя было снять эту игру.

В последний вечер гости попрощались с Эльсой, когда она сидела на крыше лендровера. Они пожали ей лапу. Я чувствовала, что для них она не просто очередная киносенсация, и была очень благодарна Дэвиду и Джефу за дружелюбие и такт, с которыми они провели съемки.

Глава двенадцатая. СТЫЧКА С БРАКОНЬЕРАМИ

Днем 21 сентября Джордж, Тото и я встретили наше львиное семейство в буше. Эльса поздоровалась как всегда, Джеспэ лизнул меня и Джорджа, но, когда он хотел приласкаться к Тото, Эльса загородила ему путь. Почему-то ее отношение к Тото изменилось, а ведь она любила его ничуть не меньше, чем Нуру и Македде. Эта перемена наступила, когда родились львята.

Ночью мы слышали рычание льва, и днем Джордж неподалеку от лагеря нашел его следы. Позднее мы с Тото пошли искать Эльсу. Она была на гряде Ворчун и не обратила на меня никакого внимания, хотя я звала ее и даже поднялась на скалу. Львята тоже не взглянули на меня. Я побыла с ними минут двадцать и отправилась домой. Может быть, объявился Эльсин супруг, и поэтому она так вела себя? Вечером Эльса не пришла в лагерь. Мы увидели семейство только на следующий день, когда они плескались в реке. Львята играли, спорили из-за палок, плавающих в воде, а Эльса улеглась на берегу рядом с Тото и за всеми наблюдала.

Когда мы шли домой, Джеспэ, заинтересовавшись винтовкой Тото, без конца подкрадывался к нему, Эльса несколько раз вмешивалась, наконец уселась на сына и дала Тото уйти вперед.

В тот вечер мухи цеце были на редкость назойливы. Эльса зашла в палатку, повалилась на землю и замяукала, умоляя избавить ее от них. Я хотела ей помочь, но рядом с матерью уже катались, давя мух, Джеспэ и Гупа, и, когда я приблизилась, они заворчали. Я все равно стала бить мух, а Эльса облизывала сыновей, чтобы умерить их ревность. Обычно Эльса

всегда была благодарна мне за помощь. И, однако, на следующее утро, когда я смотрела, как львята играют с матерью, она ни с того ни с сего раза два стукнула меня лапой.

Ночью Эльса заглянула в лагерь на несколько минут, потом целые сутки не показывалась. А когда снова пришла вместе со львятами, держалась отчужденно. Получив мясо, она утащила его в укромное местечко и вскоре удалилась.

На другой день, возвратившись с прогулки, во время которой мне попало много свежих слоновьих следов, я увидела, как Джеспэ старательно жуёт мой единственный тропический шлем. Какая досада, ведь в жаркую пору мне без шлема не обойтись. Эльса в тот вечер была на редкость ласкова, словно хотела загладить вину проказника сына. Мы долго сидели вместе у реки, любуясь зимородком. Птица, как видно, ничуть нас не боялась и подходила совсем близко.

В эти дни я стала примечать, что Гупа ревнует мать не только ко мне, но и к брату. Когда Джеспэ играл с Эльсой, он старался его оттолкнуть, а если Эльса приближалась ко мне, Гупа сжимался в комок и ворчал до тех пор, пока она к нему не подойдет.

Когда уехал Джордж, я устроила себе постель в лендровере, возле которого мы привязывали на ночь козью тушу, чтобы уберечь ее от посторонних. Не могу сказать, чтобы это обеспечило мне спокойный сон, зато было хорошо наблюдать ночных животных, обитателей буша.

Особенно мне полюбилась темно-бурая бесстрашная виверра. К великому неудовольствию шакалов, она всегда первой поспевала к добыче. Стоило ей поднять голову, как они бросались врассыпную. Если это была та же виверра, которую Джеспэ прогнал однажды, то я преклоняюсь перед отвагой львенка. Чтобы получше

разглядеть виверру, я позволяла ей есть вдоволь. Гиены и шакалы не могли рассчитывать на такую щедрость.

Как-то среди ночи меня разбудили трубные голоса слонов и треск поломанных сучьев. Великаны резвились у реки, между «кабинетом» и палатками. Они подходили все ближе, и я боялась, как бы они не явились прямо в лагерь. Эльса сидела со львятами у моего «спального вагона» и смотрела в ту сторону, откуда доносился шум. Кажется, у нее были такие же опасения. Мы все напряженно вслушивались. Вдруг я увидела, как вдоль берега передвигается громадный силуэт. Слон остановился и, казалось, целую вечность стоял неподвижно, потом наконец растаял во мраке. Эльса со львятами держалась так же тихо, как и я, и оставалась начеку, пока треск не прекратился. Потом она исчезла.

А немного погодя свет моего фонарика отразился в паре зеленых глаз. Они мало-помалу приближались. Подумав, что это какой-нибудь зверь приближается к козлятине, я вышла из лендровера, чтобы накрыть тушу колючими ветками. Только я взялась за ветку, как на меня набросилась Эльса. Я вернулась в машину, немного подождала и, когда мне показалось, что семейство кончило ужинать и удалилось, снова вылезла. Не кормить же шакалов! Но Эльса опять прогнала меня. Всю ночь мы состязались в бдительности. Эльса победила. И, вероятно, объелась...

В конце сентября к нам как-то утром пришел африканец и попросил помочь прогнать двух львов, которые по соседству с его хижиной убили водяного козла. Я послала с ним объездчиков. По следам они установили, что львы провели всю ночь около добычи, а потом ушли на холмы в пятнадцати километрах от поселения. Там было их логово.

Местные жители могли убедиться, что в этом районе есть львы, кроме Эльсы. Я обрадовалась. Ведь

теперь нельзя будет валить все на нее, если на скот нападут хищники.

В октябре мы с Билли Коллинзом решили встретиться, чтобы поговорить о продолжении книги «Рожденная свободной». Я отправилась в Найроби и привезла его в лагерь. К счастью, он не сердился на Эльсу и не боялся ее после того необычного приема, какой она оказала ему в первый раз. Я надеялась поспеть с ним в лагерь до прихода Эльсы, но мы замешкались в пути, и, когда прибыли, все семейство уже обедало у палаток. Я встревожилась. Однако Эльса очень приветливо встретила нас обоих и вернулась к мясу. Мы провели весь вечер по соседству с нею, а она, казалось, даже не замечала нас.

Джордж сказал, что всю ночь на 7 и 8 октября совсем рядом с лагерем рычал лев. Когда мы легли спать, Эльса ушла, возможно ко льву.

Дни были знойные, буш совсем высох. Даже в «кабинете», где обычно царит прохлада, было очень душно, когда мы пришли туда утром. И хотя нас отвлекали бабуины, антилопы и всякие птицы, мы все же хорошо поработали. Потом отправились искать Эльсу. Мы не нашли ее, но, когда звериной тропой возвращались домой, я вдруг почувствовала, как она и Джеспэ потерлись о мои ноги.

Эльса обращалась с Билли так же, как и с нами, но Джеспэ чрезвычайно заинтересовали его белые носки и теннисные туфли. Львенок приседал за каждой кочкой, примеряясь к броску, но мы всякий раз вмешивались. В конце концов Джеспэ это надоело, и он присоединился к сестре и брату. Вечер Эльса провела на крыше лендровера.

А утром она меня разбудила. Забралась в палатку и стала лизать сквозь разорванный накомарник. Как Эльса проникла сюда? И не успела ли она уже наведаться к Билли? Я крикнула Коллинзу и услышала

ответ, что Эльса только что была у него. В это время показался Тото, он нес мне утренний чай. Эльса не торопясь соскочила с кровати, подождала, когда он откроет калитку, потом вышла, забрала львят, и все вместе затрусили к Большим скалам.

Я быстро оделась и поспешила к машине, чтобы узнать, как там Билли. Увидев его улыбающееся лицо, я успокоилась. Он сказал, что Эльса протиснулась сквозь колючую ограду и вскочила на крышу лендровера, но затем поняла, что внутрь ей не проникнуть. Тогда она отправилась ко мне.

Ни Дэвид Аттенборо, ни Джеф, который спал в той же машине, не пользовались таким вниманием Эльсы. Раньше только моя кровать и кровать Джорджа привлекали ее. Так что ее интерес к Билли должен был льстить ему. Не знаю, правда, что он сам об этом думал.

Под вечер мы отыскивали семейство на гряде Ворчун. Эльса и Джеспэ спустились к подножию и очень радостно нас встретили. Эльса поздоровалась и с Македде, но, когда Джеспэ хотел потереться головой о его ноги, она оттолкнула львенка. Гупа и Эльса-маленькая оставались на гряде, пока мы не отошли на несколько сот метров. Тут и они сбежали вниз на зов Эльсы. Продолжая прятаться от нас, они двинулись другим путем. Встретились мы уже у реки. Все три львенка сидели в воде, освежаясь после перехода, и внимательно смотрели на нас. Один Джеспэ присоединился к матери. Он был ласков, но из-за его проказ мы вернулись домой уже затемно. Хотя Билли отказался от своих белых носков, Джеспэ приставал к нему по-прежнему. Львенок садился перед ним на землю и задорно смотрел ему в лицо, загораживая дорогу. Билли всячески пытался обойти его, но через минуту Джеспэ снова подкатывался ему под ноги. Эльса вмешалась раз-другой, повалила сына по земле, но он только еще больше разошелся. Джордж шел впереди.

Вдруг его сзади обхватили две лапы, и он чуть не полетел. Ребенок веселился! Лишь в лагере Джеспэ оставил нас в покое, так как обед был важнее.

12 октября Билли должен был уезжать. Как нарочно, днем нам не удалось найти Эльсу и львят. Пришлось ограничиться другими животными. Мы пошли посмотреть на водяных козлов и лесных антилоп, которые спустились к реке на водопой, и потом на даманов, дремавших на солнышке среди скал. А вечером, когда зашло солнце, мы увидели, как крохотные лемуры выходят из своих дневных убежищ.

Вернувшись в лагерь, мы застали там Эльсу и Джеспэ. Эльса лежала на крыше лендровера. Билли слегка потрепал ее и погладил по голове. Обычно она позволяла это только мне.

Нам хотелось еще напоследок показать Билли самую крупную реку Кении

— Тану. Правда, для этого надо было сделать крюк километров в восемьдесят, но мы не сомневались, что он будет доволен. По пути нам попался самый большой во всей области баобаб, которому, наверное, лет восемьсот. В стволе этого дерева, довольно высоко над землей, есть огромное дупло с двумя выходами, в котором могут укрыться восемь — десять человек. Когда Джордж впервые увидел этот баобаб, в нем прятались браконьеры. До сих пор в стенках дупла торчат деревянные колья, которые служили то ли ступеньками, то ли вешалками. Выходы расширены человеческими руками очень давно, лет двести — триста тому назад. Надо сказать, что здесь чуть ли не все баобабы такие же дуплистые. Эльса всегда совала нос в каждое дупло.

Нам все время попадались зебры Греви, жирафы, жирафовые антилопы и водяные козлы. Мы не ожидали увидеть в буше столько животных, потому что в засушливое время они обычно собираются у рек.

Наконец мы добрались до Таны. В этом месте в нее вливается один из четырех притоков, которые мы пересекли по пути из Исиоло в лагерь. Здесь почти всегда можно рассчитывать на встречу с бегемотами. И на этот раз мы не были разочарованы. Восемь бегемотов, раскрывая пасти, барахтались посреди потока шириной метров в шестьсот, наслаждаясь завидной прохладой. Влажно поблескивали их массивные спины.

Вдруг послышался лай собак. Джордж схватил винтовку и побежал в ту сторону. Только он перебрался через приток Таны и пропал в пальмовых зарослях, как в реку прыгнули две антилопы. Следом за ними бросились собаки, быстро настигли их и вонзили клыки им в спину и горло. На меньшей антилопе повисли сразу три собаки. Она отчаянно отбивалась. Раздался выстрел — и одна собака ушла под воду. В ту же секунду из реки вынырнула голова человека. Увидев на берегу Билли и меня, человек снова нырнул. Я не на шутку встревожилась, ведь в Тане опасные водовороты и к тому же множество крокодилов. Да еще как раз на пути браконьера плескались восемь бегемотов. Видно, и Джордж подумал о том же. Он выпустил несколько пуль наперерез пловцу, чтобы заставить его повернуть назад. Но браконьер плыл все дальше, ни пули, ни бегемоты, ни крокодилы не могли его остановить. Вот бегемоты скрылись под водой. Сейчас разыграется трагедия... Но пловец, следуя за антилопами и собаками, благополучно выбрался на противоположный берег и исчез в буше.

Появился второй браконьер, тоже с собаками. Они догоняли маленькую антилопу, которая напрасно искала спасения в реке. Вот одна собака вцепилась ей в морду, пытаясь задушить, а другая повисла у нее на спине. Джордж убил обеих собак, и антилопа отважно поплыла дальше, но метров через сто пошла ко дну.

Я побежала к Джорджу, захватив для него патроны. Он рассказал, что чуть не наступил на одного браконьера, который прыгнул в реку прямо у него из-под носа. Джордж выстрелил в воздух, чтобы остановить его, но преступник нырнул под воду и скрылся за поворотом. Это был тот самый браконьер, который испугался меня с Коллинзом.

Теперь все было тихо, и Тана катила свои воды, увлекая погибших животных — преследуемых и преследователей. Грустно, что этот трагический эпизод оказался последним впечатлением, которое Билли увез из Кении. Но ведь это один из многих случаев, только никто их не отмечает. Еще одно напоминание, что надо покончить с браконьерством, если мы хотим сберечь животный мир Восточной Африки.

Хорошо, что наиболее прозорливые африканцы понимают, как велика ценность диких животных для страны. Только сотрудничая с африканцами, можно сохранить, последние убежища крупного зверя.

Глава тринадцатая. ТАМ-ТАМ

К середине октября Джордж вернулся в лагерь, и несколько дней жизнь текла без всяких происшествий. Но вот однажды ночью с Больших скал донеслось грозное рычание. Это свирепая львица и ее супруг возвещали о своем прибытии. Эльса тотчас ушла со львятами за реку.

На следующее утро Джордж увидел Свирепую. Она стояла на Больших скалах, ясно вырисовываясь на фоне неба, и скрылась лишь после того, как Джордж подошел метров на четыреста.

Вечером Эльса наведальась в лагерь, быстро поела и исчезла на двое суток. В это время я сменила Джорджа в лагере. Отсутствие Эльсы беспокоило меня, я отправилась искать ее, но не нашла. А рано утром мы увидели в лагере следы львят. Странно, что мы ничего не слышали. Выследить львят нам не удалось, потому что отпечатки их лап затерялись среди следов слонов и носорогов.

Вечером семейство явилось, но Эльса вела себя как-то странно. Гупа, Эльса-маленькая и я для нее не существовали, все внимание принадлежало Джеспэ. Бедный Гупа старался и так и сяк. Ложился на спину лапами кверху, когда приближалась мать, а она перешагивала через него и шла к Джеспэ.

Примерно в половине девятого начала рычать чета диких львов. Все семейство насторожилось, но только Эльса и Джеспэ затрусил к «кабинету». Гупа и Эльса-маленькая отправились было за ними, однако вскоре вернулись доедать свой обед. Но когда сердитое рычание послышалось совсем близко, оба львенка сломя голову кинулись вдогонку за матерью, которая уже переправилась через реку.

Я убрала остатки мяса. И хорошо сделала, так как львиный дуэт длился всю ночь.

На следующий вечер мы с Македде увидели, как чужая львица поднялась на Большие скалы и уселась на вершине. Несомненно, это она, Свирепая... Здесь впервые я как следует рассмотрела ее в бинокль. Она намного крупнее и темнее Эльсы и красотой не отличается. Львица глядела в нашу сторону. Вдруг совсем рядом раздались трубные звуки, и, казалось, в одну минуту весь буш заполнили слоны. Мы что есть духу помчались в лагерь. Весь вечер было слышно, как слоны то трубят, то с шумом втягивают воду. А на Больших скалах, точно заведенная, рычала свирепая львица. Всю ночь мы не сомкнули глаз, и Эльса, естественно, не появлялась.

Утром мы направились по следам Свирепой и ее супруга. Они ушли вверх по реке в район, который мы считали постоянной обителью этой четы. Эльса, несомненно, проведала об их уходе и вечером явилась со львятами в лагерь. Пока дети не принялись за обед, она не обращала на меня внимания, но потом была ласкова как всегда. Похоже, она нарочно вела себя так, чтобы львята не ревновали.

Было очень душно, край неба то и дело озаряли молнии. А вскоре после того как я ушла спать, подул сильный ветер. Деревья скрипели, хлопала палатка. Упали первые капли дождя, и хлынул ливень. Он не переставал всю ночь. Мы совсем не ожидали такого потопа. Стойки у нас на палатках не были закреплены как следует и сразу же упали. Весь остаток ночи я возилась с ними, чтобы не дать палатке рухнуть совсем. А под ногами у меня разлилась настоящая река.

Наконец наступил рассвет. После долгой холодной ночи я мечтала о чашке горячего чая, но это было безнадежно, так как дрова совсем отсырели. Все наши люди провели ночь примерно так же, как и я. Палатка

Джорджа тоже осела, внутри нее тихо мяукала Эльса. Вскоре она вышла оттуда, с нею были Джеспэ и Гупа, порядком испачканные, но сухие. Эльсу-маленькую даже ливень не заставил войти в палатку. Я увидела ее за колючей оградой, промокшую насквозь.

Надо было разбирать отсыревшее имущество и переносить его в машины, спасая от львиного семейства. Джеспэ тотчас взялся помогать мне и оборонял каждый ящик, за который я бралась. Когда я наконец управилась с этим делом, Эльса, Джеспэ и Гупа забрались вместе со мной в мою палатку. Даже Эльса-маленькая решила сесть у самого входа, где полог прикрывал ее от дождя.

Четверо суток лил дождь, только вечерами выдавались короткие перерывы. Во время ливня уже в нескольких шагах ничего нельзя рассмотреть. В этой части Кении дожди выпадают очень неравномерно. В горах осадки достигают около двух тысяч пятисот миллиметров в год, а прилегающие равнины получают всего триста семьдесят пять миллиметров.

Хотя лагерь Эльсы расположен в полупустыне, кругом немало речушек, которые берут начало в горах по соседству. Наша река разлилась сильнее, чем когда-либо, рокочущий красноватый поток затопил оба берега. В кабинете вода поднялась до самого стола. Чего только сюда не нанесло, прибило даже целую пальму, вырванную с корнями. Хорошо, что Эльса со львятами на этом берегу и для них запасено довольно пищи.

В три дня выжженный буш вокруг лагеря пышно зазеленел. Но сухие, ломкие кусты точно надорвались в своем стремлении поскорее выпустить на свет несметное количество цветов, уже через три-четыре дня землю под ними сплошь усеяли опавшие разноцветные лепестки.

Внезапный переход от уныния засухи к бурному расцвету тотчас отразился на жителях буша. В тот же день, как начались дожди, прилетели ткачики. Они принялись чинить свои старые гнезда над нашими палатками и сооружать новые. Сквозь дробь дождя доносилось их щебетание, ливень им был нипочем. В два-три дня гнезда были готовы, а еще через неделю я нашла на земле первую светло-бирюзовую скорлупу. Потом много дней земля была покрыта голубовато-зеленым ковром, на котором ярко выделялись бесчисленные алые козявки, неожиданно выползшие из нор во влажном песке. Они всегда появляются после первых дождей и затем быстро исчезают.

Ровно через месяц после прилета черноголовых желтых ткачей мне пришлось взять на свое попечение птенца, который вывалился из гнезда. Он был почти голый, редкие перья только-только выпустили пушинки на самых кончиках. Малыш казался совсем беспомощным, когда я подняла его, чтобы согреть на ладони. Впрочем, как ни слаб был птенец, в нем таилась неистребимая воля к жизни, и он непрерывно требовал еды. Бой целыми днями ловили кузнечиков, а ему все было мало. Я посадила его в гнездо, которое поместила по соседству с другими, надеясь, что ткачи усыновят найденныша, но из этого ничего не вышло. И пришлось мне каждые два часа, вооружившись пинцетом, скармливать ему наш очередной улов — два десятка кузнечиков, у которых мы отрывали ноги и голову. Эта пища пошла птенцу на пользу, и уже на второй день он встретил меня громким чириканьем, высунув из гнезда свою лысую головку. Я подвесила гнездо, как положено, отверстием вниз, чтобы оно было защищено от дождя и чтобы его внутренность, выстланная пухом оципанных нами цесарок, не засорялась пометом. Нельзя было не восхищаться чистоплотностью птенца: он спускался к самому выходу, высовывал хвостик наружу и ронял

помет на землю. Если он сидел у меня на ладони, то в критический момент начинал суетиться, пока не находил удобного места на пальце, откуда можно было все сделать, не опасаясь испачкать меня.

Джордж заметил, что у ткачей есть определенный ночной распорядок. Часто он просыпался оттого, что все птички вдруг начинали сонно щебетать, а затем по палатке, словно капли дождя, барабанил помет. И снова все стихало. За ночь это повторялось два-три раза, так что ткачи и в этом деле действовали коллективно.

Я назвала птенца Там-Там, что на языке суахили значит «милый». Ночь он проводил в своем гнезде, которое я помещала на противомоскитной сетке. Здесь птенец был защищен от дождя, и я могла успокоить его, если он проснется и закричит. Там-Там держал гнездо в чистоте, утром я находила на полу аккуратные дорожки помета. Как только взрослые подавали голос, Там-Там сейчас же отзывался, и уж больше мне не было покоя. Никакие почесывания не могли заставить его забыть голод. Но где найдешь насекомых в такую рань, когда всюду лежит роса? Однажды я попробовала угостить Там-Тама желтком. Он жадно проглотил его, а часом позже я с ужасом заметила, что прозрачная кожица на шее птенца оттопырилась и желток комком застрял в глотке. Я попробовала сделать массаж — не помогло. Два часа не спускала я Там-Тама с ладони. Наконец комок рассосался. Правда, у птенца получился запор, но я быстро вылечила его жирными кузнечиками.

Особенно разыгрывался аппетит у Там-Тама вечером. Самое неудобное время для сбора кузнечиков, ведь в эти часы мы были заняты львиным семейством. Но однажды задача решилась сама собой. Войдя в палатку, Эльса повалилась на землю — ее совсем одолели мухи цеце. Там-Там сидел у меня на руке, мне некуда было его деть, и я стала ловить мух на Эльсе другой рукой. Вдруг мне пришло в голову угостить

мухами Там-Тама. Птенец набросился на них с такой жадностью, что я сразу припасла целую кучу мух ему к завтраку.

Прошло три дня. Там-Там оперился, и стало видно, что это самочка. В один день нижняя часть ее тельца покрылась мягчайшим пухом, а желтая кайма вокруг клюва исчезла, если не считать совсем маленьких пятнышек в уголках.

На четвертый день я подвесила гнездо на изгороди возле палатки, чтобы птенец мог насладиться утренним солнышком. Как всегда, Там-Там отчаянно горланил, требуя еды. На крик прилетели взрослые, и в несколько минут около гнезда собралось двадцать пять самок и пять самцов. Наконец одна самка юркнула в гнездо и оставалась там минуты две. Я не знала ее намерений и на всякий случай вытащила птенца из гнезда. Пусть уж все происходит на моих глазах. Малыш запрыгал по веткам и очутился на земле среди высокой травы. Несколько самок окружили его и повели сквозь эти джунгли к реке.

Мне казалось, что Там-Там летает еще недостаточно хорошо и может стать жертвой коршунов, которые все время кружили над лагерем. Да и змеи меня тревожили. Накануне Джордж застрелил у самой палатки кобру, которая явно искала выпавших из гнезд птенцов. Поэтому я посадила Там-Тама в гнездо, подвесив его возле стола в «кабинете». Пичуга уже знала свое имя. Стоило мне позвать ее, как она появлялась у входа и, возбужденно чирикавая, исполняла какой-то танец. Там-Там бесстрашно садился на мою ладонь, но дальше стола и пишущей машинки не уходил.

А на следующий день птенец вдруг вылетел из гнезда и скрылся в зарослях. Из кустов доносилось его чириканье, но, как я его ни звала, выходить оттуда он не хотел. Мы надеялись, что голод все-таки заставит Там-Тама вернуться, но птенец то ли не понимал по

молодости, что надо лететь ко мне за едой, то ли ждал, что приемная мать сама должна подойти. Я уже начала тревожиться. Его надо было поймать, но тут пришла Эльса со львятами и помешала нам. Пока мы сумели увести семейство к палаткам, где их ждал обед, уже стемнело.

Теперь Там-Там сидел на самой макушке дерева. Из-за густого кустарника мы не могли туда пробраться, и я была в отчаянии. Ведь ночью птенцу не спастись от хищников. Тогда мы стали вырубать кусты. Там-Там сидел спокойно и не улетел, даже когда мы наклонили ветку, на которой он обосновался. И вот наконец пичуга у меня в руке.

Я отнесла ее в палатку и стала кормить мухами, которых снимала со спины Эльсы. Странно было ощущать у себя на ладони это крошечное, почти невесомое существо, у которого под мягким пушком так часто билось маленькое сердечко, и в то же время другой рукой гладить Эльсу и чувствовать, как нежно она отвечает на мою ласку. Я очень привязалась к Там-Таму, но долго ли птенец захочет оставаться со мной? Рядом целое поселение сотен оживленно щебечущих, веселых птиц. Его место там, к нам он попал чисто случайно.

На завтрак Там-Там получил вволю мух цеце, потом я опять посадила его в гнездо, висевшее на солнышке. Тотчас прилетели две самки и стали по очереди забираться внутрь. Вскоре Там-Там высунулся из гнезда и под присмотром обеих самок полетел к прибрежным зарослям. Целый час мы наблюдали, как они перепархивают с дерева на дерево в окружении других ткачиков. Иногда кто-нибудь из взрослых приносил букашку, мы даже видели, как одна из воспитательниц за что-то клюнула малыша. Нам нетрудно было узнать Там-Тама по его размерам и куцему хвостику, ведь в стае он был единственным птенцом. Кстати, где же

остальные? Сидят в гнездах, пока не достигнут полной самостоятельности? Самки явно не собирались покидать Там-Тама, и мы оставили его на их попечении. Вечером разыскать его нам не удалось. Хорошо, если приемные мамы определили Там-Тама на постой в какое-нибудь гнездо, решив и впредь заботиться о приемыше.

Через неделю дожди кончились, и на каждом шагу мне стали попадаться детеныши всевозможных тварей. У реки на солнце нежились маленькие пестрые варанчики, которые, завидев меня, тотчас ныряли в пенный поток. В воде возле «кабинета» плавали две черепашки размером с монету

— точное повторение взрослых черепах с тарелку величиной, которых я часто видела на камнях на противоположном берегу. Но самая удивительная «детская» попалась мне как-то утром, когда я пошла гулять по берегу реки. В заводи, по соседству с одним из бродов Эльсы, доявились какие-то исполинские головастики. Они стояли в воде торчком, усиленно загребая хвостами. Я присмотрелась: крокодилята! Длина — сантиметров пятнадцать — двадцать, значит, им от силы два-три дня. Испещренная черными пятнами грязно-серая шкурка была отличным камуфляжем. Они держались возле самого берега и время от времени карабкались на крутой откос. Я насчитала девять штук на квадратном метре. Кажется, один играл роль караульного: он иногда заплывал в реку, но сразу же возвращался обратно.

Крокодилята все время норовили положить свои несоразмерно большие головы на плавающий камыш и, чтобы удержаться на поверхности, непрерывно перебирали лапками. Задние лапки у них были широкие и неуклюжие, но больше всего меня поразили глаза, светло-коричневого цвета, размером с горошину, чуть мутноватые, но с ясно различимой вертикальной щелью

зрачка. Выпуклые надбровные дуги и крупные шишки на конце морды придавали крокодилятам забавный вид. Зрение у них, видимо, было отличное, так как малейшее наше движение заставляло их нырять, хотя мы стояли метрах в шести или семи от них. А вот разговор и щелканье камеры на них не действовали.

Мы принесли из лагеря мясо и протянули им на палке. Крокодилята отнеслись к нему равнодушно. Так же приняли они червяков. Их не привлекали ни жуки, ни стрекозы, ни головастики. Но едва Джордж «заговорил» на крокодилий лад «имн-имн», как малыши сбились в кучу и повернули головы на звук. Подойти ближе они не посмели, среди камышей им было спокойнее. Значит, они не глухие, слышат и нашу речь, и щелканье камеры, просто эти звуки им ничего не говорят. Скорлупу яиц, из которых они вылупились, мы не нашли. Возможно, крокодилята появились на свет на противоположном берегу, но туда мы не могли перебраться из-за разлива. Через два дня мы застали в этой заводи всего двух крокодилят, а в следующий раз лишь одного.

Как только чуть подсохло, приехал Джордж и привез с собой пятерых объездчиков. Постоянные обходы должны были пресечь браконьерство. Для кордона мы выбрали место подальше от лагеря Эльсы. Джордж наблюдал за его устройством и прокладкой новой дороги. Мы рассчитывали, что главная часть работы будет сделана за две недели. Потом мы будем все реже навещать Эльсу, чтобы львята учились охотиться с нею и вели действительно дикую жизнь. Наше затянувшееся пребывание в буше привело к тому, что они слишком привыкли жить в лагере. Правда, мы не сделали их ручными, и только Джеспэ по-настоящему привык к нам, а в общем, все дикие инстинкты львят сохранились. И уж, конечно, Гупа и Эльса-маленькая терпели нас только потому, что мать подчеркивала свое дружелюбие к нам.

Интересно, сумела ли Эльса каким-то образом внушить им, чтобы они не причиняли нам зла (у них вполне хватило бы на это сил), или же они просто подражали ей. Скажем, если бы Джеспэ не сдерживал себя, он во время игры или в приступе ревности легко бы мог нас поранить. Но львенок хорошо владел собой. А когда у него бывало дурное настроение, он предупреждал нас об этом.

Гупа вел себя более холодно, но и он не задевал никого, пока его не трогали. Эльса-маленькая была по-прежнему робкой; правда, к нам она уже относилась спокойнее.

Странно, что ни один из львят никогда не влезал следом за матерью на крышу лендровера. А ведь они с обидой смотрели на нее снизу, когда она забиралась туда, спасаясь от их приставаний. Львята отлично лазали по деревьям, так что им ничего не стоило бы вскочить на капот, а оттуда на кабину, как делала в детстве Эльса, но почему-то лендровер был для них запретной зоной.

Когда Джордж уезжал, Джеспэ и Гупа устраивались в его палатке, и, если он возвращался вечером, там становилось тесновато. Меня это беспокоило, ведь Джордж любил спать на низкой кровати, а мало ли что может случиться, когда под боком лежат и Эльса, и Джеспэ, и Гупа. Но львы вели себя на диво хорошо. Если Джеспэ кусал Джорджа за пальцы ног, тому было достаточно крикнуть «нельзя», и львенок тотчас оставлял его в покое.

Однажды ночью Эльса, повернувшись во сне, опрокинула кровать Джорджа, он упал на Джеспэ — и тот хоть бы что. Гупа, который спал у изголовья, даже не пошевелился. Вот насколько львята с нами освоились.

Среди ночи из-за реки донеслось рычание чужого льва. Эльса встала и увела львят с собой. Возможно, это

приходила свирепая львица, потому что на следующий вечер семейство съело свое мясо возле самой палатки и здесь же были зарыты в землю внутренности, что вовсе не обрадовало Джорджа. Вскоре снова во мраке послышалось рычание, и Эльса увела детей за реку. Переправляться им пришлось вплавь, так как река была все еще глубокой. Утром, обнаружив следы чужой львицы возле самого лагеря, мы поняли, что наши львы рисковали не зря.

Через день, возвратившись с прогулки, мы застали за ужином Эльсу и двоих львят, Джеспэ с ними не было. Впрочем, мы тут же его отыскали. Он стоял за палатками и уписывал жареную цесарку, которую стащил у нас со стола. Вид у него был такой озорной, что мы не могли не рассмеяться. Одно нам было непонятно, почему он предпочел жареное мясо сырому. А на следующий день мы снова удивились, когда, наткнувшись на семейство в буше, увидели, что львята сосут мать. Им было уже по десяти с половиной месяцев, и вряд ли они что-нибудь извлекали из сосков.

К этому времени у Джеспэ и Гупы появились первые признаки зрелости

— нежный пушок на шее и вокруг морды. Выглядели они очаровательно, хотя у них и был теперь слегка запущенный вид.

Эльса радостно приветствовала нас. Джеспэ оттер ее в сторонку, чтобы мы и его погладили. Она посмотрела на нас, потом одобрительно облизала своего сына.

Мы вернулись в лагерь вместе с ними. Здесь лежали остатки вчерашнего ужина, но Эльса не захотела их даже нюхать, она потребовала свежего мяса. Немного спустя за рекой заворчал леопард. Эльса быстро побежала на голос. Минут через пятнадцать львята последовали за нею. Молодец Эльса, сама защищает свой участок!

Ночью рычал лев, и, когда рассвело, мы проследили отпечатки его лап до Больших скал. Видимо, львят что-то напугало, потому что 24 ноября они отказались плыть с матерью через реку, ей пришлось дважды возвращаться за ними, прежде чем они решились. На том берегу семейство затеяло отчаянную возню. Эльса катала Джеспэ по земле, словно мяч, что ему очень нравилось, а бедный Гупа неуклюже прыгал между ними, всячески стараясь обратить на себя внимание. Когда я подошла с фотоаппаратом, Гупа заворчал на меня, получил от Джеспэ затрещину и притих. Даже в забавах чувствовалась разница в нраве львят. За обедом, как всегда, все обиды были забыты.

Джордж подстрелил цесарку. Я хотела отдать ее Эльсе-маленькой и подошла к львьятам, пряча птицу за спиной. Выждав, когда Эльса-маленькая на миг оторвалась от еды, я показала ей цесарку. Она тотчас смекнула в чем дело и уже не спускала с меня глаз, продолжая есть вместе с братьями. Я отошла в сторону, бросила птицу за куст так, чтобы братья не видели, и стала показывать ей рукой на цесарку. Она мигом сорвалась с места, схватила добычу и спряталась в зарослях, где могла насладиться в одиночку.

На следующий день мы обнаружили семейство на камнях за рекой напротив «кабинета», над большой заводью, в которой одно время жил огромный крокодил. Львята, видимо, оробели, и Эльса одна переправилась к нам. Она схватила тушу, которую мы принесли, и поплыла с нею обратно, теперь уже выше по течению. Берег там был намного круче, зато как будто не водились крокодилы.

Семейство явно еще не успело проголодаться. Львята от мяса отказались и затеяли игру на деревьях. Они пробирались по свисающим над рекой сучьям, стараясь столкнуть друг друга в воду. Потом к ним присоединилась и Эльса. Она стала показывать

львьятам, как поворачивать на ветке, как переходить с одного сука на другой.

Уже стемнело, а они все еще не прикасались к мясу. Боясь, что оно достанется чужакам и Эльсе придется драться из-за него с кем-нибудь, Джордж решил забрать его.

Но сначала надо было переманить семейство на нашу сторону, а то они не дадут притронуться к мясу. Джордж отошел подальше и переправился незаметно для них, а я стала приманивать их цесаркой. Хитрость удалась, все четверо приплыли ко мне. Но едва Джордж подошел к туше, как Эльса тотчас вернулась защищать ее. Джорджу долго пришлось задабривать Эльсу, прежде чем она позволила ему переправить мясо на наш берег. Однако и теперь она не отстала, а поплыла рядом, недоверчиво поглядывая на него. Львята взволнованно метались по берегу, но матери на помощь не поспешили. Странно, ведь обычно они не боялись реки, да и уровень воды теперь намного понизился. Впрочем, позднее они целиком себя реабилитировали. Как только стемнело, мы услышали, что к солонцу пришел носорог. Эльса помчалась туда вместе со львятами, и по хрюканью носорога мы поняли, что они обратили его в бегство. Молодцы, не побоялись такого крупного и свирепого зверя!

Когда Джеспэ бывал в игривом настроении, он любил потешать всех. Выбрав день, когда он был особенно оживлен и всех задирал, я положила на свисающую над рекой ветку деревянный поднос. Что он придумает? Джеспэ мигом влез на дерево, прижал качающийся поднос лапой и попытался ухватить его. Это ему удалось, и Джеспэ, держа поднос в зубах, стал осторожно спускаться, то и дело останавливаясь, чтобы проверить, воздаем ли мы должное его ловкости. Наконец он достиг земли и принялся важно расхаживать со своим трофеем, пока Эльса-маленькая и

Гупа не положили конец представлению, набросившись на брата.

Отпуск Джорджа подходил к концу. Кажется, теперь самое время уезжать из лагеря. Эльса уже взяла верх над свирепой львицей и сможет отстоять свой владения. Браконьеры, по-видимому, ушли отсюда и, надо надеяться, не покажутся здесь до следующей засухи. А к тому времени объездчики сумеют справиться с ними, ведь кордон почти готов и патрули уже несут службу по берегам реки.

И львята уже превратились в сильных молодых львов, пора им охотиться с матерью, вести естественный образ жизни. С каждым днем они становились все ревнивей. Как бы наша любовь к Эльсе не толкнула их на какой-нибудь проступок.

Но к разлуке их надо приучать постепенно. Первый раз мы решили уехать на шесть дней, но из-за сильных дождей я попала в лагерь лишь на девятый день. Мне очень трудно пришлось без Джорджа, надо было самой вытаскивать грузовик и лендровер из грязи. На это у нас ушло два дня.

На выстрелы Эльса не явилась. Следов ее нигде не было видно, правда, их могло смыть дождем. Я отправилась к Большим скалам и по пути встретила все семейство. Они тяжело дышали, видимо, прибежали издалека, услышав мой сигнал. Эльса радостно меня встретила, а Джеспэ старался втиснуться между нами, чтобы я и его погладила. Гупа и Эльса-маленькая держались в сторонке.

Все четверо выглядели отлично, нисколько не отощали. У Эльсы на шее и морде были метины от укусов, но, кажется, ничего серьезного. У Гупы отросла длинная темная грива, у Джеспэ она была посветлее и покороче. Я представила себе, какой это чудесный прайд будет через год: две стройные львицы и два льва, темный и светлый...

Мы привезли козью тушу, и Эльса сразу принялась за еду. Но львята не рвались к мясу, они сначала немного поиграли и только потом присоединились к матери. Насытившись, Эльса подошла ко мне приласкаться, пользуясь тем, что львята увлечены едой и можно не опасаться сцен ревности.

Стремление Эльсы избежать ссор и недоразумений ясно проявлялось и на следующий день. Я выдала львятам цесарку и стала наблюдать, как они спорят из-за добычи. Гупа сердито ворчал на Джеспэ, Эльсу-маленькую и на меня. Эльса тотчас прибежала посмотреть, в чем дело. Убедилась, что никто не обижает Гупу, и вернулась на крышу лендровера.

Я подошла к ней через несколько минут, и, пока львята еще ели, Эльса зашипела и раза два стукнула меня. Я тут же ушла, удивляясь, чем это я заслужила такое обращение. Тогда Эльса спрыгнула на землю и стала ласково тереться об меня, словно прося извинения. Я погладила ее, и она легла рядом, положив на меня лапу. Но стоило подойти львятам, как Эльса отвернулась, напустив на себя равнодушие.

Она все время давала понять, как беспокоится о том, чтобы львята ладили с нами. Как-то вечером, наевшись досыта мяса, Джеспэ пришел ко мне в палатку. Играть ему было тяжело, он просто повалился на спину, выставив кверху живот, и посмотрел на меня, явно прося погладить. Так как он был настроен миролюбиво, я отважилась погладить его шелковистую шерстку. Он зажмурился и почмокал от удовольствия. Эльса, все время наблюдавшая за нами, спрыгнула с машины и лизнула нас обоих, радуясь нашим добрым отношениям.

Эту идиллическую сцену неожиданно оборвал Гупа. Он незаметно подкрался и уселся на свою мать, всем видом показывая, как нежелательно мое присутствие. Я отошла в сторонку и принялась рисовать их.

Как ни любила Эльса своих детей, она непременно наказывала их, если они делали что-нибудь нам неуютное, хотя бы ими и руководили только врожденные инстинкты.

На ночь мы запирали коз в моем грузовике, но, когда он был отправлен на ремонт, пришлось держать их за колючей оградой. И вот однажды Джеспэ устроил форменную осаду. Мы уже стали опасаться, что ограда не защитит коз. Пытались отвлечь его и так и этак, но ничто не помогало. Тогда вмешалась Эльса. Она подошла к сыну, пробуя увести его, он не послушался. Эльса дала ему несколько тумачков — Джеспэ дал сдачи. Было потешно смотреть на их сражение. В конце концов, Джеспэ позабыл о козах и пошел за Эльсой в палатку, где их ждал обед.

После еды Джеспэ решил придумать себе какую-нибудь новую забаву. Сперва он стащил банку со сгущенным молоком и катал ее по брезентовому полу палатки, пока все не перемазал. Потом завладел подушкой Джорджа, но перья щекотали его, и он стал искать другую игрушку. Не успела я опомниться, как Джеспэ схватил коробку с моими швейными принадлежностями и удрал в темноту. Я перепугалась, что коробка раскроется и он проглотит иголки. Схватив жареную цесарку, я бросилась вслед за ним. К счастью, вид цесарки соблазнил Джеспэ, он выпустил коробку, и на траву посыпались иголки, бритвенные лезвия, булавки, ножницы. Мы все это тщательно собрали, чтобы левята на что-нибудь не напорились.

Глава четырнадцатая. НАЧИНАЕТСЯ НОВЫЙ ГОД

Снова настала пора уехать в Исиоло и дать львям пожить дикарями.

3 декабря я отправилась в администрацию округа, в котором расположен лагерь Эльсы, чтобы рассказать про львят и посоветоваться, как лучше использовать часть гонорара за мою книгу для нужд заповедника.

Эльса представляла для заповедника немалую ценность. Во-первых, люди во всем мире, читая о ней, проникались интересом к судьбе диких животных, во-вторых, мой гонорар отчасти пошел на учреждение нового кордона. Но местные жители были недовольны, считая, что из-за нее мы усилили борьбу с браконьерством. А недавно в Танганьике прирученный лев убил женщину, и вот я услышала, что этот случай усилил неприязнь к Эльсе. Еще поговаривали, что дружба львицы с нами делает ее опасной для посторонних, так как она перестала бояться людей. Меня предупредили, что из-за всего этого придется, возможно, переселить Эльсу в другое место.

Четыре дня спустя мы услышали, что километрах в двадцати от лагеря Эльсы лев напал на двоих африканцев. Джордж тотчас отправился расследовать все обстоятельства. Когда он приехал в лагерь, было уже поздно, и он решил подождать до завтра. Вечером Эльса и львята весело играли у палаток. Ели они жадно, хотя ничуть не отощали за семь дней разлуки с нами. Как только рассвело, Джордж отправился на кордон, но объездчики ничего не слышали о нападении льва на людей. Он попросил их осмотреть место предполагаемого происшествия и возвратился в лагерь.

Чтобы удержать семейство у палаток, Джордж дал им козью тушу. Они уволокли ее в заросли и пробыли там до вечера.

Я приехала на следующий день с грузовиком и лендрровером. Мужчины измучились за дорогу, час был поздний, и мы не стали освобождать грузовик для коз, а загнали их в бому.

Эльса не могла не слышать гула моторов, и все же она не вышла встретить меня. Такого еще никогда не случилось.

Только я легла спать, как львята атаковали бому. Трещали сучья, ворчали львы, блеяли обезумевшие от страха козы. Когда мы прибежали туда, Эльса, Гупа и Эльса-маленькая уже убили по козе. Джеспэ тоже придавил лапой жертву, но Джордж успел спасти ее.

Два часа мы ловили перепуганных, разбежавшихся коз, наконец всех собрали и поместили в машину. Привлеченные шумом, вокруг лагеря бродили гиены.

Эльса унесла свою добычу за реку. Джордж спустился на берег и увидел огромного крокодила, который хотел перехватить ее. Джордж выстрелил и, к сожалению, промахнулся. До двух ночи прождал он у реки, но крокодил больше не появлялся.

Лвята оставались со своей добычей на берегу, очень расстроенные, что мать ушла от них за реку. С полчаса они тревожно мяукали, потом решились переплыть за нею, так и не отведав добычи.

Под вечер вернулись объездчики. Слухи о нападении львов на людей не подтвердились, зато они узнали, что местные жители настроены против Эльсы. Было очевидно, что ей грозит немалая опасность, и мы стали обсуждать, как нам действовать дальше.

Охраняя Эльсу и львят от браконьеров, мы прожили в лагере дольше, чем рассчитывали вначале, — целых полгода. И конечно, мы помешали им естественно развиваться, а если приезжать сюда и впредь, львята

станут совсем ручными и уж вряд ли смогут жить самостоятельно в буше. Да и местные жители еще больше ожесточатся.

Но оставить здесь Эльсу и львят одних тоже нельзя, значит, нужно поскорее найти новое место и переселить их туда.

Нам и для Эльсы было нелегко подобрать подходящий район. Еще труднее будет теперь, когда появились три львенка. Конечно, мать научит их охотиться и давать отпор естественным врагам, но как найти такое место, где бы им не угрожал самый страшный их враг — человек?

Джордж оставил на меня лагерь и поехал в Исиоло, надеясь там придумать какое-нибудь решение.

Я отправилась вместе с Нуру к гряде Ворчун. Эльса тотчас прибежала к нам и поздоровалась. Но когда я стала карабкаться вверх, чтобы взглянуть на спящих львят, она села поперек тропы и не пустила меня. Лишь после нашего ухода она позвала детей. Я видела в бинокль, как Джеспэ и Гупа спустились к ней, но Эльса-маленькая осталась наверху, словно часовой.

Когда стемнело, они явились в лагерь. После еды Эльса весело играла с сыновьями в палатке, пока они наконец не уснули, крепко обняв друг друга. Я стала их рисовать, а Эльса-маленькая сидела снаружи и наблюдала за мной. Ночью послышался голос чужого льва. Три дня гость бродил где-то по соседству, и Эльса не отходила далеко от лагеря. Только когда чужак убрался, она решила сводить львят на Большие скалы, да и то очень быстро вернулась, точно задумала пообедать пораньше, чтобы не помешали никакие львы.

Я обычно встречала их на пути в лагерь и часто бывала растрогана поведением Джеспэ. Когда мы с Эльсой здоровались, он тоже хотел в этом участвовать, но, понимая, что я побаиваюсь его когтей, поворачивался ко мне спиной и стоял совсем

неподвижно. Гладь, мол, ничего не будет. Так у него и повелось с тех пор.

В последнее время в лагерь по вечерам навевывалась генетта. Она вскакивала на машину, а оттуда на дерево, где висели гнезда ткачей. Быстро поднималась к самой макушке и по гибким ветвям подкрадывалась к гнездам. Даже свет моего карманного фонарика не смущал ее.

Генетта была еще совсем молодая, малый вес и размеры позволяли ей ходить по самым тонким веткам. Но чтобы добраться до птицы через обращенный книзу ход, требовались сложные акробатические маневры. И пока генетта примерялась, птицы, к счастью, успевали ускользнуть. Все это происходило в полной тишине, даже улетающие ткачи почему-то никогда не оповещали криком соседей, что появился убийца.

Наконец генетта пропадала в листве и сильно встряхивала гнездо. А через несколько секунд вниз сыпались перья, свидетельствуя о трагедии. Я заметила по часам, что генетта ухитряется каждые пять минут ловить по птичке.

Обычно в эту пору, дожди прекращаются, но теперь они почему-то затянулись, и для декабря буш был удивительно зеленым. Возможно, поэтому ткачи не покидали своих гнезд.

Из-за дождей река сильно вздулась. Как-то вечером я услышала в кустах, пониже палаток, хохот гиен. Эльса и львята решили прогнать их. Судя по рычанию, дело дошло до настоящей драки. Вскоре подали голос два льва, Эльса ответила им. Они рычали всю ночь, и на рассвете Эльса, несмотря на разлив, увела львят за реку. Ей явно не хотелось встречаться с чужими львами.

20 декабря львятам исполнился год. День начался тревожно. Из-за разлива мы не смогли переправиться и проверить, как поживает наше семейство после беспокойной ночи. Поэтому я очень обрадовалась, когда

под вечер они сами явились в лагерь, мокрые насквозь, но невредимые.

По случаю праздника мы припасли им цесарку, которую я разделила на четыре равные части. Проглотив свою долю, Эльса вскочила на лендровер, а львята принялись за козлятину.

Видя, что все поглощены своими делами, я пошла с Македде на вечернюю прогулку в буш. Не успели мы сделать и нескольких шагов, как Эльса соскочила с машины и отправилась за нами. Тогда и Джеспэ, бросив мясо, побежал за матерью. А вскоре мы увидели, что Эльса-маленькая и Гупа несутся сквозь заросли параллельно нашей тропе.

В том месте, где дорога ближе всего подходит к Большим скалам, львы остановились и стали кататься по песку. Я немного постояла рядом с ними и, когда заходящее солнце обагрило скалы, пошла обратно. Видно, Эльса решила провести вечер здесь... Но, к моему удивлению, она снова догнала меня и пошла рядом так, чтобы я могла сгонять с нее мух цеце. За нами, как послушный ребенок, трусил Джеспэ. Гупа и Эльса-маленькая не торопясь брели где-то позади, и нам то и дело приходилось останавливаться и ждать их.

Видимо, Эльса просто-напросто решила прогуляться вместе со мной. После рождения львят это случилось впервые. Мне было приятно отметить день рождения львят такой чудесной прогулкой.

Когда мы пришли в лагерь, Эльса улеглась на полу в моей палатке. Сыновья легли рядом, прижались к ней и обняли лапами. Я принялась рисовать их. Через некоторое время Эльса отправилась на крышу лендровера, а дети приступили к обеду. Воспользовавшись случаем, я подошла к Эльсе, чтобы погладить ее. Она ответила мне лаской. Мне хотелось поблагодарить ее за то, что она позволила нам участвовать в воспитании львят и разделять ее тревоги

в самую опасную для детенышей пору. И вдруг, словно это было напоминание о том, что мы с Эльсой принадлежим к двум различным мирам, вдали зарычал лев. Эльса насторожилась и ушла.

Утром на берегу реки мы обнаружили следы львицы. Но Эльсы нигде не было. Она не показывалась в лагере целый день и ночью тоже не пришла. На вторую ночь мы услышали рычание двух львов, и нам стало ясно, почему Эльса не приходит. На следующий день около девяти утра я застала ее на гряде Ворчун. Она рычала во всю глотку. Я окликнула ее, но она не отозвалась и продолжала рычать еще целый час. Кого же она могла звать в эту пору дня?

Вечером Эльса привела львят в лагерь обедать, но как только зарычал лев, она тотчас же ушла с ними за реку.

23 декабря семейство провело ночь в лагере. После завтрака я пошла вместе с Македде по дороге, чтобы проверить по следам, кто приходил сюда ночью. Эльса со львятами присоединилась к нам, и вместе мы отшагали около трех километров.

Джеспэ был очень ласков, терся о мои ноги и даже позволил мне вытащить клеща, который впился ему в морду у самого глаза. Мы заметили двух шакалов, гревшихся на солнце. Я и раньше уже их здесь встречала, они нас совсем не боялись и не убегали при нашем приближении. Вот и теперь они не двигаются с места, хотя нас разделяют каких-нибудь тридцать метров. И только когда Эльса кинулась в их сторону, они улизнули. Но стоило ей отвернуться, как шакалы высунули из-за кустов свои морды.

Мы дошли до большой лужи, львы напились из нее. Солнце теперь сильно припекало, и я ждала, что Эльса останется у воды на целый день. Нет, она пошла с нами обратно в лагерь. Я невольно подумала, что вся наша большая семья совершает воскресную прогулку...

Казалось, Эльса решила порадовать меня по случаю Сочельника.

На обратном пути мы снова увидели шакалов, но разморенные зноем львы не захотели с ними связываться, так что шакалы даже не сдвинулись с места при нашем приближении.

Эльса и львята поминутно останавливались, чтобы отдышаться в тени под деревьями, а когда мы подошли к Большим скалам, они вдруг ринулись бегом через кустарник, в несколько прыжков достигли вершины и улеглись там среди камней. Я было двинулась следом, но Эльса дала мне понять, что они хотят побыть одни. Она никогда не стеснялась проводить грань между двумя мирами, и пришлось мне довольствоваться несколькими снимками.

К чаю приехал Джордж с целым чемоданом писем. Пока мы собирали цветы, чтобы украсить лагерь по случаю Рождества, он рассказал мне, какие возможности есть для Эльсы и львят. Его особенно привлекал участок возле озера Рудольф, где им не приходилось бы опасаться людей. Джордж уже получил разрешение властей и собирался поехать туда, чтобы подыскать наиболее подходящее место.

Природа на севере Кении довольно неприветлива, так что я без особой радости слушала Джорджа. А в это время к нам присоединилась Эльса. Львята бежали следом за нею, весело играя, и я с болью в душе представила себе, как они будут бродить в угрюмой вулканической пустыне там, у озера.

В лагере семейство получило свой ужин, а я тем временем принялась накрывать праздничный стол. Украсила его цветами и мишурой, а посередине поставила елочку, которую сберегла с предыдущего Рождества, и рядом с нею вторую, поменьше, только что присланную из Лондона. Потом достала подарки для Джорджа и боев.

Джеспэ очень внимательно следил за мной и, как только я отвернулась, чтобы взять свечи, подскочил к столу, схватил сверток с рубашкой для Джорджа и удрал с ним в кусты. За ним сейчас же побежал Гупа, и они наигрались всласть. Когда мы наконец отняли у них рубашку, она уже не годилась для подарка.

Стемнело, я начала зажигать свечи. Джеспэ тотчас решил, что мне нужна его помощь. Я едва успела помешать ему стащить со стола скатерть с елками и горящими свечами. Пришлось долго задабривать его, чтобы он отошел в сторонку и дал мне зажечь остальные свечи. Когда все было готово, Джеспэ подошел к столу, наклонил голову и стал разглядывать сверкающую елку. Потом сел и долго смотрел на горящие свечи. Они постепенно таяли и гасли одна за другой. Когда меркло пламя, мне казалось, что мрак сгустился еще больше, заслоняя от нас будущее. Эльса и лъвята мирно лежали в траве, их почти не было видно.

Мы сели читать письма. На это ушел не один час. Мысленно мы путешествовали по всему свету, навещая всех людей, которые прислали поздравления и пожелали счастья и нам, и Эльсе со лъвятами.

Хорошо, что одним из последних я вскрыла конверт, в котором был приказ убрать Эльсу и лъвят из заповедника.

Лагерь Эльсы, 24 декабря 1960 года.

notes

Примечания

1

Медоед, или ратель (*Mellivora capensis*), — хищник из семейства куньих. Питается мелкими позвоночными (грызунами, ящерицами, лягушками), насекомыми, но часто поедает и растительную пищу (корни, клубни). В Азии, в том числе и СНГ, обитает другой вид медоеда (*M. indica*), внешне несколько напоминающий барсука.

2

Пальмовый гриф (*Gypohierax angolensis*) питается почти исключительно плодами масличной пальмы. Едва ли не единственный пример приспособления хищной птицы к питанию растительной пищей.